

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

№ 3 (41), 2015

Общественная ассоциация «Русь»

Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русьны

2015, 3 (41)

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдавия)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2015, 3 (41)

Association "Rus" (Kishinev, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русьны

Основан в 2003 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

главный редактор
кандидат исторических наук *С. Суляк* (Молдавия)

заместитель главного редактора
кандидат филологических наук *Д. Катунин* (Россия)

кандидат исторических наук *Н. Бабилунга* (Молдавия, Приднестровье)

доктор исторических наук *М. Губогло* (Россия)

кандидат исторических наук *Ю. Данилец* (Украина)

доктор исторических наук *В. Зиновьев* (Россия)

доктор исторических наук *А. Майоров* (Россия)

кандидат исторических наук *В. Меркулов* (Россия)

доктор филологических наук *З. Резанова* (Россия)

доктор исторических наук *Н. Руссев* (Молдавия)

доктор филологических наук *И. Силантьев* (Россия)

кандидат исторических наук *В. Содоль* (Молдавия, Приднестровье)

кандидат исторических наук *Н. Тельнов* (Молдавия)

доктор исторических наук *А. Черкасов* (Россия)

доктор исторических наук *М. Чучко* (Украина)

Р. Шапка (Канада)

кандидат исторических наук *П. Шорников* (Молдавия)

доктор лингвистических наук *М. Фейса* (Сербия)

Адрес редакции: Республика Молдова, MD 2001, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24, кв. 1 А. Республиканская общественная ассоциация «Русь».

Тел.: (+373 22) 28-75-59.

E-mail: journalrusyn@rambler.ru

International Historical Journal

RUSIN

Established in 2005

SCIENTIFIC PUBLICATION

Editorial Board:

Editor-in-Chief

PhD in History *Sergey Sulyak* (Moldova)

Deputy Editor-in-Chief

PhD in Philology *Dmitry Katunin* (Russia)

PhD in History *Nikolai Babilunga* (Moldova, Transnistria)

Doctor of History *Mikhail Guboglo* (Russia)

PhD in History *Yurij Danilets* (Ukraine)

Doctor of History *Vasily Zinovyev* (Russia)

Doctor of History *Alexander Maiorov* (Russia)

PhD in History *Vsevolod Merkulov* (Russia)

Doctor of Philology *Zoya Rezanova* (Russia)

Doctor of History *Nikolai Russev* (Moldova)

Doctor of Philology *Igor Silantev* (Russia)

PhD in History *Veacheslav Sodal'* (Moldova, Transnistria)

PhD in History *Nicolai Telnov* (Moldova)

Doctor of History *Aleksandr Cherkasov* (Russia)

Doctor of History *Mykhaylo Chuchko* (Ukraine)

Roman Shapka (Canada)

PhD in History *Petr Shornikov* (Moldova)

Doctor of Linguistics *Mikhajlo Fejsa* (Serbia)

Editor's Address: Association "Rus". M. Kogalniceanu Street, 24, ap. 1A,
Kishinev, MD 2001, Moldova.

Tel.: (+373 22) 28-75-59.

E-mail: journalrusyn@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	9
<p>Всероссийская научная конференция с международным участием «Славянские языки в условиях современных вызовов»</p>	
От редактора выпуска	11
<i>Суляк С.Г.</i> Язык русинов Бессарабии в трудах дореволюционных этнографов	14
<i>Старикова Г.Н.</i> О «Русинско-русском словаре» И. Керчи и дополнениях к нему	25
<i>Голев Н.Д., Ким Л.Г., Стеванович С.В.</i> Разноязычный словарь как отражение славянского ментально-языкового единства и межкультурных различий	39
<i>Катунин Д.А.</i> Языковые права русинов, украинцев и других национальных меньшинств в законодательстве Боснии и Герцеговины	55
<i>Фейса М.</i> Актуални процеси у русинским языку	67
<i>Бабенко И.И., Орлова О.В.</i> Языковое конструирование национальной идентичности в интернет-дискурсе: «Кто такие русины и на какой из языков похож русинский язык?»	79
<i>Демешкина Т.А.</i> Славянский компонент в самоидентификации жителя Сибири	90
<i>Киселев В.С.</i> Панславизм и конструирование национальной идентичности в русской и польской словесности XIX в.	108
<i>Рыбальченко Т.Л.</i> Славянская версия идеи «Центральной Европы»: Чеслав Милош	128
<i>Суханова С.Ю., Цыпилёва П.А.</i> Философско-поэтическое переживание мира как элемент славянского художественного сознания: Сковорода и Драгомощенко	144

<i>Алефиренко Н.Ф.</i> Русинско-восточнославянская идиоматика в свете теории дискурса	153
<i>Тубалова И.В., Эмер Ю.А.</i> Социально обусловленные трансформации малых песенных жанров славянского фольклора в современном коммуникативном пространстве	169
<i>Дронова Л.П.</i> Генетические связи слав. *čerda: семантическая реконструкция	183
<i>Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А.</i> Динамические процессы в содержании эмоциональных концептов «зависть» и «ревность» в славянских и романо-германских языках	191
<i>Шишигин К.А., Лебедева Н.Б.</i> Славянские языки как фактор гибридизации идиша	210
<i>Нагель О.В.</i> Деривационная специфика наименований лица в славянских языках (на материале параллельного подкорпуса НКРЯ)	226
<i>Резанова З.И., Некрасова Е.Д.</i> Влияние грамматической категории рода на бимодальное восприятие имен существительных болгарского языка	241

CONTENTS

Editor's Page	9
Slavic Languages: Responding to New Challenges	
International Scientific Conference	
From the Editor of the Issue	11
<i>Sulyak S.G.</i> The Language of the Rusins of Bessarabia in the Works of the Pre-Revolutionary Ethnographers	14
<i>Starikova G.N.</i> I. Kercha's Rusinian-Russian Dictionary and Supplements to It	25
<i>Golev N.D., Kim L.G., Stevanovich S.V.</i> A Multilingual Dictionary as a Reflection of Slavic Mental-Linguistic Unity and Cross Cultural Differences	39
<i>Katunin D.A.</i> Language Rights of Rusins, Ukrainians and Other National Minorities in the Current Laws of Bosnia and Herzegovina	55
<i>Fejsa M.</i> Current Processes in the Rusinian Language	67
<i>Babenko I.I., Orlova O.V.</i> Language Construction of National Identity n the Internet Discourse: "Who Are the Rusins and What Language Is Rusinian Like?"	79
<i>Demeshkina T.A.</i> Traits of the Slavic Identity in the Self-Identification of a Siberian Native	90
<i>Kiselev V.S.</i> Pan-Slavism and Construction of National Identity in Russian and Polish Literature of the XIX Century	108
<i>Rybalchenko T.L.</i> Slavic Version of the Idea of "Central Europe": Czesław Miłosz	128
<i>Sukhanova S.Yu., Tsypanyova P.A.</i> Philosophical and Poetic Experience of the World as Part of the Slavic Artistic Consciousness: Skovoroda and Dragomoshchenko	144

<i>Alefrenko N.F.</i> Rusin-Eastern Slavic Idioms in the View of the Discourse Theory	153
<i>Tubalova I.V., Emer Yu.A.</i> Socially Caused Transformations of Small Slavic Folklore Song Genres in Modern Communicative Space	169
<i>Dronova L.P.</i> Genetic Relationship of *čerda: Semantic Reconstruction	183
<i>Bulygina E.Yu., Tripolskaya T.A.</i> Dynamic Processes in the Content of Emotional Concepts of Envy and Jealousy in Slavic and Romance-Germanic Languages	191
<i>Shishigin K.A., Lebedeva N.B.</i> The Slavic Languages as a Factor of Yiddish Hybridization	210
<i>Nagel O.V.</i> Derivation Peculiarities of Nominal Nouns in Slavic Languages (Based on the Parallel Subcorpus of the National Russian Corpus)	226
<i>Rezanova Z.I., Nekrasova E.D.</i> The Influence of Grammatical Gender on the Bimodal Perception of Bulgarian Nouns	241

Уважаемые члены редколлегии, авторы и читатели!

По итогам 2014 г. международный исторический журнал «Русин» занял 10-е место среди исторических журналов Восточной Европы (<http://scimagojr.com>), индексируемых в базе данных «Scopus», и вошел в престижный второй квартиль (Q2).

«Scopus» (<http://www.scopus.com>) представляет собой крупнейшую в мире единую реферативную базу данных, которая индексирует 22 878 наименований журналов, из них 897 исторических. Разработчиком и владельцем «Scopus» является издательская корпорация «Elsevier» (Нидерланды) – крупнейший в мире издатель научно-технической и медицинской литературы.

В «Scopus» представлено 6 047 американских (в том числе 183 исторических), 5 475 английских (242 исторических), 1 848 нидерландских (80 исторических), 1 341 немецкий (56 исторических), 577 французских (61 исторический) журналов. Среди восточноевропейских – 230 российских, 157 румынских, 37 украинских, 3 молдавских, 2 белорусских.

Из 57 индексируемых восточноевропейских исторических журналов – 13 румынских, 4 российских, 1 молдавский («Русин»). Нет ни одного украинского и белорусского.

Сегодня данные «Scopus» признаны в ряде стран (к примеру, Министерством образования и науки Российской Федерации и Министерством образования и науки Украины) в качестве критериев системы оценки эффективности деятельности высших учебных заведений. Многие вузы начисляют надбавки за статьи в рецензируемых журналах, учитывая квартиль журнала в базах данных «Web of Science» и «Scopus».

Выросший рейтинг журнала налагает дополнительные требования к рассмотрению материалов, предоставленных для публикации. Особое внимание будет уделяться соблюдению правил оформления статей, их оригинальности и соответствию заявленной теме.

С.Г. Суляк,
главный редактор журнала «Русин»

Dear members of the Editorial Board, authors and readers!

At the end of 2014 the international historical journal *Rusin* ranked 10th among history journals in Eastern Europe (<http://scimagojr.com>) indexed in Scopus, and entered the prestigious second quartile (Q2).

Scopus (<http://www.scopus.com>) is the world's largest abstract database which indexes 22,878 journal titles, 897 of which are historical. The developer and owner of Scopus is Elsevier publishing corporation (Netherlands), the world's largest publisher of scientific, technical and medical literature.

Scopus indexes journals from the US (6,047, including 183 historical), the UK (5,475, 242 historical), the Netherlands (1,848, 80 historical), Germany (1,341, 56 historical) and France (577, 61 historical). The Eastern European journals are from Russia (230), Romania (157), Ukraine (37), Moldova (3) and Belarus (2).

The 57 Eastern European history journals include 13 Romanian, four Russian and one Moldovan (*Rusin*). There are no Ukrainian and Belarusian history journals in Scopus.

Today, Scopus data is recognized as criteria for evaluating the effectiveness of university activities in several countries (for instance, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the Ministry of Education and Science of Ukraine). Many universities give salary bonuses for publishing articles in peer-reviewed journals, taking into account their quartiles in Web of Science and Scopus databases.

The growing rating of the journal imposes additional requirements for the review of papers submitted for publication. Particular attention will be paid to the observance of the paper submission rules, their originality and compliance with the stated topic.

S.G. Sulyak,
Editor-in-Chief of *Rusin*

ОТ РЕДАКТОРА ВЫПУСКА

В данном номере представлены статьи, подготовленные авторами по материалам докладов на Всероссийской конференции с международным участием «Славянские языки в условиях современных вызовов», которая состоялась 23–24 апреля 2015 г. в Томске. Организаторами конференции выступили Национальный исследовательский Томский государственный университет и Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Республика Молдова).

Миссия конференции заключалась в обсуждении актуальных проблем существования славянских языков в активно изменяющемся современном мире. Языки, являясь важнейшим маркером этнической идентичности, оказываются весьма чувствительными к действию разнонаправленных, достаточно противоречивых импульсов современной политической, социальной, культурной жизни славянского мира, включенного в макросоциальные и кросс-культурные мировые процессы. Частью этих изменений является и появление новых научных парадигм, позволяющих проинтерпретировать на новом уровне «традиционные» объекты и выявить в них новые стороны, аспекты. Вследствие этого требует рефлексии вопрос, что может дать применение новых методов для понимания как структурных и функциональных особенностей каждого из славянских языков, так и моментов интегративных.

В данном номере редколлегия журнала стремилась разносторонне представить тематику конференции, в то же время выделить темы, получившие наиболее значительную разработку и активный отклик ее участников и соотносимые с научным профилем журнала «Русин».

Разноаспектные проблемы изучения русинского языка, обсуждавшиеся на конференции, отражены в серии публикаций. С.Г. Суляк анализирует направленность и результаты изучения языка русинов Бессарабии в трудах дореволюционных этнографов, формулируя актуальные для современного языкознания проблемные зоны исследования русинского языка в его локально и социально обусловленных вариантах. Эта тема своеобразно преломляется в статье Г.Н. Стариковой, где автор анализирует «Русинско-русский словарь» И. Керчи и предлагает вариант его дополнений, мотивируя выводы необходимостью не только фиксации изменяющегося языкового состояния, но и использования теоретико-практических новаций современной лексикографии. Важным результатом интенсивного развития российской лексикографии является то, что словарь становится не только и не столько фиксатором «языковой реальности», но и действенным орудием ее анализа, о чем свидетельст-

вуют и материалы статьи трех соавторов – Н.Д. Голева, Л.Г. Ким и С.В. Стеванович, в которой представлены результаты сравнительного анализа фрагментов русской и сербской языковых картин мира, выявленных в рамках лингвокультурологического лексикографического проекта.

Глубинно соотнесенными являются социолингвистические проблемы, обсуждающиеся в статье Д.А. Катунина, посвященной анализу языкового законодательства и положения русинского языка в современной языковой ситуации Республики Босния и Герцеговина, в статье М. Фейсы, в которой обосновывается существование четырех вариантов русинского языка – бачко-сремского (в Сербии и Хорватии), прешовского (в Словакии), лемковского (в Польше) и закарпатского (на Украине, в Румынии и Венгрии) – как отражение языковых ситуаций в разных странах.

Актуальные проблемы современного славянского мира – маркеры этнокультурной идентичности, место славянского компонента в формировании разнотипных идентичностей – рассматриваются в ряде статей. В совместной публикации И.И. Бабенко и О.В. Орловой на основе анализа интернет-дискурса исследуются особенности языкового конструирования национальной идентичности русинов по отношению к трем вариантам национального самоопределения: русскому, украинскому и русинскому. Т.А. Демешкина выявляет место, роль и функции славянского компонента в формировании идентичности современных сибиряков, отраженного в записях диалектной речи. Проблема включения панславянских мотивов в конструирование национальной идентичности россиян и поляков поднимается в статье В.С. Киселева. Т.Л. Рыбальченко обсуждает интерпретацию идеи «Центральной Европы» как культурогенного пространства славянских народов, отраженную в эссеистике польского поэта Ч. Милоша, и обосновывает милошевскую концепцию Европы как свободного союза различных малых этносов с различными языками и традициями. В статье С.Ю. Сухановой и П.А. Цыпилёвой сквозь призму современного поэтического мирозерцания рассматривается характер мировоззренческой константы славянского сознания в творчестве «первого славянского философа» Григория Сковороды.

Несколько статей, направленных на выявление этнокультурного своеобразия славянских макро- и микроэтносов, выполнены на методологической основе лингвокультурологического и типологического языкознания. В статье Н.Ф. Алефиренко выявлено своеобразие русинской идиоматики, сохранившей многие культурные традиции Древней Руси, доказаны факты связей русинского фразеологического фонда с общеславянским фразеологическим тезаурусом. Ю.А. Эмер и И.В. Тубалова

характеризуют традиционные жанры народной припевки и направления ее трансформации, обусловленной спецификой социокультурной ситуации в современном славянском мире.

История языков и культурных взаимодействий славян внутри макроэтноса и вне его через призму истории отдельных языковых феноменов получила развитие в статье Л.П. Дроновой и совместной публикации Е.Ю. Булыгиной и Т.А. Трипольской. К.А. Шишигин и Н.Б. Лебедева характеризуют проявление славянского адстрата в идише на фоне идеи «открытости» славянских языков к иноязычным влияниям, демонстрируя это на примере проникновений в структуру русинского языка лексических заимствований, а через их посредство – фонетических огласовок, не свойственных русинской фонетике. Концептуальное и семантическое своеобразие славянских языков по отношению к родственным индоевропейским, маркированное своеобразием словообразовательной системы, представлено в статье О.В. Нагель, выполненной на материале параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Применяя экспериментальную когнитивную парадигму, З.И. Резанова и Е.Д. Некрасова выявляют на материале болгарского языка рефлексy характерных свойств славянских языков – синтетичности, флективности, высокой степени формализации грамматических смыслов, обнаруживаемые при восприятии существительных в аудиальной и зрительной модальностях.

Таким образом, актуализация социолингвистических, культурологических, историко-культурных проблем русинского языка в смысловом пространстве конференции оказалась сопряженной с широким спектром проблем современных славянских языков и культур, рассматриваемых в контексте внутренних и внешних взаимодействий.

**Председатель оргкомитета конференции,
профессор, зав. кафедрой общего, славяно-русского
языкознания и классической филологии Томского
государственного университета,
член редколлегии журнала «Русин»
З.И. Резанова**

УДК 811.161

UDC

DOI 10.17223/18572685/41/1

ЯЗЫК РУСИНОВ БЕССАРАБИИ В ТРУДАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЭТНОГРАФОВ*

С.Г. Суляк

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Scopus Author ID: 55359315000

Researcher ID: D-6981-2014

<http://orcid.org/0000-0001-5040-9080>

SPIN-код: 6908-8277

Авторское резюме

Язык русинов Карпато-Днестровских земель был официальным языком Молдавского княжества до начала XVIII в. Он оказал большое влияние на развитие молдавского языка. Большой вклад в изучение местных особенностей разговорного языка русинов Бессарабии внесли дореволюционные российские исследователи. В своих работах большинство дореволюционных авторов причисляли язык русинов Бессарабии к одной из ветвей малорусского, однако отмечали его особенности и своеобразие, сохранение в нем древних форм; указывали на его близость к великорусскому языку. К сожалению, до сих пор нет современных исследований, посвященных изучению говора населения севера современной Молдавии (русинов и их потомков). Эта тема только фрагментарно затрагивается в ряде работ. В то же время в других странах, где проживают русины, такие работы постоянно проводятся. В настоящее время носителями русинского языка в Молдавии являются в основном представители старшего поколения. С каждым годом их становится все меньше. Тем актуальнее сегодня вопрос об изучении языковых особенностей сел севера Молдавии и выпуска словаря русинского языка.

Ключевые слова: Бессарабия, Буковина, Молдавия, русины, руснаки, русинский язык.

THE LANGUAGE OF THE RUSINS OF BESSARABIA IN THE WORKS OF THE PRE-REVOLUTIONARY ETHNOGRAPHERS**

S.G. Sulyak

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

* Работа выполнена в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

** This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

Abstract

The language of the Rusins of the Carpatho-Dniestrovian lands was the official language of the Moldavian Principality up to the beginning of the 18th c. It had a great influence on the development of the Moldavian language. A major contribution into the study of the local features of the colloquial language of the Rusins of Bessarabia was made by pre-revolutionary Russian researchers. In the works of the majority of these authors the language of the Rusins of Bessarabia was linked to one of the branches of the Little Russian language, although its features and distinctiveness, its preservation of archaic forms was noted. Its similarity with Great Russian was also shown. Unfortunately, up to the present, there is no current research devoted to the study of the dialect of the Rusins and their descendants of present-day Moldova. This theme is barely addressed in fragments in the works. At the same time, in other lands where Rusins reside, these types of studies are carried out regularly. In present-day Moldova, the bearers of the Rusin language are basically the older generation. Their number decreases every year. It would be relevant that the study of the linguistic features of the villages of Northern Moldova be undertaken and a dictionary published.

Keywords: Bessarabia, Bukovina, Moldova, Rusins, Rusnaks, Rusin language.

Язык русинов Карпато-Днестровских земель был официальным языком Молдавского княжества до начала XVIII в. (Кочубинский 1903: 396; Яцимирский 1910: 154; Panaitescu 1991: 117). Он оказал большое влияние на развитие молдавского языка. В основном фонде современного молдавского языка около 2 тыс. восточнославянских заимствований (Зеленчук 1979: 236). Буковина, регион компактного поселения русинов, стала ядром княжества, основанного по древнерусским образцам во второй половине XIV в. (официальная дата основания – 1359 г.).

В 1774 г. большая часть Буковины была присоединена к Австрии, а территория между Прутом и Днестром, получившая название Бессарабия, вошла в 1812 г. в состав Российской империи.

В одной из своих работ (Суляк 2015) мы привели сведения дореволюционных этнографов о русинах Бессарабии, их расселении, численности, времени появления в крае. На наш взгляд, не меньший интерес вызывают описания местных особенностей разговорного языка бессарабских русинов в работах российских исследователей, выпущенных во второй половине XIX – начале XX в. Язык, как известно, является не только неотъемлемой частью культуры, но и одним из важнейших факторов, определяющих этническую идентичность.

В одном из своих бессарабских писем (Новоселица, 29 ноября 1848 г.) И.С. Аксаков писал: «Но как я обрадовался, перейдя от молдаван к руснакам. Здесь, в этой части Хотинского уезда, большая часть руснаки, те же, которые живут в Буковине и в Галиции; они говорят по-русски гораздо чище, чем малороссияне» (Аксаков 1888: 56).

Кстати, то обстоятельство, что «язык руснаков изо всех южнорусских наречий ближе к великорусскому», отмечал и В.И. Кельсиев, путешествуя

по Буковине и Галиции (руснаками автор называл буковинских русинов) (Кельсиев 1868: 288).

В «Списке населенных мест Бессарабской области» указывалось, что говор бессарабских русинов (руснаков) близок к говору «настоящих малорусов» (Бессарабская область 1861: XIX).

А.И. Защук сообщал, что русины говорят «языком южнорусским, немного отличным от малороссийского» (Защук 1862: 155). С этим мнением согласен С.В. Потоцкий (Потоцкий 1902: 35).

А.С. Афанасьев-Чужбинский считал, что язык бессарабских русинов – «особая отрасль малорусского наречия, в которое вошли некоторые молдавские и некоторые турецкие слова (очень мало), но говор малорусский и, как надо полагать, весьма древний, не поддавшийся последующим переменам». Он же обратил внимание на то, что «возвратная частица ставится впереди глагола, чего уже теперь нет в Малороссии». «Руснак говорит: ся смияти (смеяться), ся хвалити (хвалиться), ся турбовати (беспокоиться). Частица эта употребляется точно так же и при спряжении: я ся насмивя (я насмеялся), вин ся похвалив (он похвалился)» (Афанасьев-Чужбинский 1863: 5). Эту особенность отмечали также П.П. Чубинский и П.Я. Несторовский (Труды 1872: 507; Несторовский 1905: 153). Например: «ся смияты» (смеяться), «ся фалыты» (хвалиться), «ся турбуваты» (беспокоиться); в свадебной песне: «а теща тым ся не турбуе, выйшла на двир – зятя частуе» (Несторовский 1905: 153).

Некоторые слова произносятся с перестановкой букв (об этом же упоминает и П. Несторовский (Несторовский 1905: 152). Так, малорусское «криниця» (источник) называется здесь «кирниця», а глагол «говорить» – «вогорить»: «Я тоби вогорю, пиди до кирницы» (Афанасьев-Чужбинский 1863: 5; Несторовский 1905: 152). Слово «нехай» (пусть, пускай) по-руснацки – «най»: «Най буде так, як я вогорив». Один – един, усякий – уселякий, усячина – уселячина (Афанасьев-Чужбинский 1863: 5).

Творительный падеж в единственном числе женского рода вместо окончания *-ю* часто имеет форму *-оу*: «рукоу», «ногоу» (Афанасьев-Чужбинский 1863: 5). Об этом же писали П. Чубинский и П. Несторовский (Труды 1872: 507; Несторовский 1905: 152). Надо отметить, что данная форма сохранялась в некоторых селах севера Молдавии до 60-х гг. XX в. (Суляк 2006: 144). Например: «Не журитса мноу, бо я иду знов» (поговорка) (Несторовский 1905: 152).

А.Афанасьев-Чужбинский обратил внимание, что русины в малоросских песнях чисто малорусские слова заменяли на русинские. Писал исследователь и о влиянии молдавского языка на русинский. Его удивило

постоянное использование в речи слова «мэй» (в молдавском языке междометие, относящееся к мужскому полу; постоянный припев в народных песнях). Типа «Ходи, мэй, сюди!». Правда, А.Афанасьев-Чужбинский ошибочно записал вместо «мэй» – «мой» (Афанасьев-Чужбинский 1863: 5).

П. Чужбинский в свою очередь считал, что в южнорусском языке есть три наречия: украинское, полешское и червонорусское, состоящие из поднаречий (Труды 1872: 470). Червонорусское (русинское, русняцкое) наречие делилось, по его мнению, на подольско-холмское, галицкое и карпатское. В Бессарабии западную часть Хотинского уезда занимало подольско-холмское поднаречье, северо-западную половину Буковины – галицкое (Труды 1872: 501-512).

Интересны сведения П.Несторовского, автора первой и единственной вышедшей в дореволюционной России монографии, посвященной русинам Бессарабии¹. Он считал, что язык бессарабских русинов является «тем же малорусским языком, какой мы слышим по всему югу, точнее, юго-западу России». В их языке в то же время сохранились старинные формы, которые когда-то были во всем малорусском языке (например, упоминаемая А. Афанасьевым-Чужбинским возвратная частица «ся», стоящая по большей части впереди глагола). По его словам, поскольку руснаки не всегда «жили одною общею жизнью со своими единокровными братьями – русскими малороссами, они и язык свой до некоторой степени видоизменили». Другая причина изменения языка – чужое влияние. Эта территория долгое время переходила «из рук в руки»: «Соседство с чуждыми по крови племенами налагало заметные следы на него». В то же время П. Несторовский подчеркнул, что, несмотря на некоторые различия, особых отличий от общемалорусского языка нет. Язык русинов Бессарабии, по его мнению, представлял собой «разновидность малорусского языка»: «Руснацкий язык занимает как бы средину между подольским говором украинского поднаречия, какой существует у приднестровских малороссов Подольской губ., и подольским говором соседних с Россией австрийских провинций Буковины и Галиции» (Несторовский 1905: 149-150).

Он же отмечал твердое произношение гласных и согласных в языке русинов Бессарабии, идущее, по его словам, в разрез «с мягкостью и певучестью южнорусского языка». Причем нередко звук «и» звучит так же твердо, как и великорусское «ы». Совпадений звуков «и» и «ы», как в малорусском языке, в русинском не наблюдается. У бессарабских русинов, как у лемков, «ы» является звуком совершенно отдельным и самостоятельным, указывает исследователь. «Мышь», «сыр», «рысью», «мы», «ты» и ряд других слов произносятся так же, как и в великорусском языке (Несторовский 1905: 150).

П. Несторовский писал, что в бессарабской Буковине очень часто употребляется слово «немай», причем в сочетании с другими словами (немай боюся, немай я хочу и т.д.). На русский язык это можно приблизительно перевести как «не очень боюсь», «не очень хочу». Также он заметил систематическое добавление к глагольным формам слова «варе», например: «Варе ты шо хочешь робыты?» (Несторовский 1905: 158).

Исследователь указывал, что в языке бессарабских русинов немало заимствований из других языков: польского, молдавского, великорусского, и, вероятно, есть слова тюркского и неизвестного происхождения (Несторовский 1905: 154).

Во время Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. язык русинов Бессарабии не стали отделять от малорусского. Официальная статистика из-за близости русинского говора «с говором настоящих малороссов» относила их язык к малорусскому (Бессарабская область 1861: XX). Именно поэтому в таблице «Распределение населения по родному языку» в графе «Группы и языки» русские языки подразделялись на великорусский, малорусский и белорусский. В графе «Малорусский» есть ссылка: «В том числе показавших родным языком русинский». Таковых записали в городах и селах всего 64 чел. (Перепись 1905: 70).

Это факт позволил молдавским украинистам утверждать, что «в конце XIX в. русины Хотинского уезда включились в общий процесс консолидации украинской нации, в результате которого они утрачивали чувство принадлежности к этнической группе и приобретали общеукраинское самосознание. По переписи 1897 г. русины были причислены к украинцам, и только 64 человека назвали себя русинами» (Зеленчук 1979: 181). Игнорировался тот факт, что перепись проводилась по родным языкам, а не национальностям, и украинский язык в ней не фигурировал.

На наш взгляд, малое количество носителей русинского языка, указанное в переписи, скорее всего свидетельствует об уровне образованности счетчиков, которые из-за низкой грамотности населения (которое само читало себя русским (русинами)) самостоятельно заполняли формы. К примеру, мне довелось увидеть в Национальном архиве Республики Молдова заполненные анкеты переписи. В одной из них у семейства Руснак (6 чел.) (м. Атаки Сорокского уезда Бессарабии), М.А. Бела (австрийскоподданная, родилась в г. Черновцы, Буковина) и у некоего П.Н. Стацюка (родом из с. Снигоровка Барсуковской волости Кременецкого уезда Волынской губернии) родной язык был обозначен как «р.», т.е. просто «русский» (НАРМ: 120). Таким образом, весьма вероятно, что у некоторого числа русинов родным языком могли указать также и великорусский.

О том, что в начале XX в., даже по самым скромным подсчетам, свыше

270 тыс. жителей Бессарабии считали себя русинами, написано немало работ (Суляк 2015).

Таким образом, большинство дореволюционных исследователей причисляли язык русинов Бессарабии к одной из ветвей малорусского, однако отмечали его особенности и своеобразие, сохранение в нем древних форм; указывали на его близость к великорусскому языку. Упоминали исследователи и о том, что язык русинов Бессарабии подвергся сильному влиянию молдавского, польского и великорусского языков.

К сожалению, до сих пор нет современных исследований, посвященных изучению говора населения севера современной Молдавии (русинов и их потомков). Эта тема только фрагментарно затрагивается в ряде работ (см., напр.: Спиває Стурзовка 1995: 25-27; В земле наши корни 1997: 117-131, 382-385; Суляк 2006: 146-149).

В то же время в других странах, где проживают русины, такие исследования проводятся постоянно (см., напр.: Алмаший, Поп, Сидор 2001; Николаев, Толстая 2001; Словник 2005; Поп 2007; Пиртей 2001; Šiškova 2009).

Процесс глобализации приводит к серьезным изменениям в культуре, к ее унификации, разрушению культурной идентичности и традиционных ценностей. В настоящее время носителями русинского языка в Молдавии являются представители старшего поколения, проживающие в основном в небольших селах. С каждым годом их становится все меньше.

Тем актуальнее сегодня стоит вопрос об изучении языковых особенностей местного говора сел севера Молдавии и выпуске словаря русинского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Нестеровский Петр Артемович (28.06.1870-16.03.1932) – фольклорист, этнограф, педагог. Родился в семье священника в с. Каплёвка (по-украински – Каплівка) Хотинского уезда Бессарабской губернии (ныне Хотинского района Черновицкой области). В 1897 г. окончил Императорский Варшавский университет. По окончании преподавал в нем русский и церковнославянский языки, историю и географию. Впоследствии был директором и инспектором в гимназиях Варшавы. Находясь в родном краю на летних каникулах, Нестеровский ездил по селам Хотинского уезда (Грозинцы, Каплёвцы, Кирстинцы, Витрянка, Непоротов), изучая историю и этнографию русинов Бессарабии. Свои записи (подборки песен, сказок, легенд, загадок, заговоров, пословиц и поговорок) публиковал в журнале «Киевская старина». В 1905 г. опубликовал «Материалы по этнографии бессарабских русинов». В 1905 г. издал монографию «Бес-

сарабские русины» (Варшава, 1905). Позже увидели свет его путевые очерки «По русской Буковине. Путевой набросок» (Санкт-Петербург, 1908), «На севере Бессарабии. Путевые очерки» (Варшава, 1910).

Награжден орденами Св. Станислава 3-й и 2-й ст., Св. Анны 3-й и 2-й ст.

В начале Первой мировой войны вместе с семьей уехал в Москву. В 1918 г. переехал на Украину. Работал директором Александровской гимназии на Екатеринославщине, а с 1919 г. и до самой смерти – в киевской Всенародной библиотеке Украины (ныне Национальная библиотека Украины имени В.И. Вернадского).

Похоронен в Киеве на Байковом кладбище.

Литература: Огуї О.Д. Нестеровський Петро Артемович // Енциклопедія історії України. Т. 7: Мі-О / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: В-во «Наукова думка», 2010. С. 379; Яківчук А.Ф. Вірний син Наддністрянської Буковини (До 130-річчя від дня народження П. Нестеровського) // Зелена Буковина. Науковий та науково-популярний журнал. Серія «Історія і краєзнавство» [Чернівці]. 2000. № 1-2. С. 66-69.

ЛИТЕРАТУРА

Аксаков 1888 - Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 1: Учебные и служебные годы. Т. 2: Письма 1848-1851 годов. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1888. 470 с.

Алмашій, Поп, Сидор 2001 - *Алмашій М., Поп Д., Сидор Д.* Русинсько-українсько-руський словник. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2001. 156 с.

Афанасьев-Чужбинский 1863 - *Афанасьев-Чужбинский А.С.* Поездка в Южную Россию. СПб.: Тип. Морского министерства, 1863. Ч. 2. 445 с.

Бессарабская область 1861 - Бессарабская область. Список населенных мест по сведениям 1859 г. Издан Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб., 1861. 122 с.

В земле наши корни 1997 - В земле наши корни. История, традиции и фольклор сел Дану, Каменкуца и Николаевка Глодянского района. Исследования и материалы / Редкол.: К.Ф. Попович (гл. ред.) и др. Кишинев: Ştiinţa, 1997. 398 с.

Защук 1862 - *Защук А.И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Бессарабская область. Составил Генерального штаба капитан А. Защук. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1862. Ч. 1. 580 с.

Защук 1863 - *Защук А.И.* Этнография Бессарабской области // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса: Город. тип. Алексомати, 1863. Т. V. С. 491-586.

Зеленчук 1979 - *Зеленчук В.С.* Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. (этнические и социально-демографические процессы). Кишинев: Штиинца, 1979. 286 с.

Кельсиев 1868 - *Кельсиев В.И.* Галичина и Молдавия. Путевые письма Василия Кельсиева. СПб.: Печатня В. Головина, 1868. 360 с.

Кочубинский 1903 - *Кочубинский А.А.* Частные молдавские издания для русской школы (библиографические заметки) // Журнал Министерства народного просвещения. Часть СССХХХХVII. 1903. Июнь. С. 389-418.

НАРМ – Национальный архив Республики Молдова (НАРМ). Ф. 151. Оп. 1. Д. 65.

Несторовский 1905 - *Несторовский П.А.* Бессарабские русины: историко-этнографический очерк. Варшава: Тип. «Сатурн», 1905. 180 с.

Николаев, Толстая 2001 - *Николаев С.Л., Толстая М.Н.* Словарь карпато-украинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М.: Типография ИПТК «Логос» ВОС, 2001. 232 с.

Перепись 1905 - Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. III. Бессарабская губерния. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1905. 254 с.

Пиртей 2001 - *Пиртей П.С.* Словник Лемківської Говірки. Матеріали для словника. Легніца-Вроцлав, 2001. 460 с.

Поп 2007 - *Поп Д.* Словарь русинсько-українсько-руський и русско-украинско-русинский. Ужгород: Вид. ПП «Повч Р.М.», 2007. 312 с.

Потоцкий 1902 - *Потоцкий С.В.* Историко-географический очерк Бессарабской губернии. Опыт родоноведения: Учеб. пособие для городских училищ, средних учебных заведений и для всех вообще начальных народных училищ Бессарабской губ. / Сост. Степан Потоцкий. Ялта: Тип. Н.В. Вахтина, 1902. 219 с.

Словник 2005 - *Словник* буковинських говірок / За заг. ред. Н.В. Гуйванюк. Чернівці: Рута, 2005. 688 с.

Спиває Стурзовка 1995 - Спиває Стурзовка. Збірка українського та молдавського фольклору с. Стурзовка Глоденського району Молдови / Редкол. К.Ф. Попович (голов. ред.) та ін. Кишинів, 1995. 182 с.

Суляк 2006 - *Суляк С.Г.* Этнокультурная идентичность русинов севера Молдавии // Русин. 2006. № 4 (6). С. 141-149.

Суляк 2015 - *Суляк С.Г.* Русины Бессарабии в XIX - начале XX в.: к проблеме численности // Русин. 2015. № 1 (39). С. 95-115.

Труды 1872 - *Труды* этнографическо-статистической экспедиции в Западнорусский край, снаряженной Императорским русским географическим обществом. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные действительным членом П.П. Чубинским: в 7 т. Евреи – поляки – племена

немалорусского происхождения. Малорусы (статистика, сельский быт, язык). СПб.: Типография К.В. Трубникова, 1872. Т. VII. 617 с.

Яцимирский 1910 - *Яцимирский А.И.* Язык славянских грамот молдавского происхождения // Статьи по славяноведению. Вып. 3 / Под ред. В.И. Ламанского. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1910. С. 154-177.

Panaitescu 1991 - *Panaitescu Petre P.* Istoria românilor. Chişinău: Logos, 1991. 272 p.

Šišková 2009 - *Šišková R.* Areálová studie slovní zásoby rusínských nářečí východního Slovenska. Diferenční slovník. Praha: Slovanský ústav AV ČR, v. v. i. Euroslavica, 2009. 200 s.

REFERENCES

Aksakov, I.S. (1888) *Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'makh. Ch. 1: Uchebnye i sluzhebnye gody. T. 2: Pis'ma 1848–1851 godov* [Ivan S. Aksakov in his letters. Part 1: The years of education and service. Vol. 2: Letters of 1848–1851]. Moscow: M.G. Volchaninov.

Almashiy, M., Pop, D. & Sidor, D. (2001) *Rusins'ko-ukrayns'ko-rus'kyy slovník* [The Rusins-Ukrainian-Russian Vocabulary]. Uzhgorod: V. Padyak.

Afanas'ev-Chuzhbinskiy, A.S. (1863) *Poezdka v Yuzhnyu Rossiyu* [The trip to South Russia]. St. Petersburg: The Naval Ministry Typography.

The Central Statistics Committee of the Ministry of Interior. (1861) *Bessarabskaya oblast'. Spisok naselennykh mest po svedeniyam 1859 g.* [Bessarabia region. The list of localities as of 1859]. St. Petersburg: The Central Statistics Committee of the Ministry of Interior.

Popovich, K.F. (ed.) (1997) *V zemle nashi korni. Istoriya, traditsii i fol'klor sel Danu, Kamenkutsa i Nikolaevka Glodyanskogo rayona* [We are rooted here. History, traditions and folklore of the villages of Danu, Kamenkutsa and Nikolaevka of Glodeni District]. Chişinău: Ştiinţa.

Zashchuk, A.I. (1862) *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Bessarabskaya oblast'* [Materials for Geography and Statistics of Russia collected by the officers of the General Staff. Bessarabia region]. St. Petersburg: A. Weimar.

Zashchuk, A.I. (1863) *Etnografiya Bessarabskoy oblasti* [Ethnography of Bessarabia region]. In: *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Vol. 5. Odessa: Aleksomati. pp. 491-586.

Zelenchuk, V.S. (1979) *Naselenie Bessarabii i Podnestrov'ya v XIX v. (etnicheskie i sotsial'no-demograficheskie protsessy)* [The population of Bessarabia and

Dniester in the 19th century. Ethnic, social and demographic processes]. Chişinău: Ştiinţa.

Kelsiev, V.I. (1868) *Galichina i Moldaviya. Putevye pis'ma Vasiliya Kelsieva* [Galicia and Moldova. The travel letter of Vasily Kelsiev]. St. Petersburg: V. Golovin.

Kochubinsky, A.A. (1903) *Chastnye moldavskie izdaniya dlya russkoy shkoly* (bibliograficheskie zametki) [Private Moldovan publications for the Russian school (bibliographic notes)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part CCCXXXVII. June. pp. 389-418.

The National Archives of the Republic of Moldova (NARM). Fund 151. List 1. File 65.

Nestorovskiy, P.A. (1905) *Bessarabskie rusiny: istoriko-etnograficheskiy ocherk* [The Bessarabian Rusins: A historical and ethnographic essay]. Varshava: Saturn.

Nikolaev, S.L. & Tolstaya, M.N. (2001) *Slovar' karpatoukrainskogo torun'skogo govora s grammaticheskimi ocherkami i obraztsami tekstov* [The Dictionary of Carpathian-Ukrainian dialect with grammatical notes and text samples]. Moscow: IPTK "Logos".

Troynitskiy, N.A. (1905) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. Bessarabskaya guberniya* [The first national census of the Russian Empire in 1897. Bessarabia Region]. St. Petersburg: The Central Statistics Committee of the Ministry of Interior.

Pirtey, P.S. (2001) *Slovník Lemkivskoi Govirki. Materiali dlya slovníka* [The Dictionary of Lemkavian Dialect. Materials for the Dictionary]. Legnitsa-Vroslav.

Pop, D. (2007) *Slovar' rusins'ko-ukrayins'ko-rus'kiy i rusko-ukrayinsko-rusinskiy* [The Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian-Rusins Dictionary]. Uzhgorod: Povch RM.

Pototskiy, S.V. (1902) *S.V. Istoriko-geograficheskiy ocherk Bessarabskoy gubernii. Opyt rodinovedeniya* [The Historical and Geographical Outline of Bessarabia Province. The Experience of Country Studies]. Yalta: N.V. Vakhtin.

Guyvanyuk, N.V. (ed.) (2005) *Slovník bukovinskikh govirok* [The Dictionary of Bukovinian Dialects]. Chernivtsi: Ruta.

Popovich, K.F. (ed.) (1995) *Spivae Sturzovka. Zbirka ukrains'kogo ta moldavs'kogo fol'kloru s. Sturzovka Glodens'kogo rayonu Moldovi* [Sturzovka sings. The collection of Ukrainian and Moldavian folklore from Sturzovka village of Glodeni District, Moldova]. Chişinău.

Sulyak, S.G. (2006) *Etnokul'turnaya identichnost' rusinov severa Moldavii* [Ethno-cultural identity of Rusins of the north of Moldova]. *Rusin*. 4 (6). pp. 141-149.

Sulyak, S.G. (2015) *The Rusins of Bessarabia in the 19th – early 20th centuries: on the population*. *Rusin*. 1 (39). pp. 95-115.

Chubinskiy, P.P. (1872) *Trudy etnograficheskoy-statisticheskoy ekspeditsii v Zapadnorusskiy kray, snaryazhennoy Imperatorskim russkim geograficheskim obshchestvom. Yugo-zapadnyy otdel. Evrei – polyaki – plemena nemaloruskogo proiskhozhdeniya. Malorussy (statistika, sel'skiy byt, yazyk)* [Proceedings of ethnographical-statistical expedition to the West Russia, initiated by the Imperial Russian Geographical Society. The Southwest Division. Jews – Poles – the tribes of non-Little Russian origin. Little Russians (statistics, the rural way of life and the language)]. Vol. 7. St. Petersburg: K.V. Trubnikov.

Yatsimirskiy, A.I. (1910) *Yazyk slavyanskikh gramot moldavskogo proiskhozhdeniya* [The language of Slavic documents of Moldovan descent]. In: Lamanskiy, V.I. (ed.) *Stat'i po slavyanovedeniyu* [Articles on Slavic Studies]. Issue 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 154-177.

Panaitescu, P.P. (1991) *Istoria românilor*. Chişinău: Logos.

Šišková, R. (2009) *Areálová studie slovní zásoby rusínských nářečí východního Slovenska. Diferenční slovník*. Praha: Slovanský ústav AV ČR, v. v. i. Euroslavica.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований Томского государственного университета; президент Общественной ассоциации «Русь» (Кишинев, Молдавия).

Sulyak Sergey – Tomsk State University (Russia), Association “Rus” (Moldova).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 811.161; 81'374.3/373

UDC

DOI 10.17223/18572685/41/2

О «РУСИНСКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ» И. КЕРЧИ И ДОПОЛНЕНИЯХ К НЕМУ*

Г.Н. Старикова

Томский государственный университет
Россия, 634055, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: gstarikova@yandex.ru

Авторское резюме

В статье анализируется «Русинско-русский словарь» И. Керчи (Ужгород: ПолиПринт, 2007), который реализует идею сводного лексикографического труда, что выражается привлечением в качестве его источников материалов, разнородных в хронологическом, стилистическом и ареальном отношении. Его словник и иллюстрации позволяют составить адекватное представление о лексико-фразеологическом составе языка русинов с реликтовыми древнерусскими чертами на фоне значительного количества усвоенных заимствований разного времени, что обеспечивает ему широкий диапазон номинативного варьирования. Автором статьи выявлены наиболее перспективные для сравнительно-сопоставительных лингвистических исследований лексико-семантические группы слов, в числе которых разноаспектные наименования человека, названия фольклорных мифологических персонажей, растений и животных и др. В статье указываются источники, материалы которых могут дополнить указанный словарь новыми лексическими единицами, а также новыми значениями или формами слов, уже вошедших в словарь. В их числе лексикографические работы, учебная и научная литература русинской тематики.

Ключевые слова: русинистика, русинско-русский словарь, русинская лексика, лексикографические источники.

KERCHA'S RUSINIAN-RUSSIAN DICTIONARY AND SUPPLEMENTS TO IT**

G.N. Starikova

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: gstarikova@yandex.ru

Abstract

The *Rusinian-Russian Dictionary* by I. Kercha (Uzhgorod: PolyPrint, 2007) analyzed in this article implements the idea of a consolidated lexicographical work using the materials diverse in chronological, stylistic and areal terms as its sources. Its body and illustrations allow to create an adequate representation

* Работа выполнена в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

** This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

about the lexical and phraseological vocabulary of the Rusinian language which includes the Old Russian relict features and a significant number of loans from various periods, which provides a wide range of nominative variations. The author of the article describes the most promising lexical-semantic groups of words for comparative linguistic studies including different aspects of human nominations, names of folklore mythological characters, plants, animals, etc. The sources of the materials that can supplement the Dictionary with new lexical units and new meanings and forms to the already fixed words are indicated in the article. Such sources include lexicographical works, educational and scientific literature on the Rusinian subject.

Keywords: Rusin studies, Rusinian-Russian dictionary, Rusinian lexicon, lexicographical sources.

Постановка проблеми. Русинство, новая волна научного и общественного интереса к которому в последние годы связана с геополитическими событиями конца XX в., служит примером «лингвистической общности, сложившейся в результате перекрестных разнохронологических взаимодействий родственных и неродственных языков и диалектов» (Гиндин, Калужская 1991: 187). Авторы словацкого учебника русинского языка пишут: «Їх домовино в є Карпатьска Русь, яка ся роспростерать на меджах Україны (бывша Підкарпатьска Русь), Словеньска (Грешівска область) і Польска (Лемковина). Окрем тых країн жыє менша часть Русинів у Мадярську, в Румунії, в Сербії, в Хорватії, а многы як переселенці в Америці і в Канаді. В нашій републіці (ани в інших державах) не мають Русины адміністративно выділену територію» (Ябур, Плишкова 2009: 4). Последнее замечание выводит вопрос о статусе языка русинов далеко за рамки собственно лингвистической проблемы. На это указывает также А. Д. Дуличенко, отмечая экстралингвистические в своей основе условия для возникновения малых литературных языков, в числе которых не только «компактность среды», «сложность диалектного ландшафта», сильные литературно-языковые предтрадиции, но и наличие лидеров-просветителей, своей творческой и общественной деятельностью способствующих «осознанию языковой и этнической специфичности» народа (Дуличенко 2005: 597).

Лидером русинского движения за самоопределение в Украине является Ужгород – административный центр Закарпатской области, территориально соответствующей границам бывшей Подкарпатской Руси. Здесь издается литература о русинах и на русинском языке¹, из числа наиболее заметных трудов – русинско-русский и русско-русинский словари (Керча 2007, 2012).

Характеристика «Русинско-русского словаря» И. Керчи. Двухтомный труд И. Керчи является на сегодня самым полным русинским словарем (более 58 тыс. слов), он адресован специалистам-языковедам и представителям русинства, небезразличным к судьбам культуры, сберегаемой предками в продолжение многих веков (Керча 2007: 4). Взятое эпиграфом к словарю обращение Х. Стрипского свидетельствует о том, что

основу этого многозатратного по подготовительной работе труда составила лексика народного языка. Материалы словаря позволяют судить о ряде самобытных черт русинского языка, важнейшими из которых нам представляются следующие:

1. Сохранение черт древнерусского языка на уровне лексики² (*веве́рка*, *веве́риця* = белка; *кото́ра'* = раздор; *пе́река* = спор; *пе́рсо* = женская грудь; *по́ломень* = пламя; *поо́ра'ти* = вспахать; *ра́ло* = плуг, культиватор; *порало́ва'ти* = взорваться; *ра́мо*, *ра́мня* = плечо; *ре́кше* = то есть, то бишь; *сестри́нич*, *сестри́ниця* = племянники по сестре; *стры́й*, *стры́йко*, *у́йко* = дядя; *стры́йна*, *у́йна*, *у́йчина* = тетя, жена дяди) и грамматики (модель числительных типа *пувдесята* = 9,5; *пувдруга сто* = 150; инфинитив на *-ти*, *-чи*; самостоятельность *ся* в глагольных формах) и др.

2. Высокий адаптационно-деривационный потенциал языка по отношению к заимствованной лексике: *жіле́тка* = лезвие безопасной бритвы; *зафарби́ти* = покрасить; *фарба́рня* = красильня; *поолаи́ти* = помазать, заправить маслом; *порфина́рь* = парфюмер; *попорфинова́ти* = брызнуть духами; *пофайні́ти* = похорошеть; *префа́йный* = хорошенький; *серві́рка* = подавальщица, официантка; *те́я* = чай; *тея́чка* = чайник; *што́кы* = многоэтажный дом; *фе́рії* = каникулы; *фе́ріяш* = школьник на каникулах; *шпаці́р*, *шпаці́рка* = прогулка. Он проявляется как в мощности словообразовательных гнезд (*ма́лфа* = обезьяна: *ма́лфочка*, *малфу́н*, *малфе́ня*; *ма́лфин*, *малфо́ваня*, *малфова́ти*), так и в активном включении иноязычной лексики в словопроизводство по славянским моделям (*коншкола́рь* = соученик; *при́трафом* = случайно; *пубе́ртяк* = юнец, подросток; *сереньчу́х* = везунчик; *фрыштикова́ти* = завтракать; *цукра́рь* = кондитер; *шу́стрик* = подмастерье столяра).

3. Развитое номинативное варьирование (см. ниже).

Своеобразие русинского словника подчеркивается прежде всего этнографической лексикой: *вербу́нкош* = жанр народной песни / танца; *вертепа́ш* (этно. *суп бетлеге́меш*), *півчани́к* (редк. *суп колядни́к*) = исполнитель колядок; *галамбе́ць* = галушки из кукурузной муки; *кепта́рь* = нарядная безрукавка / камзол домотканой шерсти; *ку́лач* = деревянная баклажка для воды; *табу́лка* (обл.) > *тобо́вка* = суконная / кожаная сумка с наплечным ремнем; (этно., у гуцулов) плоская расшивная наплечная сумочка из кожи; *чоболю́в*, *чо́бан* = жбан, кадушка на 10 литров. Например, чрезвычайно интересна лексика, отражающая систему народных верований, в частности представления о потусторонних силах и сверхъестественном в целом. Так, обширная группа названий фольклорных персонажей (привидений, оборотней, домовых, леших, водяных, ведьм и прочей нечисти) включает слова *анціа́ш*, *босора́ш*, *видьма́к*, *ві́ла*,

вовку'н, водяни'к, гінжіба'ба, градобу'р, газдувни'к, гони'хмарник, дводу'шник, дї'дко, домови'к, закамінник, копыта'тый, кровопі'й, нучни'к, перелє'тниця, перемі'тник, потво'ра, при'вид, при'зра, про'клять, пропасти'к, стра'шок, (в)ун, фе'на, фрас, (и)ще'зник, чуга'йт(е)р и др. Из этого же разряда – наименования ворожей, знахарей, колдунов, прорицателей (баи'ля, віщувни'к, віщу'н, віщу'нка, ворожи'ль, воро'жка, промі'тник, чаровни'к, чароді'й, череди'ник) и тематически примыкающая к ней лексика типа ба'яня = колдовство, ворожба, знахарство; ба'ити = ворожить, колдовать; воровша'к = колдовское снадобье; (и)зо'ч, чиньба' = сглаз, (и)зочи'ти = сглазить; розворо'жити = отколдовать и др.

Народная основа словаря оттеняется русинским колоритом фразеологии (апріле'вый когу'т = мартовский кот; зыйти'на біду' = обеднеть; ма'лфина любо'в = телячьи нежности; новина'рська блоха' = газетная утка), фольклорными малыми жанрами (ко'ло ве'льо ба'бох діти'на умре' = у семи нянек дитя без глаза; из боло'та у кал = из огня да в полымя; лі'пшый ны'ні воробо'к, ги за'втра голубо'к = лучше синица в руках, чем журавль в небе; во'вка з лі'са вукли'ковати = накликать беду), в том числе порожденными новым временем: добрі' в бло'ку быва'ти, а на вала'лі шпайз ма'ти = хорошо жить в панельном доме, если иметь кладовку в деревне.

Словарь реализует идею сводного лексикографического труда по описанию лексического состава языка русинов Подкарпатья, что выражается привлечением в качестве его источников материалов, разнородных в хронологическом, стилистическом и ареальном отношении. Так, самыми ранними из них являются Няговские поучения XVI в., памятники деловой письменности XVII-XVIII вв. (Керча 2007: 20), позднейшими – современные тексты на русинском (Керча: 21-38). Помет, отражающих динамический аспект (включая частотную характеристику) лексики, три: *ист* (галеба'рда = алебарда; *інсуре'кція* = ополчение; *шмет* = четыре метра ткань; *шо'лтыс* = староста села), *уст* (кегы'ня = сударыня, госпожа; *ошко'лош* = школьник; *ю'га* = овца; *ялч* = плотник), *редк* (діт'ва'к = ребенок, чадо; *яд* = яд). Приведенные в иллюстративной части статьи контексты поддерживают диахроническую составляющую словаря: *Коро'лик – ма'йменша пта'ха у ломах... теперь коро'лик, а да'вно казали: воло'ве очко*.

Широка и жанрово-стилевая палитра источников: деловые документы, художественные сочинения, публицистика, фольклорные сборники, а также словари, записи различных говоров региона: карпатских (в том числе лемковских, торуньских), гуцульских и др. (Керча: 19-20). Пометы *обл* (хо'взы = коньки; *ширню'вка* = зонт; *шмі'тня* = кузница;

шты'ри = четыре), отчасти *нар*, маркирующие народную, просторечную лексику (*нево'я* = неволя; беда; черт; *пруйди'світ* = проходимец; *шляг'* = кондрашка, апоплексический удар; *я'нгол* = ангел), при их отсутствии в ряде «первичных» словарей, характеризуют по этому параметру лишь часть слов. В данных условиях существенно повышает лингвистическую содержательность труда И. Керчи ссылка на источники.

Наименее представительна в «Русинско-русском словаре» стилистическая дифференциация лексики, поскольку подобная маркировка слабо разработана в части привлеченных словарей-источников, что в целом характерно для многих областных лексикографических трудов XIX-XX вв. Некоторые иллюстрации к сказанному: *волос'ічко* (пей и ласк) = волосенки; *глу'пати* (пей) = думать, задумываться; *кы'лош* (вульг) = слабак, хляк; *курва'ш* (вульг бран) = распутник; *курве'га* (вульг бран экспр) = распутница; *ны'нька* (ласк) = ныне; *у'йцья* (дет) = дядя; *шма'та* = (фиг бран) мерзавец, мерзавка; *шу'хер-му'хер* (фам) = шум, шорох (жарг); *ши'рый* (поэт) = широкий, *щяпом* (разг) = скопом; *копыта'ш* (эвф) = черт. При этом беспометно дается большинство оценочных лексем: *валю'х* = лежебока; *во'ячу'н* = буян, бузотер; *втыкли'вый* = пронырливый; *га'ман* = ротозей; *дога'няч* = придира, критикан; *квасня'к* = винишко, дрянное винцо; *ню'пати* = вынюхивать, хитрить; *шляхту'н* = неприкаянный человек, беспризорник, бомж; *шляхту'нка* = уличная женщина, потаскуха, бомжиха; *штунпа'к* = недотепа, болван.

Разнородность материала обеспечила высокую представленность в словаре синонимии: *вертенкы', качкы'* = устройство для перемотки ниток, прялка; *порекло', пружвище* = фамилия; *посолоди'ти, поцукри'ти* = посахарить; *розруха, спущ* = разруха, разрушение; *ручи'ца, роко'нцо, ливч* = подпора; *рядня'ш, онуча'рь* = старьевщик, тряпичник; *самоу'чок, буква'рник* = недоучка; *сцене'рія, краєви'д* = пейзаж, ландшафт; *чобота'рь, чижма'рь, шу'стер* = сапожник, башмачник; *шахра'йство, шві'нглі* = мошенничество, жульничество; *шувар', риза'к* = осока. Значительная ее часть представлена так называемыми словообразовательными вариантами: *корчма'рь, корчма'ш* = содержатель корчмы, корчмарь; *пол'єваня, пол'євка, пол'євачка* = охота; препровождение времени на природе; *пола', полови'на, полови'ця, поло'вка* = половина; *по'пити, попова'ти* = работать попом; *по'сув, по'сувок, посу'ваня* = движение, перемещение, подвижка; *поточа', поточо'к, поточи'на, по'тук* = ручей, ручеек, поток; *пя'тниця, пя'ток* = пятница; *сіда'к, сі'дало* = сиденье; *студни'к, студни'чка, студе'нка* = родник; *ти'хость, тихо'та, тишина'* и др.

Все сказанное позволяет квалифицировать труд И. Керчи как русинскую сокровищницу, отражающую многообразие территориальных вариантов языка. Безусловно, в этом словаре можно выделить наиболее

перспективные для исследований номинативные группы, в числе которых – лексика, называющая человека:

1) по родству (*копыл*, *копыля*, *фатюв* = внебрачный ребенок; *няньо* = отец, батя; *попелюх*, *попелюха* = пасынок, падчерица; *золушка*; *своина*; *своинка* = свои, семья; *стрыичаник*, *тютчаник*, *уйчаник* / *стрыичанка*, *тютчанка*, *уйчанка* = двоюродный брат / сестра; *фаміліаш* = глава семьи; *шовгор* = муж сестры (свояк), брат жены (шурин); *шовгориња* = невестка, золовка, свояченица);

2) по роду занятий (*колбасарь* = колбасник; *поправник* = ремонтник; *пчолярь* = пчеловод; *сокач* = повар; *цимерман* = плотник);

3) по отношению к труду (*роботязь* = трудяга; *лайдак*, *полегкарь*, *посидюха*, *шлёмпа* = лодырь, гуляка, беспутник);

4) по речевому поведению (*гакавец* = заика; *плексарь*, *плетюга* = сплетник; *пудбрехач* = вун; *роташ* = горлодер, крикун; *трепередя* = пустомеля; *щобак* = говорящий *що* вместо *што*; *языкяня* = болтуня);

5) по особенностям физического строения (*ребраш*, *худорляк* = худой человек; *слутак* = калека; *черевач* = брюхан; *шотняк* = заморыш);

6) по другим признакам: *вдавач* = доносчик; *прибыш*, *приблуда* = пришлый человек; *тутешняк* = местный житель; *пудбивач* = спекулянт; *пыняк* = недотепа; *пянюх* = пьянчуга; *рембало* = плакса; *розумак* = хитрец, сметливый; *селяк*, *спростак* = деревенщина, мужик; *скупенда* = скупердяй; *славоман* = тщеславный человек; *смакун* = лакомка; *юльщик* = шулер.

Данный материал позволяет говорить о степени маркированности в языке различных черт и свойств людей, определять ономаσιологический базис в каждой из подгрупп, средства и способы номинации в них. Эти же параметры могут быть положены в основу классификации лексики фауны (*бумбак*, *Иванов червячок*, *крутиголовок*, *кукул*, *лепа*, *полючка*, *рыбачок сліпарь*, *снігарь*, *шмыгач*, *шушерак*, *ямник*) и флоры (*божа ружа*, *волося сиротки*, *грызачка* и *герега*, *німецька ріпа*, *печеїка* и *печучка*, *посошнячник* и *просоңцвіт*, *смердячка*, *страшовник*, *чїсток* и *зелезім*, *чорнобыль*, *шнітлик*), названий астрообъектов (*Великый* и *Мальїй Вуз*, *звїздоїд*, *Курички*, *Молочный путь*, *Сїверничка*, *Шкорпія*), разговорных наименований болезней и болезненных состояний (*англіїська слабость* / *хворота*, *бессон*, *бестяма*, *глушканя* (*глушка*), *дурнячка*, *посыпка*, *свербенья*, *франца*, *цукровка*, *ядухы*) и др. Специфика народного мирозидения, запечатленного в нагруженной культурными смыслами русинской лексике, может быть выявлена в сравнительно-сопоставительных работах на основе сложившихся в славистике традиций (Плотникова 2000: 140-181; 185-204).

О дополнениях к «Русинско-русскому словарю» И. Керчи. Любой словарь, независимо от уровня исполнения, со временем нуждается в «росте»: расширении его вокабуляра, совершенствовании структуры, уточнении толкований⁵. Так, при общей высокой оценке «Русско-руси́нского словаря» И. Керчи, построенного на том же материале, что и «Русинско-русский словарь», И. Мадрига замечает: «Возможно, словарь не вполне охватывает имеющиеся у русинов варианты произношения тех или иных слов. Так, мне показалось, что к русскому глаголу *окликать*, кроме зафиксированного составителем словаря русинского *говкаты*, следовало бы указать и *гойкаты*, поскольку именно эта форма встречается в обиходной речи чаще, а *говкаты* – это, скорее, «окликать, чтобы остановить» (если вспомнить оклики, которые используют, чтобы править лошадьми). Или, например, *окно* – *оболок*, *вызур*, *возур* – при том, что есть еще и произношение, близкое к *вызи/юр* или *о/узи/юр*. Конечно, это фонетические нюансы, и их, полагаю, обязательно учтут последователи уважаемого Игоря Керчи, поскольку отображение этих отличий может указать на этимологические корни слов» (Мадрига 2014). Подобные замечания под силу знатокам, носителям русинского языка, конструктивная же помощь русистов-лексикографов может выражаться практическими материалами, дополняющими источниковую базу словаря, и рекомендациями по усовершенствованию структуры словарной статьи.

Если бы речь шла о языке с «вялыми» диалектными различиями, в первую очередь следовало бы указать на необходимость стилистической разработки лексики в словаре: беспометное употребление разнородных единиц в синонимическом ряду квалифицирует их как дублиеты (*за мочник*, *шло'сер* = слесарь; *по'руча*, *поруча'й* = перила; *реце'нка*, *реце'нт*; *тра'па*, *тра'пеня*, *трапо'та*, *трапа'ция*, *трапе'за*, *штра'па*, *штрапа'ция* = заботы, хлопоты, муки; *Че'хія*, *Че'хы*), что нехарактерно для развитых языковых систем, но отличает начальный этап сложения литературных языков. Безусловно, многие из слов имеют локально ограниченный характер: *У Бо'гдані ба'нуш* – *куле'ша на смета'ні*, а у *Ясіню'* – *скомы'рда* (Керча 2007: 64). Поэтому маркирование пометами может отражать взгляд на них с позиций лишь отдельных региональных вариантов языка: *сы'панець* (обл), *сы'пка* = амбар для зерна; *тане'чник*, *та'нцош* (разг) = танцовщик, плясун; *хоть*, *хотяй*, *хоць* (обл), *хоч* (редк) = хоть; *швець*, *шива'чка* (обл), *шна'йдер* (обл) = портной; *шуня'к*, *їжо*, *яре'й* (обл), *яры'ч* (обл) = еж. Просветительская деятельность подвижников, обозначивших так называемым «у»-говорам роль лингвистической «платформы» для кодификации подкарпатского русинского языка (Капраль 2013: 96), со временем может привести к более четкому стилистическому размежеванию лексики.

Сдерживающим фактором в расширении словника «Русинско-русского словаря» силами научного лингвистического сообщества, заинтересованного в русинском материале для сравнительно-сопоставительных исследований, служит тот факт, что в литературе даются различные версии решения принципиального вопроса – определения границ этнической территории русинства вообще и подкарпатского в частности. Соответственно, у пользователей словаря нет полноты представления, лексика каких говоров вошла в него. Так, авторы очерка об украинском языке в академическом труде «Языки мира: Славянские языки» указывают, что региональный литературный русинский язык развивается «на основе разных карпатских говоров Словакии, Польши, Украины и Венгрии» (Жовтобрюх, Молдован 2005: 545), называя при этом в составе таковых бойковские, закарпатские и лемковские, а гуцульские относят в галицко-буковинскую группу (Жовтобрюх, Молдован: 542). Как уже отмечено выше, в состав источников «Русинско-русского словаря» последние включены, а первые – нет. При этом словосочетание *карпатские говоры* в названиях ряда использованных работ допускает предположение, что бойковские материалы все же нашли отражение в словаре И. Керчи.

Двухтомному «Словарю бойковских говоров» М.О. Онышкевича (Онышкевич 1984) предшествовали авторские издания материалов на отдельные буквы. Так, при публикации фрагмента на букву «Б» (Онышкевич 1966: 62-102) автор приводит список лексикографических источников, два из которых (работы И. Верхратского и И. Франко) указаны также для «Русинско-русского словаря» (Керча 2007: 24, 37). Сравнение словарных отрезков показало совпадение части материалов, в то же время в труде И. Керчи отсутствуют *бабизна, бабина, багнина, багрій, бага, базарка, базило, базівник, байда, байдагати, бала, бандура* и др., обнаруживается несовпадение в значении (*ба, баба, базар, бараба* и др.), форме (*багор, багр, бал', баран'ачий*), форме и значении (*базарь, бавет*) ряда слов. Взаимодополнение материалов двух словарей можно проиллюстрировать следующими группами единиц: *бараба* 'пройдисвіт', *барабс'кий* – 'із пройдисвітів, пройдисвітський' – *віти'іс'кий* син. (Онышкевич 1966: 69); *бараба* = отходник; заработчик; наемный рабочий, живущий в общежитии; босяк; бродяга; бомж (син. **ломпа'к*); *барабеня'* = ребенок бродяги, босяка; *барабити* = вести жизнь босяка; скитаться по общежитиям; *барабчу'к* = подросток-бродяга, подросток-босяк; *барабський* = босяцкий (Керча 2007: 64). Или: *бебех* 'велике черево'; *напхати бебех* 'нажертися'; у мн. *бебехи* 'тельбухи' (Онышкевич 1966: 71); *бебеха'ч* = пужан, брюхан; *бе'бехы* (экспр) *(*зайда*) = котомка, узел, мешок; *(*гелюхы*)

= субпродукты, внутренности, кишки (Керча 2007: 67), а также *ба'мбух*, *ба'мбрюх* = желудок (коровы), *ба'мбухы* = кишки, потроха (Керча: 63). Если пополнение данного словаря лексическими материалами говоров бойков не противоречит замыслу его автора, оно будет способствовать его совершенствованию.

Привлечение в качестве источника для «Русинско-русского словаря» «Малороссийско-червонорусского словаря» Ф.М. Пискунова потребует значительной подготовительной работы: сверки со словарями украинского, русского, русинского языков того периода, исключения слов-фантомов⁴. Во введении автор указывает такие «племена» червонорусского (австрийско-украинского) наречия: бойки, галичане, гривняки, гуцулы, долы, крайняки, куцы, лемки, ополы, подгорцы, русины, русняки и чеваки (Пискунов 1882: IV), что подтверждается серьезным варьированием на всех языковых уровнях (*босака* – *босаком* – *босоніч* – *босонож*, *кітляр* – *котляр*, *макітра* – *макотерть* – *макотра*, *огірок* – *гурок*, *упослі* – *після* – *опісля*, *уси* – *вуси*, *чип* – *чіп* – *чоп*, *скупія* – *купека* – *купина*, *сти'рта* – *ски'рта*, *скляр* – *шкляр*, *шкура* – *скира* – *шкира*, *футро* – *хутро*, *фуга* – *хуга* – *хвуга* – *хляга* – *хляха*, *цвітка* – *квітка*) и дает основания для выборочного включения его материалов в словарь русинского языка.

Здесь приведены большие тексты этнографического характера (см. статьи на *бех*, *галка*, *журавель*, *линия*, *кови'ла-ковиль*, *колоду волочити*, *коляда-колядка*, *німець-німчин*, *переполохи*, *Русалькин Великдень*, *Ума'нка*, *циганки*, *чорнобиль* и др.). Интересен словарь широкой представленностью в нем растительной лексики (*ворсянка*, *гадюча морква*, *горлач*, *забудка*, *ласточник*, *люби-мене-не-покинь*, *миколайці*, *нечуй-вітер*, *ранник*, *серду'шник*, *собача язички*, *стократки*, *хорохоньки*, *царь-сил*, *черевички Божої Матери*), наименований потусторонних сил (*бенд* – (с цыган. яз.) черт, злой дух; *босо'рка* – низшая ступень ведьмы; *ка'дюк* – черт; *куца'к*, *куца'н* – бес; *пере'вертень* – оборотень; *топелиця* (галиц. сл.) – русалка; *упи'р*, *упиря'ка* – урод, колдун, а также, по народному поверью, хвостатый человек, который по ночам возит на себе ведьм).

К сожалению, словарь Ф. Пискунова лишь изредка указывает на источники (*ворожда* – (собирает.) враги. *И. Верхратський*; *гусарка* – горничная. *Маркович*; *куга'* – водоросль. *Т. Шевченко*; *налаштова'ти* – приготовить, приладить, наполнить. *Номис*), чаще отмечается: песн[я], погов[орка], посл[овица]. Самого общего характера и ареальные пометы: (австр. укр.) *бока'тка*, *вонка*, *кобер*; (бессарабск. сл.) *гриу*, *киперирожу*, *нук*, *циганкуци*; (буковинск. сл.) *загоріти*; (галицк. сл.) *ву'двод*, *горівка*, *же'бри*, *когут*, *май-же*, *перекрой*; (гуцулск. сл.) – *гвер*, *гид*, *гнеть*, *легот* и *леготь*, *чижма'р*;

(карпатск. сл.) *смерека*; (новосербск. сл.) *юнак*; (чешск. сл.) *громовина*, *правозор*; (с польск.) *хлоп* и др. Столь же непоследовательно здесь отмечается и ударение в словах.

Таким образом, несмотря на критические отзывы современников, этот словарь предоставляет любопытные материалы: *невѣста* в Украине невеста, в Галиции и Буковине – жена, замужняя женщина (с. 150); *ненька*, *неня* – мать, матушка, употребляется только в песнях; в Галиции и Буковине *неня* значит старшая сестра (152); *обо'лонь* – поле, выгонное или луговое место близ города <...> В Галиции называется *болоничейко* (160). Он интересен и своей «правой» частью – дефинициями, см.: *личина* – маска, пугалище, привидение, иначе по-укр. *мана*, *мара*, *машкара* (126); *пилипо'ни* – 1) раскольники; 2) забубоны (185); *сиду'ха* – торговка; посиделка (236); *темни'к* – погреб, лёх; *чертопхайка* – натечанка (287); *чумандра* – чумичка (291); *шило* – швака (294); *ятрѣвка* – свояченица, невестка; жена деверная, т.е. мужнина брата (304). Информация об авторе (его родной язык, владение диалектным материалом, образование), которой мы в настоящее время не располагаем⁵, могла бы повысить степень лингвистической содержательности данного интересного источника, который в последние годы уже активно вовлекается в языковедческие исследования.

Информативными оказываются и текстовые материалы на / о русинском языке, о чем говорит их включение в источники «Русинско-русского словаря». Так, более 70 русинских слов, встречающихся в говоре жителей Рышканского района Молдавии, приведены в одной из статей С.Г. Суляка, часть из них отсутствует в «Русинско-русском словаре»: *боханчик* – маленький пирожок из теста округлой формы с творогом, картофелем или с капустой, сверху обваленный в чесноке; *нанашка* – посаженная мать, крестная мать; *нанашко* – посаженный отец, крестный отец; *макогон* – деревянная палочка с утолщением на конце для растирания мака, сахара, а также *гладуци*, *дижка*, *диньца*, *дрантя*, *зейстри*, *кагла*, *лиска*, *лоточити*, *патюрка*, *ринка*, *ура* и некоторые другие. Часть слов имеет отличия в форме или семантике: *банька* – емкость для молока или воды, изготовленная из обожженной глины; *верета* – домотканый конопляный коврик; *колыба* – временный небольшой деревянный домик для жилья, например пастухов, сторожа в поле; *коновка* – деревянная посуда овальной формы в виде ведра, кружки; *кошек* – корзина; *нана* – тетья (близкая родственница); *нано* – дядя (близкий родственник), а также *прядва*, *саламаха*, *хрыстыны*, *швагер*, *шопа* и др. (Суляк 2006: 146-148).

Все эти источники служат общей цели – показать словарное богатство языка русинов, например: *бавт*, *байш'ча*, *байта* 'несильный цінок-то-

пірець (Онышкевич 1966: 71); *барда* – маленький топор для рубки мяса (Суляк 2006: 146); *барда* – 1) маленький топор с изогнутой ручкой; тж *бардичка* (Пискунов 1882: 12); *ба'лта*, *ба'лтя*, *балту'на* = узкий топор; топорик (Керча 2007: 63); *ба'рда* (уст поэт) = секира; *ба'рдка* (*ба'ртка*) = гуцульский топорик (Керча: 65).

Выводы. «Строительство» литературного подкарпатурсинского языка начато в условиях естественного владения разговорным языком лишь представителями старшего поколения и ведется без государственной поддержки силами подвижников-просветителей. Их деятельность по созданию грамматик, словарей служит цели сохранения основ народного языка и обеспечения его развития в полиэтнических условиях. Указывая на опыт развития иврита в Израиле, С.С. Скорвид усматривает в шагах программы возрождения русинского языка вполне реальные перспективы (Скорвид 2001: 112).

Исполненный в соответствии с поставленными ситуацией задачами труд И. Керчи служит ярким доказательством отражения в словарях идеологических координат времени их создания. Будучи наиболее полным на сегодняшний день словарем русинского языка, он своими достоинствами и недостатками во многом обязан источникам – их полноте и уровню описания материала. С его публикацией и последовавшим за ней изданием русско-русинского словаря формирующаяся русинистика получила «точку опоры» для новых исследований, результативность которых будет повышаться по мере усовершенствования лексикографических трудов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., напр., информацию на сайте издательства В. Падяка (Падяк).
2. В статье повторяется способ подачи лексических единиц, принятый в словаре И. Керчи.
3. Как отмечено И.И. Срезневским, «само собой должно разумеется, что хороший, достаточно полный словарь никогда не может быть составлен с одного раза <...> что самый удовлетворительный словарь по времени теряет все более свое достоинство, все более требует поправок и дополнений» (Срезневский 1854: 9).
4. К.В. Шейковский приводит 330 слов, которые, по его мнению, сочинены Ф. Пискуновым (Шейковский 1884: 8-10).
5. Определенно о нем можно сказать немногое: в 1878 г. подготовил к печати и издал сборник материалов к биографии Т.Г. Шевченко, сам писал стихи – они звучат в иллюстративном материале его словаря (Пискунов 1882: 83).

ЛИТЕРАТУРА

Гиндин, Калужская 1991 - *Гиндин Л.А., Калужская И.А.* Славистические аспекты карпатского языкознания // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1991. С. 187-188.

Дуличенко 2005 - *Дуличенко А.Д.* Малые славянские литературные языки (микроязыки) // Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 595-615.

Жовтобрюх, Молдован 2005 - *Жовтобрюх М.А., Молдован А.М.* Украинский язык // Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 513-547.

Капраль 2013 - *Капраль М.М.* Современные русинские литературные микроязыки // *Studia Slavica (Hungary): Academiae scientiarum hungaricae.* Будапешт, 2013. Т. 58/1. С. 87-100.

Керча 2007 - *Керча И.* Русинско-русский словарь: В 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2007.

Керча 2012 - *Керча И.* Русско-русинский словарь: В 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2012.

Мадрига 2014 - *Мадрига И.* О «Русско-русинском словаре» Игоря Керчи. URL: <http://www.proza.ru/2014/02/11/795> (дата обращения: 29.04.2015).

Онышкевич 1966 - *Онышкевич М.О.* Словарь бойковского диалекта // Славянская лексикография и лексикология. М.: Наука, 1966. С. 61-105.

Онышкевич 1984 - *Онышкевич М.Й.* Словник бойківських говірок: В 2 ч. Київ: Наукова думка, 1984.

Падяк - Сайт издательства Валерия Падяка. URL: <http://www.padyak.com>

Пискунов 1882 - *Пискунов Ф.* Малороссийско-червонорусский словарь живого и актового языка. 2-е изд., доп. Киев: Тип. Е.А. Федорова, 1882. 304 с.

Плотникова 2000 - *Плотникова А.А.* Словари и народная культура: Очерки славянской лексикографии. М.: Институт славяноведения РАН, 2000. 209 с.

Скорвид 2001 - *Скорвид С.С.* Серболужицкий (серболужицкие) и русинский (русинские) языки: к проблематике их сравнительно-исторической и синхронной общности // Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания: Информационные материалы и тезисы докладов международной конференции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. С. 110-115.

Срезневский 1854 - *Срезневский И.И.* Обзорение замечательнейших из современных словарей. СПб., 1854. 61 с.

Суляк 2006 - *Суляк С.* Этнокультурная идентичность русинов севера Молдавии // Русин. 2006. № 4 (6). С. 141-149.

Шейковский 1884 - *Шейковский К.* Рецензия на словарь Ф. Пискунова // Филологические записки. 1884. Вып. 4: Библиография. С. 1-20.

Ябур, Плишкова 2009 - Ябур В., Плішкова А. Сучасний русинський списовний язык: високошкольський учебник. Пряшів: Інститут русинського языка і культури Пряшівської університету, 2009. 212 с.

REFERENCES

Gindin, L.A. & Kaluzhskaya, I.A. (1991) Slavisticheskie aspekty karpatskogo yazykoznanija [The Slavonic Aspects of Carpathian Linguistics]. In: Bulatova, R.V., Zamyatina, G.I. & Nikolaev, S.L. (eds) *Slavistika. Indoeuropeistika. Nostratika* [Slavic and Indo-European Studies. Nostratic Linguistics]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies. pp. 187-188.

Dulichenko, A.D. (2005) Malye slavyanskije literaturnye yazyki (mikroyazyki) [Minor Slavic literary Languages (microlanguages)]. In: Moldovan, A.M., Skorvid, S.S. & Kibrik, A.A. (eds) *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki* [Languages of the World: The Slavic Languages]. Moscow: Academia. pp. 595-615.

Zhovtobryukh, M.A. & Moldovan, A.M. (2005) Ukrainskij yazyk [The Ukrainian Language]. In: Moldovan, A.M., Skorvid, S.S. & Kibrik, A.A. (eds) *Yazyki mira: Slavyanskije yazyki* [Languages of the World: The Slavic Languages]. Moscow: Academia. pp. 513-547.

Kapral, M. (2013) Sovremennye rusinskie literaturnye mikroyazyki [Contemporary Rusinian literary microlanguages]. *Studia Slavica*. 58/1. pp. 87-100.

Kercha, I. (2007) *Rusinsko-russkij slovar'* [The Rusinian-Russian Dictionary]. Uzhgorod: PoliPrint.

Kercha, I. (2012) *Russko-rusinskij slovar'* [The Russian-Rusinian Dictionary]. Uzhgorod: PoliPrint.

Madriga, I.O. (2014) O "Russko-rusinskom slovare" Igorya Kerchi [About "The Russian-Rusinian Dictionary" by Igor Kercha]. [Online] Available from: <http://www.proza.ru/2014/02/11/795>. (Accessed: 29th April 2015).

Onyshkevich, M.O. (1966) Slovar' boykovskogo dialekta [The Dictionary of Boikov Dialect]. In: Kalnyn', L.E. (ed.) *Slavyanskaya leksikografiya i leksikologiya* [Slavic Lexicography and Lexicology]. Moscow: Znanie. pp. 61-105.

Onyshkevich, M.Y. (1984) *Slovník bojkivskikh govirok* [The Vocabulary of Boikov Dialects]. Kiev: Naukova dumka.

Padyak.com. *Website of Valeriy Padyak's Publishibg House*. [Online] Available from: <http://www.padyak.com>.

Piskunov, F. (1882) *Malorossiysko-chervonorusskij slovar' zhivogo i aktovogo yazyka* [The Little-Russian – Red Ruthenian Dictionary of the Living Language]. 2nd ed. Kiev: E.A. Fedorov.

Plotnikova, A.A. (2000) *Slovari i narodnaya kul'tura. Ocherki slavyanskoy leksikographii* [Dictionaries and Folk Culture. Essays on Slavic Lexicography]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS.

Skorvid, S.S. (2001) [The Sorbian and Rusinian languages: to the problem of their comparative-historic and synchronous similarity]. *Issledovanie slavyanskikh yazykov v rusle traditsiy sravnitel'no-istoricheskogo i sopostavitel'nogo yazykoznaniya* [The Research of Slavic Languages in the Comparative-Historic and Contrastive Linguistics]. Proc. of the International Conference. Moscow: Moscow University. pp. 110-115.

Sreznevskiy, I.I. (1854) *Obozrenie zamechatelneyshikh iz sovremennykh slovarey* [The review of the best modern dictionaries]. St. Petersburg.

Sulyak, S.G. Etnokulturnaya identichnost' rusinov severa Moldavii [Ethno-cultural identity of Rusins from the north of Moldova]. *Rusin*. 4 (6). pp. 141-149.

Sheykovskiy, K. (1884) Retsenziya na slovar' F. Piskunova [The Review of F. Piskunov's Dictionary]. *Philologicheskie zapiski*. 4. pp. 1-20.

Yabur, V. & Plishkova, A. (2009) *Suchasnyy rusinsky spisovnyy yazyk* [Modern Rusinian Literary Language]. Pryashiv: Institute of Rusinian language and culture at Pryashiv University.

Старикова Галина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета.

Starikova Galina – Tomsk State University (Russia).

E-mail: gstarikova@yandex.ru

УДК 81'23, 811.133.1

UDC

DOI 10.17223/18572685/41/3

РАЗНОЯЗЫЧНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ СЛАВЯНСКОГО МЕНТАЛЬНО-ЯЗЫКОВОГО ЕДИНСТВА И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ*

Н.Д. Голев¹, Л.Г. Ким², С.В. Стеванович³

Кемеровский государственный университет

Россия, 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6

E-mail: ¹ngolevd@mail.ru; ²kimli09@mail.ru;

³stevan2000@rambler.ru

Авторское резюме

Представлен первый этап проекта создания разноязычного словаря нового типа, в котором лексикографом выступает рядовой пользователь языка. Собранный в ходе лингвистических экспериментов материал показывает наивный взгляд носителей русского, сербского, казахского и других языков на значение слов, обозначающих явления природы (флору и фауну). В статье обосновываются общие принципы создания словаря, показывается структура словарной статьи, а также на материале русского и сербского языков раскрываются исследовательские возможности разноязычного словаря, позволяющего осуществлять сопоставление наивной картины мира носителей славянских языков. Теоретические положения проиллюстрированы анализом бионима *волк*, представленного в русском и сербском фрагментах словаря, показаны универсальные и национально-специфические характеристики бионима, обусловленные национальной языковой картиной мира носителей сопоставляемых языков.

Ключевые слова: лингвокультурология, сопоставительные исследования, славянское ментально-языковое единство, межкультурные различия славянских народов, наивная лингвистика, обыденная лексикография, русские и сербские бионимы, языковая картина мира славян.

A MULTILINGUAL DICTIONARY AS A REFLECTION OF SLAVIC MENTAL-LINGUISTIC UNITY AND CROSS CULTURAL DIFFERENCES*

N.D. Golev¹, L.G. Kim², S.V. Stevanovich³

Kemerovo State University, 6 Krasnaya Street, Kemerovo, 650043, Russia

E-mail: ¹ngolevd@mail.ru; ²kimli09@mail.ru; ³stevan2000@rambler.ru

Abstract

The article presents the first stage of a project consisting in the creation of a new multilingual dictionary. The lexicographer in this dictionary is an ordinary language user. The collected materials show the naive view of native speakers from Russia, Serbia, Kazakhstan and other countries on the meaning of

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 15-04-00311э.

* This research is published with the financial support from the Russian Foundation for Humanities (RFH grant No. 15-04-00311e).

words denoting nature phenomena (flora and fauna). The article deals with the general principles of this dictionary creation, shows the structure of the dictionary entry. It also reveals the research opportunities of a multilingual dictionary permitting to carry out the comparison of the naive picture of the world among native speakers from different countries. The theoretical principles are illustrated through the analysis of the bionym *volk* ('wolf') which is represented in the Russian and Serbian dictionary fragments. Its universal and national characteristics determined by the national language picture of the world belonging to native speakers from different countries are shown.

Keywords: cultural linguistics, comparative studies, Slavic mental-linguistic unity, cross-cultural differences of the Slavic peoples, naive linguistics, ordinary lexicography, Russian and Serbian bionyms, language picture of the world of the Slavs.

Постановка проблемы. В условиях современной геополитической и языковой ситуации вновь актуализировалась восходящая к работам А.А. Потехина идея славянской взаимности, циклическое развитие которой широко обсуждалось на международных симпозиумах «Славянские языки и культуры в современном мире» (2009, 2012) и других форумах. Проблемы единства и разнообразия славянских языков и культур поднимаются при рассмотрении различных славянских языков в разных аспектах их описания: концептологическом (Крумова-Цветкова 2009; Лебедева 2009), лингвокультурологическом и этнолингвистическом (Тер-Минасова 2004; Шаклеин 2009; Шутковски 2009) и других.

В последние десятилетия заметно возрос интерес к изучению языкового сознания носителей различных славянских языков, в том числе в сопоставительном аспекте (Сергеева 2009; Уфимцева 2009). Значимость подобных исследований обусловлена тем, что они «дают возможность выявить как системность содержания образа сознания, стоящего за словом в той или иной культуре, так и системность языкового сознания носителей той или иной культуры как целого и показывают уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры» (Уфимцева 2009: 295). При этом актуальность приобретают сопоставительные исследования как межславянского характера, так и исследования, решающие задачи сопоставления славянских языков с языками, относящимися к другим группам.

Особенность предлагаемого в данной статье лексикографического проекта заключается в том, что предметом изучения становится *обыденное метаязыковое сознание носителей различных языков*. Результатом станет разноязычный словарь обыденных толкований слов, который позволит реконструировать этнокультурное и языковое своеобразие разных, в том числе славянских, народов и выявить базовые общекультурные и общезыковые ценности. Методом, посредством которого

осуществляется репрезентация обыденного метаязыкового сознания, является метод психолингвистического эксперимента.

Лексикографическая репрезентация обыденного метаязыкового сознания. А.А. Леонтьев отмечал: «Если нам нужно найти метод, с наибольшей объективностью позволяющий вскрыть «культурную» специфику словарных единиц, вскрыть те побочные, непосредственно не релевантные для обобщения семантические связи, которые имеет данное слово, его «семантические обертоны», – без сомнения, таким методом является ассоциативный эксперимент, а ближайшим источником данных на этот счет – словарь ассоциативных норм» (Леонтьев 1977: 14).

К настоящему времени опубликованы одноязычные словари ассоциативных норм, обобщающие материалы различных языков, в том числе белорусского, болгарского, польского, русского, украинского, французского, якутского и других языков (Ассоциативный словарь французского языка; Ассоциативный словарь якутского языка; Цітова 1981; Герганов 1984; Бутенко 1989; Ассоциативный тезаурус современного русского языка 1994-1998; Gawarkiewicz, Pietrzyk, Rodziewicz 2008; Дебрэнн 2010а, 2010 б). Вышел в свет «Словарь обыденных толкований русских слов» (2011) – уникальное по структуре и качественному наполнению издание, в котором описаны результаты различных семантических экспериментов, направленных на выявление спонтанных определений, лексических ассоциаций, фраз, содержащих лексему-стимул, народные этимологии и др. Значение и назначение подобного типа словарей трудно переоценить, однако одноязычные словари не дают возможности показать и выявить национально-культурную специфику значений слов, не нашедшую прямого отражения в толковых словарях.

Возрастающий интерес к изучению языкового сознания, а также необходимость изучения национально-языкового своеобразия, особенностей восприятия языковой и внеязыковой действительности представителями различных лингвокультурных сообществ поставили ученых перед необходимостью обратиться к межъязыковым сопоставлениям, при этом для сравнения, как правило, брались две языковые системы (Титова 1975; Ульянова 1988; Дмитрюк 1998; Голикова 2004).

Принципиально новым типом словаря стал «Славянский ассоциативный словарь» (2004), в нем обобщены данные ассоциативного эксперимента носителей четырех славянских языков: русского, белорусского, украинского и болгарского. Как отмечает Н.В. Уфимцева, словарь «позволяет изучать не только сходства и различия в содержании образов сознания четырех славянских народов, но и выявить сходства и различия в системности их образов мира» (Славянский ассоциативный словарь

2004: 121). Сопоставление обыденных толкований позволяет выявить типичные и национально-специфические особенности языковых картин мира, свойственные представителям различных языков (Жаналина 2014).

Таким образом, динамично развивающаяся многоязычная (сопоставительная) лексикография открывает широкие возможности для выявления универсальных и идиоэтнических закономерностей, присущих лексическому ассоциированию носителей различных языков. Кроме того, целенаправленное сопоставление материалов, полученных от представителей различных лингвокультурных сообществ, повышает объективность выводов и позволяет избежать поспешных обобщений.

Проект «Опыт разноязычного словаря обыденной семантики бионимов». Разрабатываемый международным научным коллективом проект «Разноязычный словарь обыденной семантики бионимов» призван отразить результаты рефлексивной деятельности носителей различных языков, которая связана с репрезентацией обыденной семантики наименований флоры и фауны. Такой вид языковой рефлексии в современных научных разработках определяется как наивная лингвистика, или обыденная лингвистика. В настоящей статье подобная языковая деятельность рядовых носителей различных языков рассматривается в ее частном варианте – обыденной лексикографии. Данный проект представляет собой продолжение и развитие выполненных научным коллективом кафедры русского языка Кемеровского университета исследований, направленных на теоретическое и лексикографическое изучение обыденной семантики.

Для реализации идеи «Разноязычного словаря обыденной семантики бионимов» (далее РСОСБ) был сформирован международный научный коллектив составителей, которые собрали и обработали материалы из казахского, китайского, русского, сербского и французского языков. Выбор языков обусловлен их принадлежностью к разным языковым группам – как родственным, так и неродственным, что позволит выявить, с одной стороны, межъязыковые универсалии, а с другой – разную степень проявления общности и различий обыденного лингвокогнитивного сознания и его репрезентации у представителей родственных и неродственных языков. В отличие от данных, представленных в «Русском ассоциативном словаре» (2002), РСОСБ дает возможность представить и описать не только ассоциативное поле «усредненного» носителя языка, но и вписать слово в более широкий контекст употреблений.

Собранные международным коллективом материалы получили лексикографическую обработку в пробном варианте разноязычного словаря обыденной семантики бионимов, который представляется

нами в настоящей статье. На начальном этапе работы над словарем был сформирован словник из 50 лексем, составленный из бионимов, соотносимых с «сильным» для данного языка концептным содержанием¹. На этапе создания «Опыта разноязычного словаря» лексикографической обработке подверглись 10 бионимов, представленных в разных языках: *волк, ворона, заяц, муха, мышь, осел, петух, роза, теленок, яблоко*.

Информантам предлагалось четыре задания: 1) Назовите первое пришедшее вам на ум слово, после того как вы услышали или прочитали данное слово; 2) Что обозначает данное слово (задание представлялось в форме типа *волк – это...*); 3) Заполните пропуск в предложениях типа *они..., как волки*; 4) Напишите фразу с данным словом, которая сразу приходит вам на ум.

Выбор заданий обусловлен намерением составителей охватить разные слои обыденной семантики: чувственно-ассоциативной, понятийной, концептной, отражаемой в прецедентных фразах и типовых сравнениях.

Количество информантов по каждому заданию должно быть не менее 150, задания предъявляются информантам на их родном языке. Метаязыком РСФСБ является русский язык, на который переводятся все полученные на других языках результаты опроса информантов. На этапе обработки собранного материала и оформления его в виде 10 словарных статей на языке-источнике и их перевода на лексикографический мета-язык была предложена следующая структура словарной статьи бионима:

РЕАЛИЯ

1. Классификационные признаки:

1.1. Таксономические.

1.2. Параметрические.

2. Внешние и физические характеристики.

3. Внутренние качества, черты характера и поведения.

4. Образ жизни.

5. Отношение человека.

СПОСОБ ОТОБРАЖЕНИЯ

6. Прецедентные феномены.

6.1. Мифологические и библейские представления и верования.

6.2. Литературные образы и персонажи.

6.2.1. Сказки.

6.2.2. Басни.

6.2.3. Детские песни.

6.2.4. Фильмы.

6.2.5. Реклама.

6.2.6. Неопознанные цитаты.

7. Другие значения.

8. Не бионимы.

Такая структура словарной статьи предполагает глубокую обработку полученных ответов информантов, их содержательную интерпретацию, отражающую аспектное представление информантами предметов флоры и фауны в их языковом сознании. В качестве иллюстрации далее предлагается фрагмент словарной статьи бионима *волк* на материале лексикографической обработки реакций, полученных от носителей русского и сербского языков.

рус. **ВОЛК**

РЕАЛИЯ

1. Классификационные признаки

1.1. Таксономические

Определения 25 (62)

<i>хищное животное</i> 21

животное 12

хищник 5

Ассоциации 3 (21)

животное 13

зверь 7

Сравнения (0)

Фразы 1 (1)

<i>Влюбленный волк уже не хищник</i>

1.2. Параметрические

Определения 62 (85)

дикое животное 5

хищник 5

<i>хищное животное, обитающее (живущее) в лесу (в лесах)</i> 5
--

Ассоциации 5 (21)

хищник 11

собака 7

Сравнения 1 (6)

дикие 6

Фразы 1 (1)

<i>Влюбленный волк уже не хищник</i>

СПОСОБ ОТОБРАЖЕНИЯ

6. Прецедентные феномены

6.1. Мифологические и библейские представления и верования

Определения 1 (1)

волк-оборотень

Ассоциации 2 (4)

оборотень 3

любовь

Сравнения 0**Фразы 23 (115)***работа не волк – в лес не убежит 28**сколько волка ни корми – все в лес смотрит 23**волков бояться – в лес не ходить 15*

серб. ВУК «волк»

РЕАЛИЯ**1. Классификационные признаки****1.1. Таксономические****Определения**

<i>Животиња 2</i>	Животное
<i>Животиња из породице паса која живи у шуми</i>	Животное из рода собак, которое живет в лесу
<i>Звер</i>	Зверь

Ассоциации

<i>Звер 2</i>	Зверь
---------------	-------

Сравнения (0)**Фразы (0)****1.2. Параметрические****Определения**

<i>Дивља животиња 16</i>	Дикое животное
<i>Дивља, крволочна животиња тамне длаке</i>	Дикое, кровожадное животное с темной шерстью
<i>Дивља животиња која живи у шуми и крволочна</i>	Дикое животное, которое живет в лесу и кровожадно

Сравнения (0)**Фразы (0)****СПОСОБ ОТОБРАЖЕНИЯ****6. Прецедентные феномены****6.1. Мифологические представления и верования****ВОЛК – ТОТЕМНОЕ ЖИВОТНОЕ СЕРБОВ****Определения**

<i>Дивља животиња, звер са често митолошким значењем 2</i>	Дикое животное, зверь, часто с мифологическим значением
--	---

Ассоциации (0)

Сравнения (0)

Фразы (0)

Частотность мотива 1 (2)

ВОЛК – ОБОРОТЕНЬ

Определения

<i>Животиња која живи у шуми и јавља се у периоду пуног месеца</i>	<i>Животное, которое живет в лесу и появляется во время полной луны</i>
--	---

Ассоциации

<i>Месеца</i>	<i>Месяц</i>
---------------	--------------

Сравнения

Фразы

<i>Вук јауче на месечини</i>	<i>Волк воет на луну</i>
------------------------------	--------------------------

Количество реакций 3 (3)

«Опыт разноязычного словаря обыденной семантики бионимов» как источник сопоставительных исследований языковой картины мира носителей различных языков. Данные словаря позволяют выявить как универсальные, представленные в языковом сознании носителей различных языков ассоциативные, понятийные и концептные характеристики бионима, так и идиоэтнические, обусловленные национальной картиной мира носителей сопоставляемых языков.

Универсальные характеристики бионима «волк». Так, для носителей русского и сербского языков волк – это *животное, зверь*; типовая ассоциативная реакция – *зверь*. Характеризуя волка, носители всех языков отмечают, что это *дикое животное*. Определяя значение лексемы *волк*, и русские, и сербские информанты отмечают, что это животное, похожее на большую собаку (рус. *животное, дикое, внешне похоже на собаку*; серб. *опасна дивља животиња налик псу*). В определениях *волка* типовыми реакциями являются его характеристики по внутренним качествам, особенностям характера и поведения (рус. *хищное животное*; серб. *животиња месојед која живи у шуми*), ассоциативный ряд включает такие лексемы, как *злой, злость, кровожадный* (рус.) и *крволочан, зао* (серб.). Носители как русского, так и сербского языков, характеризуя *волка*, указывают на место его обитания (рус. *живет в лесу; животное, обитающее в смешанных лесах*; серб. *животиња која живи у шуми; шумска звер*), особенности питания (рус. *питается мясом; плотоядное животное; животное, которое питается другими животными*; серб. *дивља животиња која храни се другим животињама; дивља животиња, која има мериц зубе и лови домаћи животиње*).

И русский, и сербский ассоциативные ряды включают лексему *овца*, указывающую на общность языковой картины мира носителей этих языков. Определяя *волка*, русские и сербские информанты отмечают, что это животное обычно обитает стаями, но встречаются и волки-одиночки (рус. *хищное животное, которое живет в стае; живут обычно стаями, но встречаются и волки-одиночки*; серб. *крволочна животиња који живи у чопору; дивља животиња, крволочна, живи сама или у чопору*). Обнаруживаются существенные совпадения сравнительных конструкций в русском и сербском языках (*они одинокие, как волки и они самотњаци као вуки*), в составах ассоциативных рядов (*стая, одиночка, одиночество и чопор, усамљен*), а также в прецедентных фразах (*волчья стая и чопор вукова*). И русские, и сербы отмечают, что волк является санитаром леса (рус. *санитар леса; чистильщик леса*; серб. *кољач немоћних; чистач у природи*), но при этом представляет опасность для человека (рус. *животное, которое живет в лесу и представляет опасность*; серб. *животиња која је веома опасна; животиња која често зна да нанесе штету*).

Анализ прецедентных фраз с лексемой *волк* также позволил выявить общие закономерности употребления этого слова носителями сопоставляемых языков. Так, в мифологических и библейских представлениях волк является оборотнем, персонажем многих народных сказок (рус. *Красная Шапочка*, серб. *Црвенкапа*; рус. *Семеро козлят*; серб. *Вук и седам харија*), героем басен (рус. *Волк и ягненок*; серб. *Вук и јагне*).

Все эти сведения, собранные в одной словарной статье, систематизированные и лексикографически обработанные, позволяют наглядно показать, что в обыденном сознании носителей славянских языков имеется много общих представлений о значении и употреблении лексических единиц – наименований флоры и фауны. Этот общий фонд знаний сформирован, с одной стороны, объективными свойствами реалии, а с другой – универсальными когнитивными механизмами, регулирующими процессы восприятия и мышления. Кроме того, общность в характеристике лексемы определяется также родственной близостью русского и сербского языков и общей языковой картиной мира их носителей.

Национально-специфические характеристики бионима «волк». Анализ данных опроса носителей русского и сербского языков позволяет выявить национально-специфические признаки, приписываемые тому или иному биониму. Так, например, в 108 ответах сербских информантов 55 раз встретилось определение *дикое животное / дикий (дивља животиња, дивљи)*, 24 – *кровожадное (крволочна)*, 20 раз – определение *опасное (опасна)*; уточнили место обитания в лесу, лесное (*у шуми, шумско*) 21 человек, 7 указали на особенность организации: организовано

в стаи, всегда в стае (*организовано у чопору, увек у чопору*); 10 человек указали на схожесть с собакой (*сродна псу, претеча пса, налик псу и др.*); 2 информанта отметили, что волк является санитаром леса (*чистач у природи, кољач немоћних*). Подобные определения давали и русские информанты. Однако ответы сербских и русских информантов расходились в указании на место обитания волка; кроме леса, сербы еще называли горы (*планине*), а русские – *тайгу и лесостель*, что связано с природными, географическими условиями традиционного проживания сербов и русских.

Несмотря на повторяющиеся ассоциации, связанные с прецедентными текстами (*Красная шапочка, Семеро козлят* и др.), встречаются особые: для сербских информантов лексема *волк* ассоциируется с популярным произведением Ивы Андрича «Аска и волк».

Ассоциация *магарац (осел)* в сербском языке, скорее всего, связана с устойчивым выражением серб. *појео (ујео) вук магаре (магарца)* букв. «съел волк осла» со значением «отсутствие наказания за проступок, как будто ничего не случилось» (Трофимкина 2005). Подобное устойчивое выражение отсутствует в русском языке.

Ассоциация *ну, погоди* у русских информантов является достаточно распространенной и связана с одним из самых любимых мультипликационных сериалов режиссера В. Котеночкина. «Ну, погоди!» – кричит волк вслед зайцу, который в очередной раз перехитрил волка и убежал от него. Так продолжена традиция русских народных сказок, в которых волк чаще всего изображается глупым (его легко обманывает лиса, ловят и бьют охотники).

У сербских информантов трижды встретились ответы, указывающие на то, что *вуком (волком)* могут назвать мальчика (например, *вук – крволочна животиња по којој и српски дечаци могу добити име*). Как отмечает известный сербский этнолог Веселин Чайканович, каждый народ мифологически связан с каким-либо животным. Для сербов таким животным является волк, так как он – мифологический предшественник, прародитель сербского народа (Чайкановић 1994). Корень *вук* (волк) в сербском языке стал основой для образования огромного количества имен собственных: Вук, Вучко, Вујкан, Вујица, Вукашин, Вукан, Вучица и Вукица, так и фамилий: Вучић, Вучинић, Вуковић, Вујошевић, Вујичић, Вукадиновић, Вујовић, Вукобратовић, Вујковић, Вучетовић, Вучковић, Станивуковић и др.

Анализ сравнительных выражений, связанных с лексемой *волк*, показал, что наиболее частотными реакциями являются следующие:

– у русских: *злые - 54, голодные - 32, дикий - 6, верные - 5, быстрые - 3, лютые - 3, храбрые - 3, преданные - 2, смелые - 2, трусливые - 2* и др.;

– у сербов: *гладни (голодный)* - 79, *опасни (опасный)* - 28, *крволочни (кровожадный)*- 13, *зли (злой)* - 7, *страшни (страшный)* - 4 и др.

Данные информантов в целом подтверждают стереотипное восприятие и оценку волка в славянской культуре.

Большая часть ответов сербских информантов связана с устойчивым выражением: *вук длаку мења, али ћуд никада (волк меняет шерсть, а характер никогда)* (33) – так говорят о человеке, который демонстрирует свои настоящие привязанности, несмотря на чье-то желание изменить их (русский эквивалент данного фразеологизма *сколько волка ни корми, он все в лес смотрит*).

Выражение *ми о вуку, а вук на врата* (мы о волке, и волк в дверях) упомянули 25 человек (со значением «легко на помине»). Встречаются фразы из прецедентных сербских детских песен, считалочек, пословиц (*вучу, вуче, бубо лења, шта ће рећи поколења... вуци вију, а вевери грде*), неизвестные русским информантам.

У русских информантов с лексемой *волк* связаны следующие устойчивые выражения: *работа не волк – в лес не убежит* (28), *сколько волка ни корми – все в лес смотрит* (23), *волков бояться – в лес не ходить* (15), *серый волк зубами щелк* (10), *с волками жить – по-волчьи выть* (9), *волка ноги кормят* (8), *голодный как волк* (6), *человек человеку волк* (5) и др.

В представлении русских волк – *злой, жадный, глупый, трусливый*, в то время как в представлении сербов волк обладает качествами, вызывающими страх и заслуживающими уважение (*свободный, гордый, верный, преданный, храбрый, суровый, опасный*). Не случайно «Белыми волками» (серб. *Бели вукови*) в Республике Сербской называли военное подразделение, участвовавшее в Боснийской войне. В русском языке войска спецназа обычно называют «Медведи», «Белые медведи», так как в русской культуре медведь является тотемным животным, его образ встречается на гербах некоторых русских городов. Медведь часто упоминается как символ России. Медвежонок был талисманом Олимпиады в Москве, медведь является символом политического движения «Единая Россия», в то время как в сербской культуре признаками такого тотемного животного в обыденном сознании является волк.

Вывод. Опыт представленного разноязычного словаря дает материал для акцентированных сопоставлений лингвокультур носителей как близкородственных, в частности славянских, так и неродственных языков, а также национальных вариантов языкового сознания славянских народов. Репрезентация в словарной статье отдельной лексической единицы, в частности бионима *волк*, как результат выявления различных слоев

его семантики в сознании рядовых носителей русского и сербского языков позволяет установить как общеславянские языковые особенности, обусловленные общей картиной мира славянских народов, близким родством русского и сербского языков, так и идиоэтнические особенности, определяемые традиционной культурой каждого из славянских народов, мифологемами, отражающими различия языковой картины мира славянских народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробнее о принципах формирования словника и критериях отбора слов изложено в статье (Голев, Дебрэнн 2013).

ЛИТЕРАТУРА

Ассоциативный тезаурус современного русского языка 1994-1998 - Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть I-III / Под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасова. М., 1994-1998.

Ассоциативный словарь французского языка - Ассоциативный словарь французского языка. URL: <http://dictaverf.nsu.ru> (дата обращения: 13.06.2015).

Ассоциативный словарь якутского языка - Ассоциативный словарь якутского языка. URL: <http://adictsakha.nsu.ru> (дата обращения: 13.06.2015).
Бутенко 1989 - *Бутенко Н.П.* Словник асоціативних норм української мови. Львів: Вища школа, 1989. 326 с.

Герганов 1984 - *Герганов Е.* Български норми на словесни асоциации. София: Наука и изкуство, 1984.

Голев, Дебрэнн 2013 - *Голев Н.Д., Дебрэнн М.* Разноязычный сопоставительный словарь обыденной семантики бионимов: концепция, лексикографический проект и опыт его реализации // Вестник Новосибирского государственного университета: Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2013. Т. 11. Вып. 2. С. 80-92.

Голикова 2004 - *Голикова Т.А.* Алтайско-русский ассоциативный словарь (Алтай-орус ассоциативный сôзлик). М.: Изд-во ОЛСИБ, 2004. 380 с.

Дебрэнн 2010а - *Дебрэнн М.* Французский ассоциативный словарь. Новосибирск, 2010. Т. 1: От стимула к реакции. 252 с.

Дебрэнн 2010б - *Дебрэнн М.* Французский ассоциативный словарь. Новосибирск. 2010. Т. 2: От реакции к стимулу. 449 с.

Дмитрюк 1998 - *Дмитрюк Н.В.* Казахско-русский ассоциативный словарь.

Шымкент; М., 1998. 245 с.

Жаналина 2014 - *Жаналина Л.К.* Ассоциативные поля как фрагменты языкового сознания в сопоставительном аспекте // Труды Института магистратуры и докторантуры PhD. КазНПУ им. Абая. Алматы, 2014. Вып. 18. С. 3-19.

Крумова-Цветкова 2009 - *Крумова-Цветкова Л.* Пожелания и клетвите като част националната самобитност и култура // Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум: Труды и материалы. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 272.

Лебедева 2009 - *Лебедева Л.А.* Лакунарность в языковом представлении соотносительных концептов (русский концепт ЧЕРНЫЙ и чешский ČERNÁ) // Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум: Труды и материалы. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 274-75.

Леонтьев 1977 - *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. 304 с.

Обыденное метаязыковое сознание 2008-2012 - Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. I-IV / Отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово, 2008-2012.

Сергеева 2009 - *Сергеева Л.А.* Ценностный аспект языкового сознания (по данным русского и чешского языков) // Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум: Труды и материалы. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 289-290.

Славянский ассоциативный словарь 2004 - Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М., 2004. 800 с.

Словарь обыденных толкований русских слов 2011 - Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы: В 2 т. Т. 1: А-М (АБРИКОС-МУРАВЕЙ) (480 слов-стимулов) / Под ред. Н.Д. Голева. Кемерово, 2011.

Тер-Минасова 2004 - *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2004. 624 с.

Титова 1975 - *Титова Л.Н.* Киргизско-русский ассоциативный словарь. Фрунзе: Мактеп, 1975. 96 с.

Трофимкина 2005 - *Трофимкина О.И.* Сербохорватско-русский фразеологический словарь. М., 2005. С. 39.

Ульянова 1988 - *Ульянова Ю.Е.* Латышско-русский ассоциативный словарь. Рига: Зинатне, 1988. 187 с.

Уфимцева 2009 - *Уфимцева Н.В.* Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. 2009. № 4. С. 98-111.

Цітова 1981 - *Цітова А.І.* Асацыятыуін слойнік беларускай мовы. Мінск: Выд-ва БДУ, 1981. 144 с.

Чајкановић 1994 - *Чајкановић В.* Стара српска религија и митологија.

Београд: Политика, 1994. С. 72-104.

Шаклеин 2009 - *Шаклеин В.М.* Лингвокультурологический аспект общеславянского культурного наследия // *Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум: Труды и материалы.* М.: МАКС Пресс, 2009. С. 298.

Шутковски 2009 - *Шутковски Т.* Этнокультурная специфика паремийной единицы с ономастическим компонентом как объекта конфронтативных исследований // *Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум: Труды и материалы.* М.: МАКС Пресс, 2009. С. 300-301.

Gawarkiewicz, Pietrzyk, Rodziewicz 2008 - *Gawarkiewicz R., Pietrzyk I., Rodziewicz B.* Polski słownik asocjacyjny z suplementem. Szczecin, 2008.

REFERENCES

Karaulov, Yu.N., Sorokin, Yu.A., Tarasov, E.F., Ufimtseva, N.V. & Cherkasov, G.A. (eds) (1994–1998) *Assotsiativnyy tezaurus sovremennogo russkogo yazyka* [The Associative Thesaurus of Modern Russian Language]. Moscow: Institute of the Russian Language RAS.

Debrenne, M., Ufimtseva, N. & Romanenko, A. *Assotsiativnyy slovar frantsuzskogo yazyka* [Associative Dictionary of the French language]. [Online] Available from: <http://dictaverf.nsu.ru> (Accessed: 13th June 2015).

Zamorshchikova, L.S. & Romanenko, A. *Assotsiativnyy slovar yakutskogo yazyka* [Associative Dictionary of the Yakut language]. [Online] Available from: <http://adictsakha.nsu.ru> (Accessed: 16th June 2015).

Butenko, N.P. (1989) *Slovník asotsiativnikh norm ukraïns'koï movi* [The Dictionary of Associative standards of the Ukrainian Language]. Lviv: Vishcha shkola.

Gerganov, E. (1984) *Bolgarski normi na slovesni assotsiatsii* [Bulgarian norms and word associations]. Sofiya: Nauka i izkustvo.

Golev, N.D. & Debrenne, M. (2013) A multilingual dictionary of bionyms: conceptual basis of the lexicographic project. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta: Seriya lingvistika i mezhkul'turnaya komunikatsiya.* 11 (2). pp. 80-92.

Golikova, T.A. (2004) *Altaysko-russkiy assotsiativnyy slovar' (Altay-orus assotsiativnyy sözlik)* [The Altai-Russian Associative Dictionary]. Moscow: OLSIB.

Debrenne, M. (2010a) *Frantsuzskiy assotsiativnyy slovar'* [The French Associative Dictionary]. Vol.1. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

Debrenne, M. (2010b) *Frantsuzskiy assotsiativnyy slovar'* [The French Associa-

tive Dictionary]. Vol.2. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

Dmitryuk, N.V. (1998) *Kazakhsko-russkiy assotsiativnyy slovar'* [The Kasakh-Russian Associative Dictionary]. Shymkent, Moscow.

Zhanalina, L.K. (2014) Assotsiativnye polya kak fragmenty yazykovogo soznaniya v sopostavitel'nom aspekte [Associative fields as fragments of linguistic consciousness in comparative aspect]. *Trudy Instituta magistratury i doktorantury PhD. KazNPU*. 18. pp. 3-19.

Krumova-Tsvetkova, L. (2009) [Wishes and curses as part of national identity and culture]. *Slavyanskije yazyki i kul'tury v sovremennom mire* [Slavic languages and cultures in the modern world]. Proc. of the International Research Symposium. Moscow: MAKS Press. p. 272.

Lebedeva, L.A. (2009) Lakunarnost' v yazykovom predstavlenii sootnositel'nykh kontseptov (russkiy kontsept CHERNYI i cheshkiy ČERNÁ) [Lacunarity in the linguistic representation of correlative concepts (Russian concept of CHERNYI and Czech ČERNÁ)]. *Slavyanskije yazyki i kul'tury v sovremennom mire* [Slavic languages and cultures in the modern world]. Proc. of the International Research Symposium. Moscow: MAKS Press. pp. 274-275.

Leontev, A.N. (1977) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activities. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat.

Golev, N.D. (ed.) (2008–2012) *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary metalanguage consciousness: the ontological and epistemological aspects]. Kemerovo: Kemerovo State University.

Sergeeva, L.A. (2009) [Axiological aspects of language awareness (in the Russian and Czech languages)]. *Slavyanskije yazyki i kul'tury v sovremennom mire* [Slavic languages and cultures in the modern world]. Proc. of the International Research Symposium. Moscow: MAKS Press. pp. 289-290.

Ufimtseva, N.V., Cherkasova, G.A., Karaulov, Yu.N. & Tarasov, E.F. (2004) *Slavyanskiy assotsiativnyy slovar': russkiy, belorusskiy, bolgarskiy, ukrainskiy* [The Slavic Associative Dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, and Ukrainian]. Moscow: RAS.

Golev, N.D. (2011) *Slovar' obydennykh tolkovaniy russkikh slov. Leksika prirody: V 2 t. T. 1: A-M (ABRIKOS - MURAVEY)* [The Dictionary of Everyday Interpretations of Russian words. Vocabulary of the nature: In 2 vols. Vol. 1: A-M (APRICOT-ANT)]. Kemerovo: OFSET.

Ter-Minasova, S. (2004) *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [The Language and Multicultural Communication]. Moscow: Slovo.

Titova, L.N. (1975) *Kirgizsko-russkiy assotsiativnyy slovar'* [The Kyrgyz-Russian Associative Dictionary]. Frunze: Maktep.

Trofimkina, O.I. (2005) *Serbokhorvatsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [The

Serbo-Croatian-Russian Phraseological Dictionary]. Moscow: Vostok-Zapad. p. 39.

Ulyanova, Yu.E. (1988) *Latyšshko-russkiy assotsiativnyy slovar'* [The Latvian-Russian Associative Dictionary]. Riga: Zinatne.

Ufimtseva, N.V. (2009) *Obraz mira russkikh: sistemnost' i sodержanie* [The Russian image of the world: systematicity and content]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 4 (8). pp. 98-111.

Tsitova, A.I. (1981) *Asatsyyatyuin sloynik belaruskay movy* [the Associative Dictionary of the Belarusian Language]. Minsk: BDU.

Chajkanovič, V. (1994) *Stara srpska religija i mitologija* [The Old Serbian Religion and Mythology]. Beograd: Politika. pp. 72-104.

Shaklein, V.M. (2009) [Lingvoculturological aspect of Pan-Slavic cultural heritage]. *Slavyanskije yazyki i kul'tury v sovremennom mire* [Slavic languages and cultures in the modern world]. Proc. of the International Research Symposium. Moscow: MAKS Press. p. 298.

Shutkovski, T. (2009) *Etnokul'turnaya spetsifika paremiynoy edinitsy s onomasticheskim komponentom kak ob'ekta konfrontativnykh issledovaniy* [Ethnocultural specificity of paremial units with the onomastic component as an object of confrontive research]. *Slavyanskije yazyki i kul'tury v sovremennom mire* [Slavic languages and cultures in the modern world]. Proc. of the International Research Symposium. Moscow: MAKS Press. pp. 300-301.

Gawarkiewicz, R., Pietrzyk, I. & Rodziewicz, B. (2008) *Polski słownik asocjacyjny z suplementem* [The Polish dictionary of Associations with Supplement]. Szczecin: Print Group.

Голев Николай Данилович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Кемеровского государственного университета.

Golev Nikolay – Kemerovo State University (Russia).

E-mail: ngolevd@mail.ru

Ким Лидия Густовна – доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка Кемеровского государственного университета.

Kim Lidia – Kemerovo State University (Russia).

E-mail: kimli09@mail.ru

Стеванович Светлана Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Кемеровского государственного университета.

Stevanovich Svetlana – Kemerovo State University (Russia).

E-mail: stevan2000@rambler.ru

УДК 81'272

UDC

DOI 10.17223/18572685/41/4

ЯЗЫКОВЫЕ ПРАВА РУСИНОВ, УКРАИНЦЕВ И ДРУГИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ*

Д. А. Катунин

Томский государственный университет, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Scopus Author ID: 56401894100

Авторское резюме

Анализируются законодательные акты Республики Босния и Герцеговина, регламентирующие использование и функционирование языков национальных меньшинств, проживающих на территории государства. На основании результатов переписей населения Боснии и Герцеговины приводятся данные об абсолютной и относительной численности русинов и украинцев, а также тех, кто указал русинский и украинский языки в качестве родных. Делаются выводы о том, что языковые права национальных меньшинств находят свое максимально широкое отражение в законах государственного и субгосударственного уровней: конституциях, законах о защите прав национальных меньшинств, международных договорах (Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств). Данные юридические акты фиксируют обязательства государства в области публичного использования миноритарных языков в сферах образования, судопроизводства, административной и государственной деятельности, средств массовой информации, культуры, экономической и общественной жизни, топонимики и т.д.

Ключевые слова: русины, украинцы, русинский язык, украинский язык, национальные меньшинства, Босния и Герцеговина.

LANGUAGE RIGHTS OF RUSINS, UKRAINIANS AND OTHER NATIONAL MINORITIES IN THE CURRENT LAWS OF BOSNIA AND HERZEGOVINA*

D. A. Katunin

Tomsk State University, 36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Scopus Author ID: 56401894100

Abstract

The article analyzes the laws of Bosnia and Herzegovina governing the use and functioning of the languages of national minorities living in the state. Based on the results of population censuses in Bosnia and Herzegovina, data are given on the absolute and relative number of Rusins and Ukrainians, as well as on those who indicated Rusinian and Ukrainian as their mother tongues. A conclusion is made that the

* Работа выполнена в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

* This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

language rights of the national minorities are most broadly reflected in the laws of the state and sub-state levels: the Constitution, the Law on the Protection of National Minorities, international treaties (European Charter for Regional or Minority Languages). These legal acts fix the obligations of the state in the public use of minority languages in education, judiciary, in administrative and public activities, in media, culture, economic and social life, in place names, etc.

Keywords: Rusins, Ukrainians, Rusinian language, Ukrainian language, national minorities, Bosnia and Herzegovina.

Статья продолжает цикл публикаций, посвященных изучению юридического статуса русинского языка в странах бывшей Югославии (Катунин 2014, 2015). Целью данного исследования является определение языковых прав русинского, украинского и других национальных меньшинств в законодательстве Республики Босния и Герцеговина. В качестве материала используются статистические данные переписей населения, законы и международные договоры Боснии и Герцеговины.

Русины и украинцы в Боснии и Герцеговине. Русины и украинцы наряду с поляками, чехами, словаками начали переселяться на территорию современной Боснии и Герцеговины из северо-восточных регионов Австро-Венгрии после 1878 г., когда по решению Берлинского конгресса Австро-Венгрия получила право на оккупацию Боснийского вилайета Османской империи. Хотя данная миграция не была столь массовой, как происходившее в XVIII-XIX вв. переселение этих народов на юг Венгрии, в Славонию и Срем (север современной Сербии и восток современной Хорватии), в ряде районов Северной Боснии число «галичан», как называли местные жители переселенцев, было значительным.

К сожалению, в настоящее время (лето 2015 г.) не представляется возможным определить численность народов, населяющих Боснию и Герцеговину: результаты последней переписи населения 2013 г. еще не опубликованы, а предыдущая перепись проводилась в 1991 г. (столь значительный перерыв вызван гражданской войной и последующим переустройством государства).

Согласно результатам переписи 1991 г., на территории Боснии и Герцеговины проживало 3 929 тыс. украинцев, или 0,090 % населения, и 133 русина, или 0,003 % (здесь и далее статистические данные приводятся по: Etnička obilježja 1993).

В качестве родного языка в 1991 г. 2 953 человека (0,068 %) назвали украинский и 700 (0,016 %) – русинский. Еще одним косвенным указанием на количество украинцев и русинов в Боснии и Герцеговине может служить графа, указывающая на вероисповедание, – 3 139 человек (0,072 %) отнесли себя к греко-католикам (униатам).

Особенности государственного устройства Боснии и Герцеговины.

Независимость Боснии и Герцеговины от Социалистической Федеративной Республики Югославия была провозглашена в 1992 г. в границах Социалистической Республики Босния и Герцеговина. Современное законодательство государства основано на Дейтонских соглашениях, утвержденных на военной базе США под Дейтоном и подписанных в 1995 г. в Париже руководителями Боснии и Герцеговины, Хорватии и Югославии. Данные соглашения состоят из общей части и 11 приложений, одним из которых – за № 4 – является текст действующей Конституции Боснии и Герцеговины (т.е. основной закон государства – не более чем дополнение к международному договору). Этот документ фиксировал прекращение гражданской войны и определял послевоенное устройство государства. Страна была разделена на два образования (энтитета), сформированных по национальному и конфессиональному принципу: Республику Сербскую и мусульманско-хорватскую Федерацию Боснии и Герцеговины, в свою очередь состоящую из 10 кантонов. Кроме того, в отдельную единицу вследствие своего стратегического положения был выделен дистрикт Брчко, который де-юре находится в совместном управлении энтитетов, а де-факто является третьей административной единицей в составе Боснии и Герцеговины (рис. 1).

Языковые права русинов, украинцев и других национальных меньшинств в государственных законах Боснии и Герцеговины. До подписания Дейтонских соглашений основным законом Боснии и Герцеговины была неоднократно модифицированная к этому времени Конституция Социалистической Республики Босния и Герцеговина 1974 г., согласно которой республика являлась государством мусульман, сербов, хорватов и представителей иных народов, проживающих на ее территории:

Član 1. Republika Bosna i Hercegovina je suverena i nezavisna država ranopravnih građana, naroda Bosne i Hercegovine – Muslimana, Srba, Hrvata i pripadnika drugih naroda koji u njoj žive (Ustav 1993).

Следует отметить, что термин «мусульмане» в югославской этнополитике социалистического периода характеризовал не столько конфессиональную принадлежность, сколько этническую. Данная группа населения Боснии и Герцеговины сформировалась еще во времена турецкого владычества и состояла преимущественно из потомков исламизированных славян (подробнее см.: Романенко 2001), говоривших в основном на местном иекавском диалекте сербскохорватского языка, который и был зафиксирован в Конституции Республики Босния и Герцеговина в качестве официального под названием «сербскохорватский или хорваткосербский»; там же указывалось равноправие обоих алфавитов – латиницы и кириллицы:

Član 4. U Republici Bosni i Hercegovini u službenoj upotrebi je srpskohrvatski odnosno, hrvatskosrpski jezik ijekavskog izgovora. Oba pisma, latinica i ćirilica su ravnopravna (Ustav 1993).

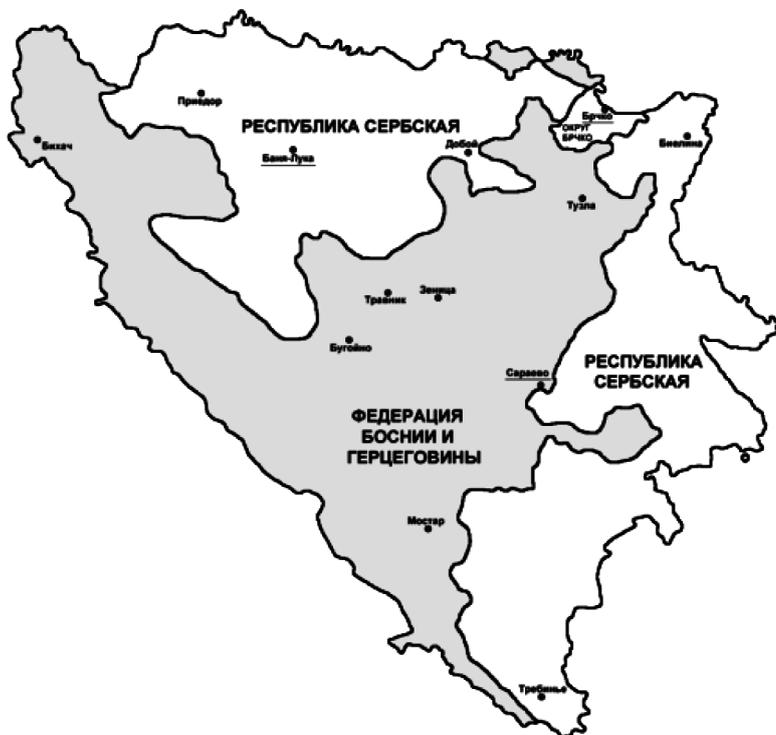

Рис. 1. Энтитеты и дистрикт Республики Босния и Герцеговина

Отметим, что в предыдущей Конституции 1963 г. этот язык (без наделения его каким-либо статусом) именовался как сербскохорватский, например:

Član 216. Republički zakoni, drugi republički propisi i opšti akti objavljuju se u republičkom službenom listu na srpskohrvatskom jeziku (Ustav 1963).

«Постдейтонская» Босния и Герцеговина является единственным государством на территории бывшей Югославии, в Конституции которого не содержится положение об официальном языке. На общегосударственном уровне официальный статус языков зафиксирован в специальных статьях регламентов обеих палат парламента во многом в идентичных формулировках, согласно которым протоколы всех заседаний ведутся на трех языках – боснийском, хорватском и сербском – латиницей и

кириллицей (в разноязычных вариантах регламентов первыми в ряду остальных указываются те язык и алфавит, на которых составлен данный вариант документа):

Члан 176 (Употреба језика).

(1) Записници са састанака и извјештаји Дома, комисија и заједничких комисија пишу се на српском, хрватском и босанском језику, ћириличким и латиничким писмом (Poslovník Predstavničkog Doma 2006).

Члан 173 (Употреба језика).

(1) Записници са састанака и извјештаји Дома, комисија и заједничких комисија пишу се на српском, хрватском и босанском језику...

(2) Материјал из става (1) овог члана пише се ћириличким и латиничким писмом (Poslovník Doma naroda 2006).

Однако уже на уровне энтитетов употребление языков регламентируются их Конституциями, в каждой из которых с 2002 г. зафиксировано по три официальных языка и по два официальных алфавита:

Службени језици Републике Српске су: језик српског народа, језик бошњачког народа и језик хрватског народа. Службена писма су ћирилица и латиница (Амандмани од LXVI-XCI 2002).

(1) Službeni jezici Federacije Bosne i Hercegovine su: bosanski jezik, hrvatski jezik i srpski jezik. Službena pisma su latinica i ćirilica (Амандман XXIX 2002).

В 2003 г. в Республице Босния и Герцеговина был принят Закон «О защите прав представителей национальных меньшинств», где в том числе определялись их права на использование своего языка. Согласно этому документу, статус национальных меньшинств получают граждане Боснии и Герцеговины, не принадлежащие ни к одному из трех конституирующих народов государства (т.е. не являющихся бошняками, сербами или хорватами): албанцы, черногорцы, чехи, итальянцы, евреи, венгры, македонцы, немцы, поляки, цыгане, румыны, русские, русины, словаки, словенцы, украинцы и другие:

Član 3. <...> BiH štiti položaj i ravnopravnost pripadnika nacionalnih manjina: Albanaca, Crnogoraca, Čeha, Italijana, Jevreja, Mađara, Makedonaca, Nijemaca, Poljaka, Roma, Rumuna, Rusa, Rusina, Slovaka, Slovenaca, Turaka, Ukrajinaca i drugih koji ispunjavaju uvjete iz stava 1. ovog člana (Zakon 2003).

В специальном разделе закона, регламентирующем употребление языков, гарантируется право представителей национальных меньшинств на использование своих языков в органах власти, в топографических и иных надписях и т.д. при условии, что национальное меньшинство составляет в данной местности абсолютное или относительное большинство. Кроме того, муниципалитеты (города общины) наделяются правом закреплять эти положения в своих статутах, если национальное

меньшинство составляет более трети от общего количества жителей в административной единице или населенном пункте:

Član 12. U gradovima, općinama i mjesnim zajednicama (ili naseljenim mjestima), u kojima pripadnici nacionalne manjine čine apsolutnu ili relativnu većinu stanovništva, organi vlasti osigurat će upotrebu jezika manjine između tih pripadnika i organa vlasti: da natpisi institucija budu ispisani na jeziku manjine, te da lokalni nazivi, imena ulica i drugih topografskih oznaka namijenjenih javnosti budu ispisani i istaknuti i na jeziku manjine koja to zahtijeva.

Gradovi i općine mogu svojim statutima utvrditi da prava iz prethodnog stava mogu upotrebljavati pripadnici nacionalne manjine i kada ne čine apsolutnu ili relativnu većinu stanovništva, već kada čine u gradu, općini ili naseljenom mjestu više od jedne trećine stanovništva (Zakon 2003).

Позднее в обоих энтитетах Боснии и Герцеговины были приняты аналогичные законы, в которых гарантируется защита языковых прав тех же самых национальных меньшинств. Однако в законе Республики Сербской 2005 г. отсутствует положение об одной трети населения как минимальном цензе для официального закрепления языковых прав, а говорится о значительном числе представителей национального меньшинства:

Član 2. <...> Република Српска штити положај и равноправност припадника националних мањина: Албанаца, Црногораца, Чеха, Италијана, Јевреја, Мађара, Македонаца, Нијемаца, Пољака, Рома, Румуна, Руса, Русина, Словака, Словенаца, Турака и Украјинаца и других који испуњавају услове из става 1. овог члана.

Član 9. У општинама, градовима и мјесним заједницама у којима припадници националне мањине чине апсолутну или релативну већину становништва, органи власти обезбјеђују да се језик мањине користи између тих припадника и органа власти, да натписи институција буду исписани на језику мањине, те да локални називи, имена улица и других топографских ознака намијењених јавности буду истакнути и на језику мањине која то захтјева.

Општине и градови могу у својим статутима утврдити, да права из става 1. овог члана могу користити припадници националне мањине и када не чине апсолутну или релативну већину становништва, већ када у граду, општини, мјесној заједници или насељеном мјесту традиционално станује знатан број лица припадника националне мањине (Закон 2005).

Сходными правами наделяются представители национальных меньшинств и в законе Федерации Боснии и Герцеговины 2008 г.:

Članak 3. <...> Federacija štiti položaj i jednakopravnost pripadnika nacionalnih manjina: Albanaca, Crnogoraca, Čeha, Italijana, Židova, Mađara, Makedonaca, Nijemaca, Poljaka, Roma, Rumunja, Rusa, Rusina, Slovaka, Slovenaca, Turaka,

Ukrajinaca i drugih koji ispunjavaju uvjete iz stavka 1. ovoga članka.

Članak 9. U gradovima, općinama i mjesnim zajednicama u kojima pripadnici nacionalne manjine čine većinu pučanstva tijela vlasti obvezna su osigurati uporabu jezika manjine između tih pripadnika i tijela vlasti, da natpisi institucija budu ispisani i na jeziku manjine, te da lokalni nazivi, nazivi ulica i drugih topografskih oznaka namijenjenih javnosti budu ispisani i istaknuti i na jeziku nacionalne manjine koja to zahtijeva.

Gradovi i općine mogu svojim statutima utvrditi da prava iz stavka 1. ovoga članka mogu koristiti pripadnici nacionalne manjine i kada ne čine većinu pučanstva (Zakon 2008).

Для того чтобы оценить обоснованность и действенность трех вышеприведенных законов, следует обратиться к статистике. Согласно данным переписи населения 1991 г., ни одно из национальных меньшинств Боснии и Герцеговины не составляет и четверти процента от общего числа жителей, а суммарное количество представителей всех меньшинств составляет менее одного процента (в табл. 1 приведены данные о национальных меньшинствах, составляющих не менее 0,001 %). Еще более низкие показатели демонстрируют данные переписи по числу носителей родных языков национальных меньшинств Боснии и Герцеговины (табл. 2).

Таблица 1

Национальные меньшинства Республики Босния и Герцеговина (1991 г.)

Национальность	Численность	%
Черногорцы	10 071	0,230
Цыгане	8 864	0,203
Албанцы	4 925	0,113
Украинцы	3 929	0,090
Словенцы	2 190	0,050
Македонцы	1 596	0,037
Венгры	893	0,020
Итальянцы	732	0,017
Чехи	590	0,014
Поляки	526	0,012
Немцы	470	0,011
Евреи	426	0,010
Русские	297	0,007
Словаки	297	0,007
Турки	267	0,006
Румыны	162	0,004
Болгары	142	0,003
Русины	133	0,003

Национальность	Численность	%
Греки	71	0,001
Австрийцы	66	0,001
Горанцы	41	0,001
Всего	36 689	0,840

Таблица 2

Родные языки меньшинств Республики Босния и Герцеговина (1991 г.)

Родной язык	Численность	%
Цыганский	10 422↑	0,238
Албанский	5 448↓	0,125
Украинский	2 892↓	0,066
Словенский	1 843↓	0,042
Македонский	1 597↑	0,037
Румынский	1 172↑	0,027
Немецкий	952↑	0,022
Венгерский	905↑	0,021
Русинский	700↑	0,016
Итальянский	600↓	0,014
Чешский	449↓	0,010
Турецкий	395↑	0,009
Русский	386↑	0,009
Польский	329↓	0,008
Словацкий	272↓	0,006
Черногорский	266↓	0,006
Болгарский	179↑	0,004
Греческий	83↑	0,002
Еврейский	38↓	0,001
Всего	28 927	0,661

В целом при сравнении данных табл. 1 и 2 можно проследить общую тенденцию, когда носителей родного языка выявляется меньше, чем представителей той или иной национальности (в рассматриваемом случае – меньше на 7 762 человека, или 21,16 %). Однако для половины меньшинств Боснии и Герцеговины отмечается парадоксальная ситуация превышения числа носителей языка над числом тех, кто идентифицировал себя с национальным меньшинством, чьим родным является данный язык (в табл. 2 маркируется знаком «↑»). Эта аномалия распространяется и на русинов (133 человека), и на тех, кто указал в качестве родного языка русинский (700).

На муниципальном уровне Боснии и Герцеговины наблюдается ситуация, схожая с общегосударственной по числу представителей национальных меньшинств: ни в одном из муниципалитетов меньшинства не составляют не только абсолютного или относительного большинства, но и указанной

в государственном законе необходимой трети от числа жителей. В целом же только в трех муниципалитетах Боснии и Герцеговины представители национальных меньшинств насчитывают более двух процентов от числа жителей и ни в одном – более трех. Соответственно, в документах муниципального уровня не содержится упоминаний о каких-либо национальных меньшинствах и их языковых правах (о языках в муниципальном законодательстве Боснии и Герцеговины подробнее см.: Катунин 2009).

Русинский и украинский языки в международных обязательствах Боснии и Герцеговины. В 2010 г. Босния и Герцеговина ратифицировала «Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств» (European Charter for Regional or Minority Languages) Совета Европы и взяла на себя обязательства по защите и развитию 16 таких языков. По сравнению с вышеприведенными законами отсутствуют цыганский и русский языки, а еврейский «разделен» на идиш и ладино:

Čl. 3. Prilikom predaje ratifikacionog instrumenta, Bosne i Hercegovina će dati slijedeće izjave:

1. U skladu s obavezama sadržanim u članu 2. stav 2. Evropske povelje o regionalnim i manjinskim jezicima, Bosna i Hercegovina prihvata da se u Bosni i Hercegovini za albanski, crnogorski, češki, talijanski, mađarski, makedonski, njemački, poljski, rumunski, rusinski, slovački, slovenački, turski, ukrajinski i jevrejski (jidiš i ladino) primjenjuju... (Odluka 2010).

Согласно закону о ратификации хартии, Республика Босния и Герцеговина взяла на себя обязательства по обеспечению языковых прав национальных меньшинств в следующих сферах (специфика исполнения Хартии ратифицировавшими ее государствами освещена в предыдущей статье (Катунин 2015: 235):

- образования (5 пунктов и подпунктов, ст. 8),
- судопроизводства (7, ст. 9),
- административной и государственной деятельности (8, ст. 10),
- средств массовой информации (6, ст. 11),
- культуры (5, ст. 12),
- экономической и общественной жизни (2, ст. 13),
- трансграничных обменов (2, ст. 14).

О некоторой декларативности данного документа может свидетельствовать ошибка в англоязычном тексте обязательств Боснии и Герцеговины, размещенном на сайте Совета Европы в 2010 г., где русинский язык назван не **Ruthenian** (как, например, в обязательствах Румынии, Сербии, Словакии и Хорватии), а **Rysin**:

In accordance with Article 2, paragraph 2, of the Charter, Bosnia and Hercegovina declares that, the following provisions shall apply to the Albanian,

Montenegrin, Czech, Italian, Hungarian, Macedonian, German, Polish, Romanian, Rysin, Slovak, Slovene, Turkish, Ukrainian and Jewish (Yiddish and Ladino) languages (List of declarations).

Выводы. В целом законодательство Боснии и Герцеговины, определяющее и регулирующие языковые права национальных меньшинств (т.е. не государствообразующих этносов: бошняков / «мусульман», сербов и хорватов), не позволяет сделать однозначных заключений. С одной стороны, оно крайне либерально и закрепляет права на официальное пользование языков 17 национальных меньшинств, хотя они все вместе не насчитывают и одного процента от общего числа населения. С другой – такое использование языков возможно только в тех муниципалитетах или населенных пунктах, где представители какого-либо миноритарного этноса составляют большинство (абсолютное или относительное) или не менее трети жителей. В то же время, согласно результатам переписи, ни в одном из муниципалитетов на момент принятия законов не было достаточного для реализации этих положений числа представителей национальных меньшинств, и, соответственно, отсутствуют и какие-либо законодательные акты муниципального уровня, регулирующие данный аспект языковой политики.

Таким образом, представляется возможным говорить о сугубо декоративном характере рассмотренных «языковых» законов Боснии и Герцеговины, имея в виду то, что даже декларативный учет прав национальных меньшинств позволяет регулировать напряжение в столь этнически сложном регионе, каким является Балканский полуостров в целом и страны бывшей Югославии в частности. Международные же обязательства государства обусловлены в первую очередь выполнением рекомендаций Совета Европы в свете приоритетной для Боснии и Герцеговины задачи вступления в Европейский союз.

ЛИТЕРАТУРА

Амандмани од LXVI-XCI 2002 - Амандмани од LXVI-XCI на Устав Републике Српске // Службени гласник Републике Српске. 2002. № 21.

Закон 2005 - Закон о заштити права припадника националних мањина Републике Српске // Службени гласник Републике Српске. 2005. № 2.

Катунин 2009 - *Катунин Д.А.* Современное языковое законодательство Боснии и Герцеговины: становление и тенденции // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 1 (5). С. 22-46.

Катунин 2014 - *Катунин Д.А.* Русинский и словацкий языки в современном законодательстве Хорватии // Русин. 2014. № 2 (36). С. 296-311.

Катунин 2015 - *Катунин Д.А.* Языковые права русинов, украинцев и других национальных меньшинств в законодательстве Республики Сербия // *Русин*. 2015. № 1 (39). С. 229-238. DOI 10.17223/18572685/39/15

Романенко 2001 - *Романенко С.* Бошняци // *Родина*. 2001. № 1-2. С. 206-209.

Amandman XXIX 2002 - Amandman XXIX. na Ustav Federacije Bosne i Hercegovine // *Službene novine Federacije Bosne i Hercegovine*. 2002. № 16.

Etnička obilježja 1993 - Etnička obilježja stanovništva // *Statistički bilten*. 1993. № 233.

List of declarations - List of declarations made with respect to treaty No. 148. URL: <http://conventions.coe.int> (дата обращения: 16.06.2015).

Odluka 2010 - Odluka o ratifikaciji Evropske povelje o regionalnim i manjinskim jezicima // *Službeni glasnik Bosne i Hercegovine*. Međunarodni ugovori. 2010. № 9.

Poslovnik Predstavničkog Doma 2006 - Poslovnik Predstavničkog Doma Parlamentarne skupštine Bosne i Hercegovine // *Službeni glasnik Bosne i Hercegovine*. 2006. № 33.

Poslovnik Doma naroda 2006 - Poslovnik Doma naroda Parlamentarne skupštine Bosne i Hercegovine // *Službeni glasnik Bosne i Hercegovine*. 2006. № 33.

Ustav 1993 - Ustav Repulike Bosne i Hercegovine (prečišćeni tekst) // *Službeni list Repulike Bosne i Hercegovine*. 1993. № 5.

Ustav 1963 - Ustav Socijalističke Republike Bosne i Hercegovine // *Službeni list Socijalističke Republike Bosne i Hercegovine*. 1963. № 14.

Zakon 2003 - Zakon o zaštiti prava pripadnika nacionalnih manjina // *Službeni glasnik Bosne i Hercegovine*. 2003. № 12.

Zakon 2008 - Zakon o zaštiti prava pripadnika nacionalnih manjina u Federaciji Bosne i Hercegovine // *Službene novine Federacije Bosne i Hercegovine*. 2008. № 56.

REFERENCES

Serbia. (2002a) Amandmani od LXVI-XCI na Ustav Republike Srpske [Amendments LXVI-XCI to the Constitution of the Republic of Serbia]. *Službeni glasnik Republike Srpske*. 21.

Serbia. (2005) Zakon o zaštiti prava pripadnika nacionalnih manjina Republike Srpske [The Law on the Protection of National Minorities of the Republic of Serbia]. *Službeni glasnik Republike Srpske*. 2.

Katunin, D.A. (2009) Modern Language Law of Bosnia and Herzegovina: Establishment and Tendencies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (5). pp. 22-46.

Katunin, D.A. (2014) The Rusinian and Slovak languages in the current laws of Croatia. *Rusin*. 2 (36). pp. 296-311.

Katunin, D.A. (2015) The language rights of the Rusins, Ukrainians and other minorities in the current laws of Serbia. *Rusin*. 1(39). pp. 229-238. DOI 10.17223/18572685/39/15.

Romanenko, S. (2001) Boshnyatsi [Boshnyatsi]. *Rodina*. 1-2. pp. 206-209.

Serbia. (2002b) Amandman XXIX. na Ustav Federacije Bosne i Hercegovine [Amendment XXIX to the Constitution of the Federation of Bosnia and Herzegovina]. *Službene novine Federacije Bosne i Hercegovine*. 16.

Anon. (1993) Etnička obilježja stanovništva [Ethnic characteristics of the population]. *Statistički bilten*. 233.

Conventions.coe.int. *List of declarations made with respect to treaty No. 148*. [Online]. Available from: <http://conventions.coe.int> (accessed: 16th June 2015).

Bosnia and Herzegovina. (2010) Odluka o ratifikaciji Evropske povelje o regionalnim i manjinskim jezicima [Decision on ratification of the European Charter for Regional or Minority Languages]. *Službeni glasnik Bosne i Hercegovine. Međunarodni ugovori*. 9.

Bosnia and Herzegovina. (2006a) Poslovník Predstavničkog Doma Parlamentarne skupštine Bosne i Hercegovine [Orders of the House of Representatives of the Parliamentary Assembly of Bosnia and Herzegovina]. *Službeni glasnik Bosne i Hercegovine*. 33.

Bosnia and Herzegovina. (2006b) Poslovník Doma naroda Parlamentarne skupštine Bosne i Hercegovine [Rules of the House of Peoples of the Parliamentary Assembly of Bosnia and Herzegovina]. *Službeni glasnik Bosne i Hercegovine*. 33.

Bosnia and Herzegovina. (1993) Ustav Republike Bosne i Hercegovine (prečišćeni tekst) [The Charter of the Republic of Bosnia and Herzegovina]. *Službeni list Republike Bosne i Hercegovine*. 5.

Bosnia and Herzegovina. (1963) Ustav Socijalističke Republike Bosne i Hercegovine [The Charter of Socialist Republic of Bosnia and Herzegovina]. *Službeni list Socijalističke Republike Bosne i Hercegovine*. 14.

Bosnia and Herzegovina. (2003) Zakon o zaštiti prava pripadnika nacionalnih manjina [The Law on the Protection of National Minorities]. *Službeni glasnik Bosne i Hercegovine*. 12.

Bosnia and Herzegovina. (2008) Zakon o zaštiti prava pripadnika nacionalnih manjina u Federaciji Bosne i Hercegovine [The Law on the Protection of National Minorities in the Federation of Bosnia and Herzegovina]. *Službene novine Federacije Bosne i Hercegovine*. 56.

Катунин Дмитрий Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.

Katunin Dmitry – Tomsk State University (Russia).

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

УДК 94(497.1)

UDC

DOI 10.17223/18572685/41/5

АКТУАЛНИ ПРОЦЕСИ У РУСИНСКИМ ЈАЗИКУ

М. Фејса

Универзитет у Новим Садзе
Др Зорана Джинджича, Нови Сад, 402920, Србија
Scopus Author ID: 56031169500
E-mail: fejsam@gmail.com

Абстракт

Автор у прешој часци работи описује историјну драгу свакој зоз егзистујућих варијантох русинског јазика – лемковској (у Польској), прешовској (у Словацкој) и закарпатској (у Украјини), а у другој часци ше фокусује на јужнорусинску варијанту, то ест на руски јазик, хтори ше хаснуе у Србији и Горватској. Јужнорусинску варијанту карактеризује непреривни розвој норми, цо не бул случај зоз другима варијантами русинског јазика. Розвој норми ше спатра през доприношене лингвистичних авторитетох, насампредз през доприношене трох авторох граматицох (Гавриіла Костельника, Миколи Кочиша и Јулијана Рамача).

Кључни слова: русински јазик, бачко-сримска варијанта, прешовска варијанта, лемковска варијанта, закарпатска варијанта, полицентрична стандардизација, социолингвистика, Русини, Руснаци.

АКТУАЛНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РУСИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Фејса М.

Универзитет Новог Сада
Србија 402920, г. Нови Сад ул. Доктора Зорана Джинджича,
Scopus Author ID: 56031169500
E-mail: fejsam@gmail.com

Авторское резюме

Автор в первой части работы описывает историю развития каждого из существующих вариантов русинского языка – лемковского (в Польше), прешовского (в Словакии) и закарпатского (на Украине), а во второй части фокусирует внимание на южнорусинском варианте, то есть на русинском языке, которым пользуются в Сербии и Хорватии. Южнорусинский вариант характеризует непрерывное развитие нормы, чего не было в случае с другими вариантами русинского языка. Особую роль в этом сыграли такие авторитетные филологи-русинисты, как Гавриила Костельник, Микола Кочиш и Юлиан Рамач.

Ключевые слова: русинский язык, бачко-сремский вариант, прешовский вариант, лемковский вариант, закарпатский вариант, полицентрическая стандартизация, социолингвистика, русины.

CURRENT PROCESSES IN THE RUSINIAN LANGUAGE

M. Fejsa

University of Novi Sad
Dr Zorana Đinđića, Novi Sad 402920, Serbia
Scopus Author ID: 56031169500
E-mail: fejsam@gmail.com

Abstract

In the first part of the article the author describes the history of development of each of the existing variants of the Rusinian language: Lemko (in Poland), Presov (in Slovakia) and Transcarpathian (in Ukraine). The second part focuses on the South Rusinian variant, which is the Rusinian language spoken in Serbia and Croatia. The South Rusinian variant is characterized by a continuous development of the norm, which does not occur in the other variants of the Rusinian language. Gabriel Kostelnik, Mikola Kocsis and Julia Ramach, recognized philologists, experts in Rusinian studies, played a special role in the Rusinian language variants research.

Keywords: Rusinian language, Backa-Srem variant, Presov variant, Lemko variant, Transcarpathian variant, polycentric standardization, sociolinguistics, Rusins.

Єден з перших конкретних крокаў ґу кодифікаванню всеоблапного русинского языка представляю заключеня семинара о русинским языке, хтори отримани 1992. року. На нїм учасц попри домашнїх науковцох, фаховцох и културних роботнїкох учасц вжали и колеґове зоз Словацкей, Польскей, України, Югославиї, Мадярскей, ЗАД, Шведскей, Швайцарскей и Монака. О южнорусинскей вариянти бешедовали мр Гелена Медєши и автор тих шорикох. На семинару, хтори до историї вошел як Перши конгрєс русинского языка, учаснїки прилапели романшски модел. У складу з тим моделом прилапена и можлївосц же би ше розвивали штири русински норми – теди уж существуюца у Югославиї, такв. бачко-сримска, и же би ше кодифіковали ещи три: у Польскей такв. лемковска, у Словацкей такв. прешовска и у України такв. закарпатска. Принєшене и заключене же би ше норма творела у азбуки и же би ше базовала на живим язичним материялу зоз каждого реґиона. Було предклади и же би дальша робота на кодифікациї евентуално резултовала и зоз формованьом пиятей русинскей литературней норми – коинеа, условно поведзене русинского есперанта.

До єдней з найвєкших историйних хвилькох значних за кодифікацию русинского языка пришло 2004. року. Того року у реномованей кодифікацийней едициї Ополского универзитета, як штернаста по шоре, обявена моноґрафия пошвецена русинскому языку, як наймладшому славянскому языку. Перши у едициї сербски язык (1996), а шлїдза болгарски (1997),

русийски (1997), лужицкосербски (1998), чехски (1998), словацки (1998), словенски (1998), горватски (1998), билоруски (1998), македонски (1998), украински (1999), польски (2001) и кашубски (2001). Слово о монографіі *Русинський язык* главного редактора Пола Роберта Магочия (Magocsi 2004). У монографіі заступени штири варианти русинского языка.

Пресудну улогу за кодификацию бачко-сримскей варианти русинского языка мал Гавриіл Костельник, фундатор першого стандарту теј варианти русинского языка. Публиковане Костельниковей, иншак першей граматики бачко-сримскей варианти русинского языка под назву *Грамматика бачваньско-рускей бешеди* 1923. року од непреповедзеного значеня (Фейса 2004: 375). *Грамматика* Г. Костельника (обявена у Сримских Карловцох) уведла и утвердзела основни лексични, фонетични и граматични (морфологийни и синтаксични) норми и напрямки за творене словох. Од теј хвильки руски язык достава подполну целосц диференцијалних характеристикох литературного языка.

Гоч малочислени и без значних вязыох зоз своіма сонародніками зоз «старого краю», дзекуючи тому же су по приключеню Войводини гу новоствореней Кральовини Сербох, Горватох и Словенцох 1918. року припознати як меншина славянского походзенья, Руснаци зачували својо историйно-културне нашлїдство и розвили ше до того цо су нешка – до препознатлівого културного и национального идентитета, материялно и културно розвитши (язык, писмо, обичаї, способ живота, и т.д.) од своіх сонароднікох у «старим краю» (Хорњак 2006: 26).

По Другей шветовой войны, 1945. року, основана перша руска гимназия и Новинско-видавательства установа Руске слово у Руским Керестуре. У шлїдуюцих двох деценијох, зоз щедрим финансованьом од югославянскей влади вдерени фундаменти основношколскей и стредньошколскей системи. Завод за издаванє учебнікох основани 1965. року.

Кед Автономна Покраїна Войводина здобула звекшани самоуправни права по уставу зоз 1974. року, руски язык постал єдан зоз пейцох службених языкох АП Войводини. Перши раз оможлівене же би ше руски язык хасновал у суду, у канцеларийох, на явних надписох и т.д. Прекладательом за руски язык обезпечена работа у општинох дзе значне число припаднікох рускей националней меншини (Фейса 2010: 17).

Роботу на нормованю и преучованю мацеринского языка котру розпочал Костельник успишно предлужел Микола М. Кочиш, хтори ше зоз своім надзвичайним талантом зявел праве теди кед бул найпотребнейши. Вон написал понад 20 статі о рижних конкретних питаньох руского языка, але бул свидоми же треба кодификовац шицко цо остало недоведзене и, ведно з нормами котри створени дзекуючи Костельникови, формовац

нормативну систему за школски потреби, а познейше их преширец и на други сфери, у котрих ше литературни язык хаснуе. Так од 1965. по 1968. рок вишли три його ґраматики под назву *Мацерински язык*, у котрих не бул лем школски материял, але ришовани и важни нормативни питаня. Його *ґраматика руского языка I: Фонетика, морфолоґия, лексика* видрукowana посмертно 1974. року. Тота *ґраматика*, гоч и недокончена, винімно значна за розвой сучасного руского литературного языка. Окреме значне же Микола Кочиш публиковал перши *Правопис руского языка* (1971. року) и перши векши словник *Приручни терминологийни словник сербскогвратско-руско-українски* (1972. року) (Фейса 2004: 375-376).

Сноване Лектората за руски язык 1972. року, як и Катедри за руски язык и литературу 1981. року у Новим Садзе представя винімно значне збуванє за розвой русинистики.

1975. року зявюю ше перши роботи др Юлијана Рамача, хтори по нешка ма коло 100 роботи зоз линґвистики, од того коло 15 кнїжки. З тей нагоди видзеліме найзначнейши з нїх: *Лексика руского языка* (1983), *Фразеолоґийни словник: сербскогвратско-руски* (1987), *Словник лексики Гавриїла Костельника* (1991), *Практична стилистика* (1996), *Применовнїчки конструкції у руским литературним языку* (1998). Гу тому, др Юлијан Рамач виучуе шицки обласци руского языка. Уж спомнути Кочишово ґраматики не задоволели шицки потреби, та требало написац єдну подполнейшу ґраматику руского языка. Рамачова *ґраматика руского языка* вишла з друку 2002. року. *ґраматика руского языка* ше состої зоз шейсцох часцох: фонетики, морфолоґії, синтакси, лексиколоґії, историйней ґраматики и часци о нашим народним и литературним языку. Треба наглашиц же Рамач по перши раз детально обробел синтаксу и лексиколоґию, а з добрей часци и историйну ґраматику а и стилистику руского язык. Найвекша Рамачова заслуга у тим же доробел векшину зоз того, цо його предходнїки започали, преучел и тото цо вони не виучовали и же шицко систематизовал до *ґраматики*.

Док ше южнорусинска вариянта русинского языка у континуитету отримала у тедишней Югославиї, то не мож повесц за шицки други вариянти, односно за русински язык у цалє. Напроцив, русински язык на жридлу, у Карпатским ареалу, скоро штири децениї (1953-1989) у подполносци административно нестал.

Причина тому же 1950-х рокох, напр. у Словацкей преїг 300 русински школи административно, з поцагом пирка, претворени до украинских. Гркокатолїцка церква забранена. Русином / Руснацом не допушене ані же би ше вияшнели як Русини / Руснаци. Як резултат кратковидей язичней пракси и оштрого административного поцагу, зоз хторим уведзени

українски язык – цо шицко запроведзене у цеку найвекшей сталіністичней репресії – русинске / руске жительство реаговало так же свойо дзеци посилало до словацких школах до блізких варошох або так же вимагало виучоване словацкого языка место українского до своїх валалох (Magocsi 1996: 33). Сталінова политика фактично приведла по нестане карпатских Русинох у периодзе од штири децениї у цалим Карпатским ареалу. Шицки Русини, без винімка, третирани як Українци, а їх комплетне образоване и култура були виключно на українским языку – аж по пад Берлинского мура, односно по такв. Блишову революцию 1989. року.

Аж зоз розпадом коминтерновской язичней пракси, русинске язичне питане знова поставене. Русински културни активисти Чехословацкей, Польскей и України унапрямили ше на нову народну ориентацию, хтора насампредз подрозумйовала и кодификоване русинского языка. Значни прменки у Централней и Восточней Европи карпатским Русиним принесли будзене културного идентитету. Медзисобна свидомосц и блізиши контакти медзи Русинами у шицких державох Карпатского ареала неспорно помогли шицким карпатским Русиним у їх непрерывней борби же би прежили як народ. По 1989. року карпатски Русини ше евидентно дзвигли як Феникс зоз пирні, и мож заключиц же русинске питане не ришене на Сталінов способ.

Перши конгрес русинского языка порушал систематичну роботу на кодификації русинского языка на простору дакедишней Карпатскей Руси. У Словацкей ше почала твориц варианта русинского языка на основи двох найрозширенших бешедох: заходноземплинского и восточноземплинского. Уж шлїдуючого, 1993. року (Magocsi 2004: 110), Русини у Словацкей основали Институт русинского языка и култури у Прешове, а лем о два роки интензивней роботи створени предусловия за кодификацию. Василь Ябур и Юрий Панько составели *Правила русиньского правопису*, Юрий Панько обявел *Ортографичный словник русиньского языка* и *Русиньско-русько-українсько-словеньско-польскый словник лингвистичных терминив*, а Ян Гриб початніцу и читанку за основну школу. Тоти учебніки постали фундамент дії кодификації русинского языка у Словацкей, до хторого пришло 27. януара 1995. року у Братислави. Од тей хвильки тот вариант русинского языка постала литературни язык Русинох, хтори жию на подручю Словацкей Републики. Тот русински стандарт ше виучує у вецей основних школах сиверовосточней Словацкей и на Институту русинского языка и култури Института национальных студийох и странских языкох Прешовского университета.

Континуованих пробованьох давеня шицкого русинского / руского було, медзитим, и 1990-х рокох. Окреме треба визначиц же українски

власци, напр. 1996. року принесли инфамни план о «ришованю русинского питаня». У Плану наложене шицким українским оргάνизацией, як и членом Национальной академии наукох и уметносцох звонка граніцох України (у Словацкей и у Сербії насампредз), же би дали цо конкретнейше доприношене «розришеню русинского питаня» на способ, на яки то вимага дотични план, а яки ше може звесц на шлїдуюци два флоскули: 1. же Русиных нет як Русиных, але же вони субетнос українскей нації; 2. же язык Русиных и не язык, але диялект українского языка. Наводзиме 6., 8. и 9. член Плана мирох за ришене проблема питаня Русини-Українци:

Член 6. Плана глаши: «Реализовац школску систему-поступок зоз поступним широким розвиваньом етнічних, лингвистичних, културних и политичних аспектох исторії Русиных-Українцох Закарпат я як недзелївей, историйней часци українского етноса. Национална академия наукох України, Министерство образования України».

Член 8. Плана глаши: «Вибудовац систему идеологійней, кадровей и културней помоци українским и про-українским оргάνизацией у Восточней Словацкей, Мадярскей, Румунії, Югославії и Польскей у сфери своїх компетенційох. Министерство вонкашніх ділох України, Владов уряд за питаня национальных меншиных и емиграцию, Министерство култури и уметносци України, Министерство информования України, Дружтво Україна».

Член 9. Плана глаши: «На Закарпат ю обезпечиц масовну дистрибуцию информативних и пропагандних материялох у хторих ше найвекши акцент кладзе на тото же тот реґіон традиційно и историйно українска жем, а жителе України – состояйна и недзелїва часц українского народа. Министерство информования України, Рада за ТВ и радио України».

Гоч ше од 1953. року та по 1989. рок ніч подобне такому ґеноцидному, як цо ше случовало Русином у Советским Союзу не случовало ше Русином / Руснацом у Югославії / Сербії, з оглядом же вони без препреченьох з боку держави предлужели существовац и розвивац ше, тот план мал одгук и у Войводини. Мож го найяснейше замерковац у активносцох Союза Русиных Українцох (перше зоз и медзи тима двома национальними меншинами, а од Скупштини СРУ-а у Коцуре 2005. року и без «одиозного» и). Истого року кед принешени и ґеноцидни план, у Русини / Руснаци 1745-1995, у зборніку роботох зоз Медзинародней науковей конференції Приселене и живот Руснацох у Бачкей, Сриму и Славонії 1747-1995, отриманей у Новим Садзе 27-28. септембра 1995. року, волшебнo ше зявели констатації, хтори вообщє не були виповедзени на науковей конференції. То ше напр. одноши на текст учасніка Конференції Михайла Ковача (хтори ані не мал наукове званє), зоз

хторого видзелюєме його критизиранє «вельких приятельох нашого народу звонка» (думаючи ту на проф. др Александра Д. Дуличенка зоз Тартуского універзитета и академика Пола Р. Маґочия зоз Торонтского універзитета), хтори «прешли на нову драгу», и на «малючку гарсточку наших младих интелектуалцох, при хторих ше народзело сознанє о етнічней автономії у русин...» (претаргнуце думки направел М. Ковач; 1996: 203). Тоти «млади коло Дружтва за руски язык и видавательного предприяца Руске слово, свидомо або несвидомо, пошвидшую асиміляцію тей гарсточки нашого народу, хтора и иншак не преставала, але ю зоперали праве гевти нашо науковци хторим од початку було ясне нашо походзенє» (Ковач 1996: 201). Тоти, по Ковачови, «автономаше, хтори зоз богатим фондом позичених сербских словох, усвоєних и прилагодзених "духу руского языка" (хтори не українски), сцу буц окреми руски "народ". Же ше ту пробує предлужовац на тим новим курсу унапрямованя руского языка, требало би послужиц и друге, уж наявене "капиталне діло" *Сербско-русинскі словнік*» (Ковач 1996: 204).

Литературна форма лемковскєй вариянти русинского языка формовала ше у творох лемковских писательох, а медзи нїма найпознатши Иван Русенко (Фонтанські 2008: 129). Перши приручнїки, хтори публиковал Методий Трохановский – *Перша лемківска читанка* (1934) и *Буквар: перша книжечка для народних школ* (1935) – хасновани и у школах.

По Другей шветовой войни хаснованє лемковскєй вариянти русинского языка оґранічене, а тексти по лемковски обявйовани лем у часопису Здруженя Українцох у Польскєй *Наше Слово*. Виучованє лемковского языка у школах було забранєне.

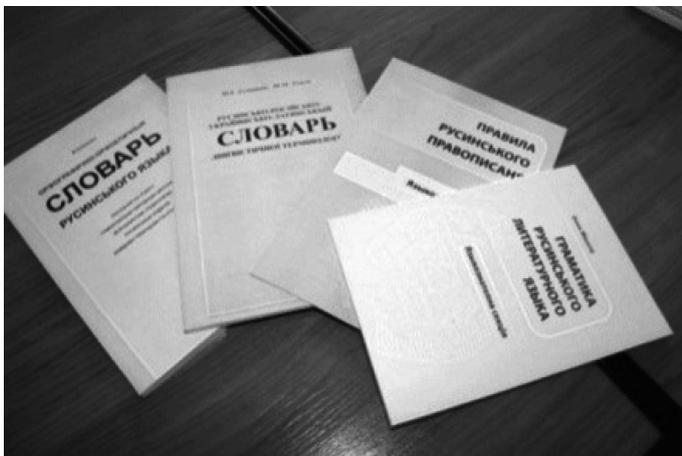
Аж 1989. року допущєне реґистрованє Стоваришиня Лемкох, хторе себе як основни циль поставело кодифікацію лемковского языка. Неодлуга поставени фундаменти нешкайшого стандарту, цо окреме зробєне 1992. року кед публиковани перши приручнїки (*Лемківскы буквы*) и ґраматики (*Перша ґраматика лемківского языка; Лемківска ґраматика для діти*) Мирослави Хомяк, хтори увєдзєни и до основней школи. Од того року под редакторством Петра Трохановского (Мурянки) почал виходзиц лемковски часопис *Бєсїда*, у рамикох хторого запровадзєни и даскельо видавательнї едиції (Ковач 1996).

За сучасни стандарт лемковскєй вариянти русинского языка найрелевантнєйши ґраматики Генрика Фонтанского и Мирослави Хомяк, хтори обявєни 2000. и 2004. року (*ґраматука јєзука лемковскиего*). У академским року 2001/2002. лемковски першираз у исторії увєдзєни до високого школства, односно на Педаґоґийну академию у Краковє, дзе отворєни студії русинскєй филології зоз лемковско-русинским

язиком. Студії пририхтую и квалификую филолог'ох, учитель'ох и преподаватель'ох лемковской варианти русинского языка за будучи генерациі у школах.

Блізши контакти и моцнейша свідомосц медзи Русинами у шицких државох Карпатского ареала, а окреме з Русинами у державох, у хторих их їх матични жеми припознали, неспорно помогли и Русином у України у їх борби прежиц як народ. И попри тим же по нешка Русини / Руснаци у України не припознати як национална меншина, але лем як субетнос українского народа, питаню нормованя русинского языка пошвечена значна увага. Закарпатска варианта русинского языка свою першу ґраматику достала 1997. року (*Материньскый язык: писемниця діла пудкарпатьскых Русинув*), хтору обявело Дружтво А. Духновича зоз Мукачева. Авторе ґраматики М. Алмаший, И. Керча, В. Молнар и С. Попович (Алмашій et al. 1997). З даскельо обявених ґраматикох у остатніх двох децениїох визначує ше, насампредз прето же є написана и за славистох и за анґлистох, двоязично, и ґраматика о. Димитрия Сидора (Сидор 2005). Як священїк о. Сидор окреме наглашує подобносци церковнославянского языка и закарпатскей варианти русинского языка.

Прешлого року Закарпатске обласне науково-вигледовацке общество Александра Духновича, то єст його Лингвистична секция, у рамикох хторей найвекше доприношенє дал Михайло Алмаший, порихтала комплет кодификацийних публикацийох хтори творя штири приручнїки – од правописа русинского языка закарпатскей варианти русинского языка, преїґ правописного словнїка по вещеїязични словнїк лингвистичнох терминох.

Того, 2015. року, у серпні, об'єднує її і його урядове кодифіковане у рамках програми Конгреса русинського мови у Прешові.

Прі невигідну державну політику у порядних школах русинський мови взагалі не може вивчатися. Єдину форму наставлення представляють недільні школи, які організують і самостійно фінансують русинські організації.

Як Русини Закарпаття, так і Русини у Швеції з радістю дочекали 3. липня 2012. року кед Парламент України вніс Закон о основах державної мовної політики. У Законі як єдиний з регіональних одноосібних мовних першорядних наведених і русинський мови. Же це той закон не тільки поважає ілюструє і впроваджує новий дата єдиної групи радників, які пропонували поправки на прийнятий закон о мовних. Меджі пропозиціями за внесення знаходився і пропозиція же би це русинський мови висували з 18 визнаних, регіональних мовних.

Найперше рішення за русинську мовну ситуацію було прийняте Першим мовним конгресом у Бардєйовських купальнях, по якому би русинський мови треба було планувати по моделі поліцентричної стандартизації. Прикметний *поліцентричний* упор робиться на значення розчленування на мовні шари, т.є. на вихідне деякого, інше єдиного з'явлення з мовних центрів. Практично, то значить же це до мовної політики і планування мови може у русинській мовній спільноті дійти лем през включення ширших соціокультурних шарів русинського мовного району до цієї спільноти. При знаходженні рішень би це мало впливати до огляду мови, результати і рішення до яких це прийшло у ширших русинських соціокультурних шарах, а тільки так і у Швеції, де модель поліцентричної мовної стандартизації не тільки рідкісний випадок. Будущість русинського мови у цілому побачимо тільки у поліцентричній стандартизації (Медєши 2008: 22-23), одноосібно у стандартизовані окремих варіантів, чийо це число у будущності, можливо у спільноті держави, годно зміниться.

У підсумку це складемо з Михалом Тиром, які з єдиної нагоди констатували же кожен з двох літературних варіантів русинського мови «результат діювання соціолінгвістичних факторів, же це медіоскопом розрізняють і же просто неможливо кодифікація єдиного русинського мови» (Тир 2010: 56).

Вигідна ситуація побачена і у тому же, це не тільки русинські центри знаходяться у Новім Саді, у Прешові (Словацька), Кракові (Польська), Сарваші (Угорська), Ужгороді (Україна) і Торонто (Канада), що робить це і

організоване числених медзинародних русинистичних проєктох. Науково-вигледовацки, як и шицки существуюци контакти медзи карпатскимима Русинами, вшеліяк же маю позитивни ефект на подзвиговане свідомости о націоналним идентитету и барз су хасновити за інтелектуални, културни, лингвістични и емотивни вязи.

ЛИТЕРАТУРА

Алмашій et al. 1997 - *Алмашій М., Керча И., Молнар В., Попович С.* Материнський язык: писемниця діла пудкарпатьських Русинув. Мукачово: Общество имени А. Духновича, 1997. 151 с.

Chomiak et al. 2004 - *Chomiak M., Fontanski H.* Gramatyka języka lemkowskiego. Warszawa: Rutenika, 2004. 185 с.

Фейса 2004 - *Фейса М.* Социолінгвістични аспект руского языка: Войводина // Русинський язык. Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej, 2004. С. 373-383.

Фейса 2010 - *Фейса М.* Нова Србија и њена русинска мањина / Нова Србија и ей руска меншина // The New Serbia And Its Ruthenian Minority. Нови Сад: Издавачка кућа Прометеј, Културно-просветно друштво ДОК, 2010. 152 с.

Фонтаньські 2008 - *Фонтаньські Г.* Кодифікація лемківського языка / Русини – Руснаци – Ruthenians (1745-2005) II. Нови Сад: Филозофски факултет, Одсек за русинистику, ИК Прометеј, КПД ДОК, Куцура, 2008. С. 135-139.

Хорњак 2006 - *Хорњак М.* Бачко-сремски Русини / Русини – Руснаци – Ruthenians (1745-2005) I. Нови Сад: ИК Прометеј, Филозофски факултет, Одсек за русинистику, КПД ДОК, 2006. С. 23-73.

Ковач 1996 - *Ковач М.* Попатрунки вельких приятельох Руснацох на руски язык / Руснаци – Русини 1745-1995. Нови Сад: Завод за уџбенике и наставна средства, Филозофски факултет, Катедра за русински језик и књижевност, 1996. С. 199-209.

Magocsi 1996 - *Magocsi P.R.* The Rusyn Language Question Revisited // A New Slavic Language Is Born. New York: Columbia University Press, 1996. Pp. 19-47.

Magocsi 2004 - *Magocsi P.R.* Русинський язык. Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej, 2004. 476 с.

Медѣши 2008 - *Медѣши Г.* Язык наш насущни. Нови Сад: Друштво за руски язык, литературу и культуру, 2008. 262 с.

Сидор 2005 - *Сидор Д.* Граматика русинського языка для русинѡв Украйины, Центральной Европы и Америки // Grammar of the Rusyn Language for the Rusyns of Ukraine, Central Europe and America. Ужгород: Межнародный

Карпатський Інститут, Кирило-Мефодієвська академія славянського просвіщення, Закарпатське подкарпато-русинське Общество имени Кирила и Мефодія, Соім Подкарпатських русинів, 2005. 312 с.

Тир 2010 - *Тир* М. Еуген Паулини о руским / русинским языку // *Studia Ruthenica* 15. Нови Сад: Дружтво за руски язык, литературу и культуру, 2010. С. 55-58.

REFERENCES

Almashiy, M., Kercha, I., Molnar, V. & Popovich, S. (1997) *Materin'skiy yazyk: pisemnitsya dila pudkarpat'skiykh Rusinuv* [Mother Tongue: Grammar for Subcarpathian Rusins]. Mukachovo: Obshchestvo imeni A. Dukhnovicha.

Chomiak, M. & Fontanski, H. (2004) *Gramatyka języka lemковского* [Grammar of the Lemko Language]. Warsaw: Rutenika.

Fejsa, M. (2004) *Sotsiolingvistichni aspekt ruskogo yazika: Voyvodina* [Sociolinguistic Aspect of the Rusinian Language: Vojvodina]. In: *Rusin'skiy yazyk* [The Rusinian Language]. Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej. pp. 373-383.

Fejsa, M. (2010) *Nova Srbija i њена rusinska тањина* [The New Serbia and Its Rusinian Minority]. Novi Sad: Izdavachka kuћа Prometej – Kulturno-prosvetno drushtvo DOK.

Fontan'ski, G. (2008) *Kodifikatsiya lemktivskogo yazyka* [Codification of the Lemko Language]. In: Fejsa, M. (ed.) *Rusini / Rusnaci / Ruthenians (1745-2005)* [Rusins / Rusnaks / Ruthenians (1745-2005)]. Novi Sad: Filozofski fakultet – Odsek za rusinistiku, IK Prometej, KPD DOK – Kutsura. pp. 135-139.

Khorn'ak, M. (2006) *Bachko-sremski Rusini* [Bachko-Srem Rusins]. In: Fejsa, M. (ed.) (2006) *Rusini / Rusnaci / Ruthenians (1745-2005)* [Rusins / Rusnaks / Ruthenians (1745-2005)]. Novi Sad: IK Prometej, Filozofski fakultet – Odsek za rusinistiku, KPD DOK. pp. 23-73.

Kovach, M. (1996) *Popatrunki vel'kikh priyatel'okh Rusnatsokh na ruski yazik*. In: *Rusnatsi – Rusini 1745–1995* [Rusnaks – Rusins 1745–1995]. Novi Sad: Zavod za uћbenike i nastavna sredstva, Filozofski fakultet. pp. 199-209.

Magocsi, P.R. (1996) *A New Slavic Language Is Born*. New York: Columbia University Press. pp. 19-47.

Magocsi, P.R. (2004) *Rusin'skiy yazyk* [The Rusinian Language]. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej.

Medeshi, G. (2008) *Yazyk nash nasushchni* [Our daily language]. Novi Sad: Druzhtvo za ruski yazik, literaturu i kulturu.

Sidor, D. (2005) Gramatika rusins'kogo yazyka dlya rusinôv Ukrayiny, tsentral'noï Evropi i Ameriki [Grammar of the Rusin Language for the Rusins of Ukraine, Central Europe and America]. Uzhgorod: International Carpathian Institute, Kirilo-Mefodievs'ka Akademiya Slavyans'kogo Prosvishcheniya, Zakarpats'koe podkarpato-rusins'koe Obshchestvo imeni Kirila i Mefodiya, Soym Podkarpats'kykh rusinôv.

Tir, M. (2010) Euren Paulini o ruskim / rusinskim yaziku [Eugen Paulini on the Rusinian / Rusin Language]. *Studia Ruthenica*. 15. Novi Sad: Druzhtvo za ruski yazyk, literaturu i kulturu. pp. 55-58.

Фејса Михајло – ванредни професор одсека за русинистику универзитета у Новим Садзе (Србија).

Фейса Михайло – екстраординарний професор одделення русинської філології Новосадського університета (Сербія).

Fejsa Mikhajlo – University of Novi Sad (Serbia).

E-mail: fejsam@gmail.com

УДК 81'272

UDC

DOI 10.17223/18572685/41/6

ЯЗЫКОВОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ: «КТО ТАКИЕ РУСИНЫ И НА КАКОЙ ИЗ ЯЗЫКОВ ПОХОЖ РУСИНСКИЙ ЯЗЫК?»

И.И. Бабенко, О.В. Орлова

Томский государственный педагогический университет

Россия, 634041, г. Томск, ул. Киевская, 60

E-mail: 1uchim.russkij@tspu.edu.ru

Авторское резюме

В статье на основе анализа интернет-дискурса исследуются особенности языкового конструирования национальной идентичности русинов по отношению к трем вариантам национального самоопределения: русскому, украинскому и русинскому. Обострение русско-украинских отношений, произошедшее вследствие событий 2014 г., стимулировало коммуникативную сетевую активность, изучение которой может стать ключом к современному состоянию общественного мнения по поводу идентификации и самоидентификации русинов. Этноним «русины» в разных контекстах отражает полярные этно-идентификационные статусы. Пользователи-русины считают себя: 1) самостоятельным этносом, не тождественным украинскому; 2) частью украинского этноса; 3) частью русского этноса; 4) истинными русскими, не тождественными современным русским, полагая свой язык и культуру более древними, исконными. Сложная и неоднозначная метаязыковая рефлексия в основном сфокусирована на проблеме «отстройки» от близкородственных языков и культур. Тема этнической идентификации русинов обсуждается в контексте острой полемики русских и украинцев, что эксплицируется в лейтмотивах *Незалежність* и *Русский мир*. Заявления русинов об этнической принадлежности являются средством демонстрации, в том числе своей общественно-политической позиции. Процесс становления национального самосознания семантизируется посредством смыслов противостояния глобализации и этноинтеграции, стремления создать лингвистическое и культурное ядро субэтноса, «отстройки» от полюсов силы – русского и украинского.

Ключевые слова: языковое конструирование, национальная идентичность, русины, интернет-дискурс.

LANGUAGE CONSTRUCTION OF NATIONAL IDENTITY IN THE INTERNET DISCOURSE: “WHO ARE THE RUSINS AND WHAT LANGUAGE IS RUSINIAN LIKE?”

I.I. Babenko, O.V. Orlova

Tomsk State Pedagogical University, 60 Kievskaya Street, Tomsk, 634041, Russia

E-mail: uchim.russkij@tspu.edu.ru

Abstract

On the basis of the analysis of Internet discourse, the article investigates the features of the linguistic construction of national identity of Rusins in relation to the three variants of self-determination: Russian,

Ukrainian and Rusinian. The aggravation of Russian-Ukrainian relations, which occurred as a result of the events in 2014, stimulated a communicative network activity, the study of which could be a key to the current state of public opinion regarding the identification and self-identification of Rusins. Ethnonym *Rusins* in different contexts reflects polar ethnic identity statuses. Rusins consider themselves as: 1) an independent ethnic group, not a Ukrainian identity; 2) a part of the Ukrainian ethnicity; 3) a part of the Russian ethnicity; 4) true Russians not identical to modern Russians, believing their language and culture more ancient, primordial. The complex and ambiguous metalinguistic reflection mainly focuses on the issue of "detuning" from closely related languages and cultures. The topic of Rusin ethnic identity is discussed in the context of sharp polemics of Russians and Ukrainians, which is explicated in the leitmotifs of independence and the Russian world. Rusins' statements about ethnicity are a means to demonstrate, in particular, the social and political position. The process of formation of national consciousness focuses in the senses of opposition to ethnic integration and globalization, the desire to create linguistic and cultural core of ethnicity, "detuning" from the power poles – Russian and Ukrainian.

Keywords: language construction, national identity, Rusins, Internet discourse.

Постановка проблемы, методика исследования. В научной полемике о категории этноса и этничности онтологическому подходу, утверждающему «этничность в качестве консервативной силы, которая сохраняет модели ментальности и поведения предыдущих поколений» (Грошева 2006: 104) наряду с незыблемостью связи языка и этничности, противостоит позиция конструктивистов. Последние полагают этничность социальным и интеллектуальным конструктом, доказывая, что «постоянное изменение национальных границ после двух мировых войн, распад СССР и Восточного блока в 1989-1991 гг. и признание субнациональных единиц в Западной Европе в 1990-х гг. способствовали четкому осознанию текучести и произвольности национальной идентичности» (Джозеф 2005: 21).

Авторы диссертационных и монографических русиноведческих исследований (Суляк 2006; Шевченко 2010; Миронов 2013) устанавливают факт особой русинской идентичности, альтернативной трем каноническим восточнославянским. Объективности ради стоит отметить, что данный вывод звучит с меньшей («...несмотря на существование нескольких вариантов идентификации, русины сохранились как особая восточнославянская этническая группа» (Миронов 2013: 16)) или большей («Становление четвертого восточнославянского народа с особой культурой, языком и системой ценностей обретает все более зримые контуры» (Шевченко 2010: 391)) категоричностью.

Современный научный дискурс об этнической и языковой идентификации русинов, в том числе указанных авторов, изобилует лексикой подчеркнутой процессуальности и незавершенности. Констатируются «нарастающие динамизм и активность», «неустойчивость и условность» (Шевченко 2010: 7) этнических процессов и категорий, в то время как

«выработка русинской национальной идеологии до сих пор до конца не завершена» (Миронов 2013: 15). Также «не окончена до сих пор начавшаяся в середине XIX в. научная полемика – является ли русинский язык отдельным языком, диалектом украинского или русского языка» (Суляк 2006: 17).

Как видим, ученые выделяют три исторически сложившихся версии национального и языкового самоопределения русинов: русскую, украинскую и русинскую (например, одна из глав монографии К.В. Шевченко называется «Русины в поисках идентичности: русофилы, украинофилы и русинофилы» (Шевченко 2010)). При этом конкурентная борьба данных версий всегда обострялась, а национальный вопрос максимально актуализировался именно в ситуациях социальных изменений, общественной мобилизации, обусловленных теми или иными политическими (по преимуществу – геополитическими) кризисами и трансформациями.

Кардинальные социально-политические перемены на постсоветском и постсоциалистическом пространстве 1990-х, а также значительное увеличение общественного внимания к вопросу этнического самосознания в 2000-е гг. стимулировали «начало нового русинского Возрождения» (Суляк 2005: 5) и широкое обсуждение русинской проблематики в медиа. Лингвисты фиксируют «резкое повышение количества контекстов, начиная с 2000 г., в сфере электронной коммуникации», что «свидетельствует о растущем интересе к проблематике русинства в российской блогосфере» (Резанова, Шиляев 2015: 239). Безусловно, обострение русско-украинских отношений, произошедшее вследствие событий 2014 г., также стимулировало сетевую активность, изучение которой может стать ключом к современному состоянию общественного мнения по поводу идентификации и самоидентификации русинов.

Что касается существующих методик изучения показаний этноязыкового сознания, то объективная реальность интернет-коммуникации, выведшая любую общественную дискуссию в открытый публичный доступ как в плане участия в ней, так и в плане приобщения, сняла методологическую проблему поиска релевантного материала (ранее в большинстве случаев показания языкового сознания намеренно стимулировались исследователем в ходе эксперимента). Принцип свободы и добровольности общения (инициации темы, комментирования, выбора партнера) делает интернет-контент максимально репрезентативным в плане естественности формы и содержания высказываний, касающихся острого и весьма болезненного национально-языкового вопроса, а также многократно интенсифицирует коммуникативно-интерпретационный и лингвокреативный потенциал языковой личности, способствует

свободной реализации ее когнитивных интенций и разнообразных мировидческих рефлексий. Сопровождающийся социокультурным комментарием лингвосемантический и контекстологический анализ интернет-полилога по русинскому вопросу позволяет реконструировать реально существующую диспозицию трех традиционных (русофильского, украинофильского и русинофильского) вариантов этнической идентификации русинов в условиях современных социально-политических вызовов.

Материал исследования. Материалом для анализа специфики национально-языкового самоопределения русинов стали объемные массивы комментариев под 6 публикациями в Интернете. Всего было рассмотрено более 50 интернет-страниц, из которых 7 прямо или косвенно посвящены вопросам самоопределения русинов и лемков (лемки – еще одно название русинов).

Отметим, что наиболее репрезентативными и яркими стали два источника. Во-первых, это обсуждения под видеоклипами на песню «Плине́ кáча по Тисіні...», или «Пливе́ кáча по Тисіні...», опубликованные на видеохостинге «YouTube». Один из этих роликов назван разместившим его 24.02.2013 г. пользователем неофициальным клипом на песню в исполнении украинской акапельной группы «Пікардійська терція» и представлен как посвящение «небесной сотне» (Пам'яті героїв небесної сотні), «український Реквієм» или плач украинской матери по сыновьям, погибшим во время подавления акций евромайдана. Данный ролик стал стимулом для более 2 000 комментариев участников интернет-коммуникации. Во-вторых, это клип, представляющий песню в исполнении женской украинской группы «Черемшина» и датированный 29.06.2013 г. (более 500 комментариев). Данный ролик озаглавлен нейтрально – Ukrainian folk song / Lemko culture, но тем не менее он собрал в ленте комментариев более 100 реплик, так или иначе посвященных вопросам этнокультурной, языковой и территориальной идентичности русинов.

Отметим, что в приводящихся в статье фрагментах интернет-сообщений сохранены стилистика, орфография и пунктуация их авторов.

Анализ материала. Тема этнического статуса русинов возникает в комментариях в связи с происхождением песни как ответ на вопрос «Кто поет?». Пользователь, разместивший клип, отвечает на заданный интернет-собеседником вопрос так: *Українська народна пісня зі Закарпаття (Тиса, Тисина – ріка на Закарпатті). На фото: культура лемків. Лемки заселяють Великоберезнянський (увесь район) і частково Перечинський райони Закарпатської області а також Надсяння Турківського району (вздовж р. Сян) Львівської області.* Как видим, говорящий исхо-

дит из тезиса о том, что лемки – это часть единого украинского этноса. Для большинства участников обсуждения эта реплика не является значимой, поскольку украинские комментаторы не сомневаются в ее достоверности, тогда как сами лемки-русины могут не соглашаться с этой точкой зрения и утверждают свой особый этнический, лингвокультурологический и территориальный статус.

Несмотря на то что общая тональность комментариев крайне негативная в связи со сложными российско-украинскими отношениями последнего года, обсуждение происхождения песни лемков проходит довольно спокойно, например оцениваются ее мелодичность и проникновенность (*лемківські пісні усі мелодійні та ліричні! / пронизує, дякую. вітання всім в кому тече лемківська «ртуть».* / *В мене не лемківська «ртуть» а звичайна)), але це моя найулюбленіша пісня з фольку !!! / Скільки не слухаю цю лемківську пісню, стільки сльози душать / Эта песня русинского эпоса, лемок. А его обитателей называли рутенами, русинами, русами и русскими) или высказывается сомнение в том, что песня принадлежит культуре лемков (*Тисина пишеться з великої букви. То річка Тиса. І пісня не лемківська. Тиса не тече через Лемковину / То не лемківська пісня, лем пісня з Пудкарпатя. В нас Лемків она нияк незнана.*).*

Эмоциональная тональность и категоричность суждений резко усиливаются, когда в дискуссию вступают апологеты полярных представлений о статусе русинов в современном славянском мире. Русинофилы могут быть как русофобами, так и украинофобами, стремясь дистанцироваться от русского или украинского этноса как государствообразующих полюсов силы и доказать состоятельность, самостоятельность территориального, лингвистического и культурного ядра субэтноса русинов.

Разнообразие представлений об этнической природе русинов наиболее ярко отражено в следующем полилоге. Первый автор утверждает, что русинами назывались украинцы, второй опровергает обоснованность этого, но не идентифицирует русинов с русскими, третий усиливает точку зрения первого, противопоставляя русинов русским на основании своих представлений об историческом и территориальном конфликте славянских народов. Содержательный конфликт подкрепляется графически благодаря переключению языковых и графических регистров: украинскую кириллицу использует первый участник полилога, утверждающий, что русины – это украинцы, русскую кириллицу – второй, не отождествляющий русинов с русскими, но пишущий об их особом этническом статусе, наконец, латиницу использует третий участник спора, называющий себя русином, представителем одного из украинских этносов.

1) *Ukrainci kolis nazivalisi Rusinami, yak i v Centralnij Ukraini tak i v Zahidniy...*

2) Вы в курсе, что окраинные называют себя русинами, а нас – москo-витами???? Мы уже устали им говорить, что Русины это отдельный самобытный народ Закарпатья, как раз притесняемый окраинным сбродом. Почему мы – РУССКИЕ, знаем о существовании Русинов а укры нет?

3) *Dosta, Ja est rusyn i e ukrainec. Ne treba nam ukazuvaty, to e vrazhy po-myshljane. Moskale vygnaly nasha deda s rodnov zemja. A tepera glagola pro nasha nacija. Piklujtesja pro svoj narid, a my sobi damo radu.*

В рамках другого полилога получает развитие конфликт представлений о роли и месте русинов в противостоянии *Русского мира* и идей *Незалежності України*. Например, один из комментаторов отмечает, что семья его отца была лемками из села Брезова и пишет: *Лемки за мир на Украине, но против антирусского курса нынешних хозяев Украины. Многие из наших сгнули в австрийских лагерях за идею Общего Русского Мира... Отрыв Украины от Русского Мира – ослабление нашего мира и верная смерть самой Украине*. Последовавшая за этой репликой ветвь обсуждения ярко демонстрирует актуальность и остроту подобного рода заявлений. Сравним, что пишут участники полилога:

– *моя бабця і дід були лемками. і ніколи вони не називали себе росіянами, русинами так, але не росіянами. і не мішайте свій російській мир до лемків.*

– *І якщо ви такий лемок, то може, напишете хоча б пару слів по-лемківськи. Хвіст собачий ви, а не лемок.*

– *Ты не знаешь кто такие руснаки молчи лучше.*

– *Знищений український нарід, лемки.*

– *Лемки, руснаки – не украинцы запоматай це вже.*

– *Ага! І галичани не українці, і подоляни, і бойки, і лемки, і т.д. всі супер самодостатня нація зі своєю унікальною мовою! Але всі українці, бо корені єдині і одні!*

Лемки, это русины – всегда считали себя частью русского мира, точно так считает и население Донбасса.

Пользователь, чья реплика инициировала острую дискуссию, завершил свое участие в ней следующим суждением: *Не россиянами, но русскими. Речь идет не о России, а о Русском Мире восточных славян от Карпат до Камчатки...*

Очевидно, что все участники этого полилога позиционируют себя лемками или русинами, хотя и подозревают друг друга в имитации этнической принадлежности и подчеркивают свою этническую аутентичность. При этом русины – сторонники идеи Русского мира пишут по-русски, а русины – сторонники украинского происхождения этноса называют себя лемками и пишут по-украински, что подчеркивает и усиливает остроту

конфликта и поляризацию представлений не только этнических, но прежде всего общественно-политических.

Музыкальный клип становится мощным катализатором околонучных споров, и невинный, на первый взгляд, вопрос: *Лемки – это русины?* – вызывает острую лингвокультурологическую дискуссию, актуализирующую этноязыковые представления как собственно русинов, так и окружающих их этносов. Коротко представим наиболее содержательные реплики:

– *Лемкови́на – українська етнічна територія, на якій здавна проживала етнографічна група українців – лемки.*

– *Західна Україна на картах деяких значиться як Червона Русь! В більшій мірі – Галичина. Тому русинами тут називали усіх українців. В Тернополі є центральна вулиця Руська, але аж ні як не російська. Це черговий раз підтверджує те, що вкрали слово «Русь» у нас.*

– *Стара назва українців, що поступово відмерла у зв'язку із зникненням держави Русь. У середньовіччі назва русин була розповсюджена на більшій частині сучасної України. Най пізніше вона відмерла у західній частині України. Не стало Руси не стало і русинів. Хоча сучасна назва держави – Україна, була відома у дуже давні часи і походить від слов'янського слова КРАЇНА. Ця назва природньо була для тих хто жив у рідному КРАЇ. «Край мій рідний край» – слова відомої української пісні. Країна в перекладі на російську мову – СТРАНА.*

– *вы знаете, я сначала не собиралась отвечать вам, но все же потом передумала. Ну скажите, неужели вам не осточертело жить в искусственно выдуманной ненависти к русским? Я – украинка и, чтобы вы не думали, что вам это пишет какой-то «москаль», перейду на украинский. Для чего все перекручувати? Назву вкрали... Ніхто її не крав. Це була колись єдина країна і тому вся територія, що входила в неї, називалась Руссю. До якої країни могла відноситись Москва, якщо її заснував київський князь Юрій Долгорукий? КИЇВСЬКИЙ князь заснував. Куди мали входити Новгород та інші міста, в яких княжили сини і племінники київських князів? Це все була Русь.*

Далее следует обсуждение разных аспектов названия и самоназвания лемков и русинов на русском и украинском языках, иногда – с переключением в пределах одной реплики языковых графических регистров. Участники продолжительной дискуссии (более 40 реплик в обсуждении, продолжавшемся полгода) вспоминают ряд исторических персонажей в связи с разными сюжетами общей истории, называя Юрия Долгорукова, Петра I, Екатерину Великую; цитируют или вольно интерпретируют летописи и исторические труды Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, В.Г. Белинского, М.С. Грушевского, лингвистические изыскания М.В. Ломоносова, В.И. Даля, И.С. Улуханова и др.

Оппоненты не только апеллируют к авторитетам, но и порождают собственные версии исторических и культурных перипетий, вызвавших появление этнонима *русины*. Например, следующий участник дискуссии доказывает этимологию этого слова, близкую к наивной: *Русский і русин відрізняються так само як румун і римлянин, як француз і франк. Як сучасні французи і румуни перейняли назву у своїх завойовників так і руськіє, що були під владою русинів, себе стали називати як руськіє але не русинами. Франки – германське плем'я завойовало Галлію і гали перейняли цю назву, змінивши на французи але не франки, таке ж сталося і з валлахами – сучасні румуни. Бувші франки стали дойчами, римляни стали італійцями ну а русини стали українцями.* Логика этого высказывания замысловата и сводится к тому, что русины как праславянский этнос завоевали некий народ, который затем назвался русским, а собственно русины после этого стали называться украинцами. Еще один заинтересованный участник полилога вместо реплики цитирует квазиэнциклопедическое описание происхождения русинов: *Мы живем в 3 тысячелетии и несмотря на грубую денационализацию и попытки в течении сотни лет полностью ассимилировать русинов, русины все же сохранились как своеобразный славянский этнос. ...Подкарпатская Русь – отцовская и материнская земля всех русинов мира. До 1946 года национальность русин существовала... Произошло народное возрождение и признание русинов во всех странах где они проживают кроме их материнской где их проживает наибольшее – Украине. Тем не менее историческая память русинского народа Подкарпатья живет по своим законам. Русины отличаются от украинцев способом хозяйствования, стилем жизни, большими отличиями в речи, обычаями и традициями. Язык русинов. Наш язык развивался рядом с языками соседних народов и от этого он стал еще богаче. Язык по выразительности не уступает французскому, английскому, немецкому, русскому, не говоря уже о языке намного беднее украинском...*

Очевидно, что участники этнолингвистического паранаучного спора, обвиняя друг друга в некомпетентности и мракобесии, яростно отстаивают свои позиции и используют данную дискуссию как повод заявить о собственных взглядах на историю русинов и высказаться о современных этнополитических конфликтах и разногласиях на территории Восточной Европы.

Этой же цели служат многочисленные комментарии к другим публикациям. Например, на платформе сервиса онлайн-дневников «Живой журнал» при обсуждении истории русинов находим многочисленные реплики, авторы которых утверждают равный статус русинов в ряду славянских народов: *И Украинцы, и Белорусы, и Русские, и Русины – единое целое, родные братья. / Русины, малорусы, белорусы, великорусы.*

*Корень один – Рус. Танцы практически одни, язык тоже, с включением иностранных слов соседник племен-местный диалект. / Славяне – это русские, белорусы, сербы, русины, чехи, черногорцы. / Малороссы, Белорусы, Великороссы, Русины, Сербы, Болгары и другие белые Народы, которые себя считают Славянами это один Народ... В некоторых комментариях русские исключаются из списка славянских народов и называются финно-угорскими племенами, например: *есть мокша, ися, мордва, чудь, ямь и тд – предки всех московитов... есть славяне – из которых пошли все славянские народы – болгары и московиты к ним не относятся!* / історію русинів ми знаємо, і мокша, і мордва до неї не мають ніякого відношення.*

Выводы. Таким образом, смоделированный нами актуальный коллективный ответ интернет-коммуникантов на вынесенный в заглавие статьи вопрос пользователя сервиса «ОТВЕТЫ@mail.ru»: «*Кто такие русины и на какой из языков похож русинский язык?*», с одной стороны, подтверждает выводы исследователей о незавершенности процесса этнического самоопределения русинов и сохраняющейся неопределенности самоотождествления в триаде *русский, украинский, русинский*, а с другой – свидетельствует об обусловленном политическими причинами росте конфликтности и конфликтогенности интернет-дискурса о русинах.

Этноним *русины* в разных контекстах отражает полярные этноидентификационные статусы языковой личности. Кроме традиционных позиций идентификации с русским, украинским или самостоятельным русинским этносом, наблюдается еще одна, подчеркнута русинофильская, когда пишущие считают себя истинными русскими, не тождественными современным русским, полагая свои язык и культуру более древними, исконными. Сложная и неоднозначная метаязыковая рефлексия в основном сфокусирована на проблеме «отстройки» от близкородственных языков и культур.

Тема этнической идентификации русинов обсуждается в контексте острой полемики русских и украинцев. Все участники виртуальных дебатов, заявляя о своих представлениях о происхождении этнонима *русин*, о степени самодостаточности этноса, формулируют и собственную общественно-политическую позицию по отношению к понятиям Русского мира и Незалежної України, трактуемым как полярные и противоположенные.

Увеличение градуса конфликтности интернет-обсуждений русинской тематики приводит к смещению общего аксиологического фокуса дискурса от позитивного к негативному. При определении этнического статуса русинов вместо доминирующих ранее русино-, русо- и украинофильской мировоззренческих установок коммуниканты демонстрируют, в порядке убывания значимости, русинофильскую, русобобфскую и украинофобскую.

ЛИТЕРАТУРА

Грошева 2006 - *Грошева Г.В.* Категории этноса и этничности в современном научном дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 1. С. 104-110.

Джозеф 2005 - *Джозеф Д.* Язык и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4. С. 20-48.

Миронов 2013 - *Миронов Г.Ю.* Исторический аспект проблемы идентификации русинского этнокультурного сообщества: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2013. 26 с.

Резанова, Шиляев 2015 - *Резанова З.И., Шиляев К.С.* Этнонимы «русин», «русинский» в русской речи: корпусное исследование // Русин. 2015. № 1 (39). С. 239-255.

Суляк 2005 - *Суляк С.Г.* Вступительное слово // Русин. 2005. № 1 (39). С. 5-6.

Суляк 2006 - *Суляк С.Г.* Русины Молдавии: основные этапы этнической истории: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 34 с.

Шевченко 2010 - *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. М.: Издательский дом «Регнум», 2010. 414 с.

REFERENCES

Grosheva, G.V. (2006) Categories of ethnos and ethnicity in modern scientific discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 1 (52). pp. 104-110.

Joseph, J. (2005) Jazyk i nacional'naja identichnost' [The Language and National Identity]. *Logos*. 1. pp. 20-48.

Mironov, G.Yu. (2013) *Istoricheskij aspekt problemy identifikacii rusinskogo etnokul'turnogo soobshhestva* [The historical aspect of the problem of identification of the Rusinian ethnic and cultural communities]. Abstract of History Cand. Diss. Rostov-on-Don.

Rezanova, Z.I. & Shilyaev, K.S. (2015) Ethnonyms “Rusin” and “Rusinian” in Russian discourse: a corpus study. *Rusin*. 1 (39). pp. 239-255.

Sulyak, S.G. (2005) Vstupitel'noe slovo [The opening speech]. *Rusin*. 1. pp. 5-6.

Sulyak, S.G. (2006) *Rusiny Moldavii: osnovnye etapy etnicheskoj istorii* [The Rusins of Moldova: basic stages of ethnic history]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

Shevchenko, K.V. (2010) *Slavyanskaya Atlantida: Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX – pervoy polovine XX vv.* [The Slavic Atlantis: Carpathian Rusins and Russia in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Regnum.

Бабенко Иннеса Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и методики обучения русскому языку и литературе Томского государственного педагогического университета.

Babenco Innesa – Tomsk State Pedagogical University (Russia).

E-mail: uchim.russkij@tspu.edu.ru

Орлова Ольга Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и методики обучения русскому языку и литературе Томского государственного педагогического университета.

Orlova Olga – Tomsk State Pedagogical University (Russia).

E-mail: uchim.russkij@tspu.edu.ru

УДК 811.161.1, 316.775, 81'42

UDC

DOI 10.17223/18572685/41/7

СЛАВЯНСКИЙ КОМПОНЕНТ В САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЖИТЕЛЯ СИБИРИ*

Т.А. Демешкина

Томский государственный университет, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: demeta@rambler.ru

Авторское резюме

В статье представлен материал, отражающий результаты процесса идентификации и самоидентификации в разных дискурсивных практиках. В качестве основного материала использованы речевые свидетельства сибирских старожилов об осознании их принадлежности к славянскому этносу (русскому) и одновременно о принадлежности к особой субэтнической группе сибиряков, выделяемой на фоне сопоставления с новоселами и коренным населением Сибири тюркского и финно-угорского происхождения. Анализу подверглись случаи актуализации лексемы *сибиряк* и однокоренных с нею лексем, а также абсолютные синонимы (*чалдон*, *чалдонка*), именующие русского сибирского старожила. Полученные результаты анализа были сопоставлены с данными Национального корпуса русского языка, которые отражают функционирование названных лексем в художественных и публицистических текстах. Сравнительный анализ показал, что осознание сибирской идентичности осуществляется по разным основаниям и признакам. Такими признаками являются географический, этнографический, антропологический, лингвистический, ментально-психологический, аксиологический. Актуализация этих признаков осуществляется по-разному в различных типах дискурсов. В диалектном дискурсе на первый план выдвигаются топонимический, этнокультурный, лингвистический аспекты семантики исследуемых лексем. В художественной и публицистической литературе в зону осмысления попадают аксиологический и ментально-психологический компоненты.

Ключевые слова: самоидентификация, славянский, сибиряк, сибирский, коммуникация, диалектный дискурс, русский старожильский говор.

TRAITS OF THE SLAVIC IDENTITY IN THE SELF-IDENTIFICATION OF A SIBERIAN NATIVE**

T.A. Demeshkina

Tomsk State University, 36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: demeta@rambler.ru

Abstract

The article contains the material demonstrating results of the identification and self-identification processes in different discourse practices. As the basic source, the author uses the speech evidence of Siberian long-term residents on understanding their belonging to the Slavic ethnos (the Russian one) and

* Работа выполнена в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

** This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

at the same time to a special subethnic Siberian group outlined against new occupants and natives of the Turkic and Finno-Ugric origin. The actualization of the lexeme *sibiryak* ('a Siberian') and single-rooted lexemes as well as its absolute synonyms (*chaldon*, *chaldonka*) naming a Russian Siberian old-timer has been analyzed. The results of the analysis have been compared with the data from the Russian National Corpus; they demonstrate functioning of these lexemes in literary and publicistic texts. The comparative analysis has shown that understanding the Siberian identity happens according to different reasons and features. These features include geographical, ethnographic, anthropological, linguistic, axiological, mental and psychological ones. The actualization of the features is different in different discourse types. In the dialectal discourse toponymical, ethnocultural and linguistic aspects of the lexeme semantics are most significant. In literary and publicistic literature axiological, mental and psychological components are expressed.

Keywords: self-identification, Slavic, *sibiryak*, Siberian, communication, dialectal discourse, Russian old-timers' subdialect.

Постановка проблемы. Проблема поиска национальной идентичности и самоидентичности находится в русле актуальных направлений гуманитарных исследований. В рамках данной проблематики выделяются работы, посвященные изучению возможности формирования новых субэтнических групп и даже новых национальностей.

Потребность в самоопределении возникает у жителей больших территорий, заселяемых представителями разных национальностей и вступающих во взаимодействие друг с другом, а также народов, оказавшихся в результате сложных исторических процессов разрозненными и проживающими на территориях разных государств. Ярким примером, демонстрирующим вторую тенденцию, является этническая история русинов (Суляк 2004, 2009). При исследовании национальной идентичности ученые опираются на факты языка как на одну из форм, отражающих и конструирующих национальную ментальность. Так, на страницах журнала «Русин» публикуются статьи, в которых язык русинов анализируется в историческом, сопоставительном, лексикографическом, антропологическом и других аспектах (Ябур, Плешакова 2005; Резанова, Шиляев 2015).

Исследования, связанные с историей русинов, направлены на выявление и сохранение древней основы (исторической памяти), объединяющей русинов, проживающих в разных местах. Исследования сибирской идентичности имеют противоположный вектор и направлены на выявление причин и механизмов, способствующих формированию нового субэтноса в условиях освоения единого обширного пространства.

Проблема изучения сибирской идентичности имеет длительную историю, истоки которой восходят к концу XVII в. (Бороноев 2010: 81), когда у русских старожилов возникло понятие «сибирство», а окончательное формирование сибирской идентичности датируется

XIX в. и обусловлено во многом ростом старожилов-сибиряков. В исторических трудах часто приводится высказывание А.П. Щапова, отмечавшего, что «в Сибири, вследствие скрещивания славяно-русского племени и других разноплеменных выходцев из России с сибирско-азиатскими племенами, мало-помалу слагается своеобразная однородная масса населения, не удерживающая в одинаковой степени признаков ни чисто славянско-русской расы, ни чисто азиатских племен» (цит. по: Бороноев 2010: 83). О новой «сибирско-русской народности» писал и Н.М. Ядринцев, один из участников общественного движения «Сибирские областники».

В этнографическом, историческом, этносоциальном и других аспектах исследуется проблема сибирской идентичности сотрудниками Сибирского отделения Российской академии наук (см. напр.: Попков 2002; Марков 2003; Мамсик 2004 и др.).

Широкий резонанс в медийной сфере получили результаты проекта новосибирских социологов (Ечевская, Анисимова 2012). Симптоматично, что названия статей, посвященных исследованию проблем сибирской идентичности, сформулированы в форме вопроса, что свидетельствует о поисковом (постановочном) характере проблемы (см., напр., статьи М. Жигуновой «Сибиряк как новая национальность: миф или реальность?» (Жигунова 2011), М. Васехи «Кто такой “сибиряк”: что такое сибирская идентичность» (Васеха 2014)).

Проблема региональной идентичности не может получить своего решения без привлечения фактов языка, являющегося маркером этнокультурной идентичности. Объект исследования в предлагаемой статье – лексемы *сибиряк*, *сибирский* и другие именованья сибиряков, актуализованные в русских старожильческих говорах Среднего Приобья. В задачи данной статьи входит анализ того, какое место занимает славянская составляющая при самоидентификации жителя Сибири, а также формы и способы отражения в языке сибирской идентичности. Основные вопросы, которые решаются в рамках данной статьи: отражает ли язык особую ментальность жителя Сибири? Какими смыслами нагружены лексемы *сибиряк*, *сибирский* в разных типах дискурсов? Анализу подвергается только номинативная лексика как наиболее репрезентативная. Не анализируются косвенные и скрытые формы идентификации.

В лингвистическом аспекте сибирская идентичность осмыслялась в рамках исследования категории «свое» – «чужое» на материале русских старожильческих говоров Среднего Приобья (Серебренникова 2004). Из последних работ, посвященных проблеме идентичности, назовем

монографию М.А. Лаппо, которая разграничивает понятия идентичности, идентификации, самоидентификации (Лаппо 2013).

Методы анализа, материалы и источники. Применение методов исследования определяется характером материала, привлекаемого для решения поставленной проблемы. Основным источником материала являются записи диалектной речи, полученные в ходе диалектологических экспедиций сотрудниками кафедры русского языка Томского государственного университета, проводимых с 1946 г. по настоящее время. Материалы отражают речь жителей Среднего Приобья – носителей русского старожильческого говора Сибири. В качестве источников использованы также материалы картотек, содержащие высказывания, в которых актуализованы исследуемые лексические единицы. Картотеки хранятся в лаборатории общей и диалектной лексикографии Томского государственного университета, наиболее крупными из которых являются: 1) картотека «Среднеобского диалектного дифференциального словаря», насчитывающая 87 746 карточек; 2) картотека «Мотивационного диалектного словаря», включающая более 80 тыс. карточек; 3) картотека «Полного словаря сибирского говора» – 60 169 карточек; 4) картотека «Полного словаря диалектной языковой личности» – более 100 тыс. карточек.

Из опубликованных источников использованы диалектные словари, составленные томскими диалектологами и дающие возможность проанализировать лексикографическое описание лексем, содержащих в структуре лексического значения этнический или региональный компонент.

Обращение к речи сибирских старожилов мотивировано тем, что, по утверждению историков, впервые «понятие “сибирство” возникло именно у старожильцев-русских, а затем затронуло и индигенные народы» (Бороноев 2010: 81). Лингвистическим аргументом в пользу репрезентативности источника служит наличие старожильческого говора Сибири, сохранившего свою материнскую основу. Впервые «сибирское наречие» было выделено в середине XIX в. В.И. Далем наряду с московским, новгородским и другими. Им же была зафиксирована лексема *сибиряк* в значении «житель, уроженец Сибири» в «Толковом словаре» (Даль 1998). Терминологический статус словосочетания «старожильческий говор Сибири» был обоснован О.И. Блиновой в 1971 г. с опорой на совокупность общих фонетико-грамматических и лексико-фразеологических черт, характеризующих речь стародавнего населения Сибири, и противопоставлен говорам «новоселов», поздних переселенцев, сохранивших прежний диалектный тип (Блинова 2006: 46-47).

В качестве дополнительного материала привлечен материал Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) 2015) с целью выявления

общности и различия в осмыслении разных аспектов семантики анализируемых лексем в различных дискурсивных практиках. Полученные результаты были сопоставлены с данными социологических и социолингвистических опросов, проведенных среди городского населения и представленных в статьях исследователей Сибири. Цель такого сопоставления заключается в том, чтобы выявить общность и различие компонентов самоидентификации в обыденном сознании разных социальных групп. Включение в процесс анализа данных НКРЯ, отражающих взгляд на сибиряков «со стороны», обуславливает необходимость разграничения понятий самоидентификации и идентификации. Самоидентификацию мы понимаем как «не только процесс поиска, формирования идентичности (конструирование), но и маркирование своей – уже найденной или только становящейся – идентичности в целях ее сохранения» (Лаппо 2013: 17).

Основным методом исследования является метод научного описания, включающий приемы контекстуального анализа, компонентного анализа, количественных подсчетов, прием сопоставления, социолингвистического комментария. В работе использованы также элементы дискурсивного анализа. Обращение к метатекстам необходимо для того, чтобы проанализировать отражение самоидентификации на уровне обыденного языкового сознания сибирских старожилов.

В зону нашего внимания включены факты языка, отражающие групповой и индивидуальный типы идентичности (Эриксон 1996), включающие оппозиции «я, мы – он (они), другой, другие», отраженные в языковых формулах «Я не X, а У». Анализируются также контексты, в которых идентичность осмысляется без противопоставления себя (своей группы) другим.

«Знаки славянского мира» в старожильческом говоре Сибири.

В среднеобских говорах не фиксируется указание на принадлежность к славянскому этносу в целом. Лексема *славянский* зафиксирована лишь в двух случаях в «Вершининском словаре» в значении наречия «по-славянски, по-славянскому» с толкованием «на церковнославянском языке»: *По-русскому, по-славянскому; По-славянски ли цё ли там (читают над покойником)* (Вершининский словарь 2002).

Вместе с тем встречаются контексты, в которых содержится упоминание о поляках и украинцах, что объяснимо количественным составом представителей названных национальностей. Контексты дают возможность судить о присутствии славянских народов на территории Сибири и контактах с ними: *А кто-то говорил, гыт. Нонче. Это Катя украинка-то, хохлуша. Она, гыт, стара против его* (Полный словарь диалектной 2012). *Когда их эвакуировали из Польши, они все здесь, в Батурино жили,*

поляков-то много было (Полный словарь диалектной 2012). *Старик польчок, с польской границы лечил* (Вершининский словарь 2002). В говоре функционируют лексемы *полька* с общерусской омонимичной семантикой «быстрый по темпу танец, а также музыка к этому танцу» (*И польку играли, плясали, и метелицу каку-то-чѣ, всяко*) и в значении «мужская стрижка» (*Занавески редки-редки, Теперь знаю у кого, Русы волосы под польку У матани моего*) (частушка). В собственно диалектном значении зафиксировано название растения «польской лук»: *Польской лук есть, как лук растет, такой же* (Вершининский словарь 2002). Единичные контексты содержат информацию о представителях других славянских государств: *А тут чехославыки начали безобразничать* (Мотивационный диалектный словарь 1983). Наибольшую частотность по сравнению с именованиями представителей других славянских народов, как и следовало ожидать, приобретает именование русских. Так, в Вершининском словаре субстантивированное прилагательное в форме множественного числа *русские*, а также *русский, русская* имеет 38 актуализаций: *Вперед русских они /татары/ жили. Перво-то русских – семь дворов было*.

Предметом отдельного исследования может стать собственно диалектная лексика, общая с другими славянскими языками. Так, *самоуком* фиксируется в болгарском языке. Лексико-семантический вариант значения *вонять* (пахнуть) объединяет среднеобские говоры, в частности с чешским языком.

Анализ диалектного дискурса. Формирование сибирской идентичности обусловлено несколькими факторами: территориальной удаленностью от европейской части России, суровыми климатическими условиями, обширными, труднопроходимыми пространствами тайги, болотами, многонациональным и многоконфессиональным составом населения. Сравним с перечисленными признаками определение понятия *нация* в «Этнопсихологическом словаре», где под нацией понимается «большая социальная группа, исторически возникающий тип этноса, представляющий собой определенную общность людей, характеризующуюся единством территории, тесными экономическими связями людей, общностью языка, культуры, черт психического склада» (Крысько 1999). Как свидетельствует определение, большая часть признаков совпадает с факторами формирования сибирской идентичности.

Осознание названных факторов демонстрируют записи диалектной речи, свидетельствующие о том, что старожилы стремятся подчеркнуть свою непохожесть на жителей европейской части России и в то же время осознают собственную славянскую (русскую) составляющую в сравнении с тюркоязычным населением Сибири.

Анализ вхождений лексем *сибиряк (чалдон), сибирский, по-сибирски* в диалектный дискурс выявил актуализацию разных аспектов лексической семантики данных лексем.

1. Топонимический аспект семантики. Топонимический компонент, отраженный в толковании словарных значений, подтверждается и многочисленными контекстами, в которых *сибиряк* занимает позицию однородного члена в структурах с семантикой противопоставления. Вторым членом этого ряда является наименование жителей определенной области европейской части России (губернии). В контекстах отражена также оппозиция «старожилы-новоселы»: *Раньше жили коренные сибиряки, а потом приехали пермяки* (Мотивационный диалектный словарь 1983). Встречаются контексты, свидетельствующие об осознании неоднородности сибирского населения, живущего в разных климатических зонах: *Тундра – это по Север, все они люди – северяки. А мы – сибиряки* (Мотивационный диалектный словарь 1983).

2. Этнический, этнографический (этнокультурный) компонент семантики лексемы *сибиряк* актуализуется в высказываниях, содержащих информацию о представителях других этносов, в том числе славянских. Идентификация по этническому принципу осуществляется путем саморефлексии, а также посредством обращения к национальности своих родителей, к истории своей семьи. Отмечена актуализация трехчленной оппозиции «поляк – сибирский – русский»: *Отец у меня с Саратова – поляк, мать сибирска. И я уж теперь русска*. Факт личной самоидентификации отражается и в семантико-синтаксической структуре высказывания, где позицию субъекта-подлежащего занимают имена родства, а также личное местоимение, характеризующую функцию выполняют предикаты, маркирующие названные субъекты по этническому признаку.

Этнокультурная составляющая лексем, маркирующих жителей Сибири, проявляется при осмыслении различий в одежде, обрядах, ведении хозяйства: *Сарафаны россейски носили, а чалдоны не носили; А это уж сибиряцка свадьба, чалдонска* (Словарь русских старожильческих 1967); *Руками сеяли из севалки или из мешка... Из лубка, из соломы делали рассейски, сибиряки из мешка больше* (Мотивационный диалектный словарь 1983).

Осознание своей славянской (русской) идентичности жителями Сибири проявляется в контекстах, посвященных взаимодействию с теми, кто приехал в Сибирь не по своей воле, со спецпереселенцами, среди которых были люди разных национальностей: *Ссылных привезли первый раз. Мы боимся их, они нас. А потом привыкли, так как свои, родны были. Наши даже замуж выходили за них; Мы-то русские коренные. Они работали. С нами ссыльные были с Поволжья. Немцы. Ох, они все повымерли.*

Им очень трудно было. Если бы не мама наша, нас бы тоже похоронили (Рукописный архив).

Осуществляется дифференциация внутри славянского этноса: *Борчатка была хохлацкая, а это наша* (Вершининский словарь 2002).

3. Этнотопонимический. В большинстве контекстов актуализация топонимического аспекта семантики сопровождается наложением этнокультурной семантики: *Нелоновы эти рубахи. Че он ее запрег. Че попало наденет, ходит. Холера его знат, какой-то не форсун. Как вятский. Те ведь как попало носят. Белы штаны, красны рубахи* (Рукописный архив).

4. Антропологический компонент актуализируется в высказываниях, отражающих рефлексию диалектоносителей по поводу своего отличия по внешним признакам от представителей населения Сибири, обозначаемого как чалдоны. В рефлексивное поле втягивается еще одна лексема (*чалдон, чалдонка*), происхождение которой оценивается этимологами как неясное (Аникин 2000): *Нет, я не чалдонка, я россиянка*.

Лексема употребляется как абсолютный синоним по отношению к лексеме сибиряк: *Одно же само, что чалдон, что сибиряк*. Осознание славянской принадлежности осуществляется через фиксацию своей непохожести с тюркоязычными народами: *Остяки – нация такая. Остяцкий поселок – нация тоже. Их туземцами называли. Иноходец, туземец. Мы – русские. Они – остяки* (Рукописный архив). Лексема *чалдон* в значении «коренной сибиряк, русский» отмечается во многих диалектных словарях, составленных томскими диалектологами. «По антропологическому типу большинство этих людей можно отнести к метисным группам европеоидов и монголоидов. В большинстве своем это люди коренастые, со смуглой кожей, черными волосами и темными глазами» (Жигунова 2011: 8).

Еще в диалектных словарях последней половины XX в. (см., напр., «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» (Словарь русских старожильческих 1967), где слово *чалдон* фиксируется как повсеместное) отмечается активное вхождение слова *чалдон* в диалектный дискурс, о чем свидетельствует широкое ее употребление не только в бытовом общении, но и в фольклорных жанрах, во фразеологических оборотах, а также в переносных значениях: *«Сполюби меня, чалдонка»* (из песни) (Словарь русских старожильческих 1967); *Чалдонка – ругательство, «желторотый» говорят ешо. Мы-то не чалдоны; «Ты чалдон желторотый!» Это такое уязвительное слово; «Чалдон желторотый» – так говорили* (Вершининский словарь 2002). В высказываниях анализируемая лексема занимает позицию объекта характеристики, позицию обращения.

В словарях XXI в. лексема фигурирует как устаревшая (например, Вершининский словарь 2002). Кроме того, в современной сельской коммуникации присутствуют коннотативные смыслы, отражающие пренебрежительное и презрительное отношение жителей города к сельскому населению: *Это городские нашего брата, как осердятся, «чалдонами» называют. Говорили: «Вы деревенские чалдоны»; Раз чалдон, дак, конечно, что неграмотный.* Таким образом, антропологический компонент семантики нивелируется, в ядерной зоне семантики оказываются оценочные смыслы семантики, что, видимо, в большей степени согласуется с лексическим значением, выделенным в словаре В.И. Даля: *челдон – это бродяга, каторжник* (Даль 1989).

5. Природно-климатический. Нагруженность семантики слов *сибирский, по-сибирски, сибиряк* смыслами, отражающими специфику природно-климатического характера, получает достаточно частотную актуализацию в диалекте, что обусловлено значимостью климатических условий для типов хозяйственной деятельности, комфортного проживания и т.д.: *Нынче дождь да холод. Вот лето-то сибирское* (Вершининский словарь 2002). *С сиверу ветер подул – ешшо холоднее, с полдня полегшее, по-хресьянски, по-чалдонски так зовут* (Словарь русских старожильческих 1967). *Мы, сибиряки, должны жить по-сибирски. Мы в своей Сибири куфайку скинем и то далеко не закидываем. Мы привыкли по-сибирски* (Вершининский словарь 2002).

6. Историко-хронологический аспект семантики анализируемых лексем *сибирский, сибиряк* актуализируется в результате сопоставления и противопоставления коренных жителей Сибири и тех, кто приехал в Сибирь сравнительно недавно (новоселов, переселенцев): *Сибиряков уже мало осталось, все приезжие... Сибиряков-то мало, а все приезжий народ. Конец улицы называется Россейска. Ее люди из России построили. Как приехали россейски и искали себе россейских; Россейские пахали..., а сибирские совсем не пахали* (Мотивационный диалектный словарь 1983); *Родители мои коренные сибиряки* (Вершининский словарь 2002).

7. Ментально-психологический. Особые черты сибирского характера (бесстрашие, смелость, физическая выносливость) в говорах отмечается лишь в единичных случаях: *Ну, сразу у них там налет, и никто не знат ниче. Если бы не сибиряки, то все и Москву бы отдали и все* (Вершининский словарь 2002).

8. Лингвистический. Речевая специфика сибирского говора осознается на фоне сопоставления речевых особенностей старожилков и тех, кто переехал сравнительно недавно из европейской части России: *Их, рассейских, бывало, не поймешь, о чем говорят. «Сусек» по-расейски, а по-сибирски «анбар»* (Мотивационный диалектный словарь 1983).

Речевая рефлексия осуществляется и внутри славянского этноса: *Хохлы говорят «послухать», а у нас «послушать»* (Вершининский словарь 2002).

9. Аксиологический компонент значения анализируемых лексем проявляется в том, что принадлежность к сибирскому субэтносу осознается как высшая ценностная категория и маркируется положительной оценкой: *Сибиряк, сибиряк, самый вот чистый сибиряк* (Полный словарь сибирского говора 1995).

Таким образом, преобладающим видом в сельской коммуникации является групповая идентичность, о чем свидетельствуют преимущественно местоимения множественного числа первого лица (*мы, у нас*), противопоставленные местоимениям третьего лица множественного числа (*у них, они*) и сопровождающие актуализацию анализируемых лексем. Отметим неоднородность проанализированных контекстов, среди которых следует выделить «сильные», обладающие большой диагностической силой и дающие возможность однозначной интерпретации аспектов семантики, и «слабые», совмещающие или неявно проявляющие разные смысловые оттенки. Проанализированный материал показывает, что идентичность старожильского населения Сибири осознается как на фоне сравнения себя по ряду параметров с русским населением, недавно приехавшим в Сибирь, так и путем рефлексии по поводу своей непохожести на исконных жителей Сибири тюркского происхождения. При интерпретации результатов анализа сибирской идентичности необходимо ввести параметр «городская / сельская» коммуникация. Сопоставление диалектного материала и результатов анкетирования, проведенного среди жителей крупнейших сибирских городов (Красноярск, Новосибирск, Омск), показывает, что в зону рефлексии горожан в большей степени попадает сибиряк как особый тип человека, обладающего физической выносливостью, здоровьем и особыми чертами характера (Фельде 2011), что отражает существующие автостереотипы.

Анализ данных Национального корпуса русского языка. Данные НКРЯ дают возможность проанализировать разные типы текстов, в которых содержатся рефлексии по поводу анализируемых лексем не только самих жителей Сибири, но и людей, которые таковыми не являются.

В основном корпусе (на дату обращения 12.04.2015) лексема *сибиряк* зафиксирована в 85 996 документах, 19 362 746 предложениях. Вхождений - 213, документов - 153. Газетных документов - 211, 316 вхождений, на 332 720 документов - 173 518 798 вхождений.

Анализ НКРЯ выявил общность и различие в интерпретации сибирской идентичности по сравнению с диалектной коммуникацией. Общность заключается в наличии тех же смыслов, приписываемых лексеме *сибиряк*:

– топонимический: *Я всегда думала Саша пензенский / а он оказывается сибиряк // [А, жен., 36];*

– ментально-психологический: – *Что такое, по-вашему, сибиряк? – Сибиряк – это особое состояние души. Это умение не стонать и не ныть, даже когда кажется, что мир начинает рушиться. [Корзенников Сергей. Владлен Бирюков: в актеры я пошел, чтобы выиграть велосипед // Труд-7. 2003.03.11];*

– антропологический: *Здесь, в Сибири, сложился особый антропологический тип русского сибирского человека, тот, кого мы называем – сибиряк // [Четыреста лет в составе России (2004) // Жизнь национальностей. 2004.06.16];*

– этнический (этнокультурный): *Ваш Курентзис, например, грек, а сейчас уже, можно сказать, наполовину сибиряк (улыбается, имея в виду, что Теодор Курентзис уже несколько лет руководит Новосибирской государственной оперой) // [Сергей Бирюков. Интервью Симона Кермес: «Может, еще спою на бэк-вокале у Rammstein» // Труд-7. 2009.04.14];*

На Сахалине попадаются избы всякого рода, смотря по тому, кто строил – сибиряк, хохол или чухонец, но чаще всего – это небольшой сруб, аршин в шесть, двух- или трехконный, без всяких наружных украшений, крытый соломой, корьем и редко тесом // [А.П. Чехов. Остров Сахалин (1893-1895)];

Неоднородность сибирского населения также подвергается рефлексированию и свидетельствует о том, что сибиряк является «зонтичным» именованим жителей Сибири: *Он сибиряк, из байкальских казаков, много лет тому назад приехал с женой в Казань, чтоб дальше двинуться – в Москву, да в Казани и застрял // [Шишков. Емельян Пугачев. Книга третья. Ч. 2 (1934-1945)];*

– историко-хронологический (биографический): *Если дед был сибиряк, значит, и я сибиряк // [Заозерская Анжелика. Кшиштоф Занусси: «Мой дед пешком пришел из Сибири в Европу» // Труд-7. 2010.04.01];*

И коренной сибиряк, по его словам, недолюбливает пришлого, особенно поселенца // [К.М. Станюкович. В далекие края (1886)];

– этнотопонимический: *Сибиряк лепил пельмени, кабардинец жарил шашлык, а девушки, как жительницы Центральной России, готовили салат «Оливье» и фаршированные помидоры // [Америка знакомая и незнакомая (2003) // «Богатей» (Саратов). 2003.11.27];*

– лингвистический: *Григорий сидел возле стола, щелкая тыквенные семечки. Рядом с ним – рослый сибиряк, пулеметчик. Он морщил ребячески-округлое лицо, говорил мягко, сглаживая шипящие, вместо «ц» произнося*

«с»: «селый полк», «месяс» выходило у него // [М.А. Шолохов. Тихий Дон. Книга третья (1928-1940)].

Вместе с тем необходимо отметить, что перечисленные аспекты анализируемого феномена структурируются по-другому, нежели в речи сибирских старожилов, отличия эти касаются прежде всего частотности актуализации отдельных аспектов. В зоне рефлексии в художественных и публицистических текстах находятся преимущественно особенности внешности и черты характера. Отмечаются физическая выносливость, богатырский рост, здоровье сибиряков: *Переселенцы уехали, а сибиряк хозяин с своей женой-сибирячкой, люди молодые, румяные и оба, так сказать, просторного телосложения, уселись неподалеку от меня на крыльце* // [Г.И. Успенский. Поездки к переселенцам (1889)]; *Желтухой и куриной слепотой – от отсутствия каких-то там витаминов, – но я что-то не припомню, чтоб Титков когда-нибудь чем-нибудь болел – здоровенный сибиряк, никакая хвороба его не брала* // [Виктор Некрасов. Случай на Мамаевом кургане (1965)].

Сибиряка как человека особой породы (по данным НКРЯ) характеризуют спокойствие, дружелюбие, радушие, настойчивость, надежность, смелость, способность ориентироваться в экстремальных ситуациях: *Сибиряк, смелый охотник, он пришел воевать из далекой сибирской тайги* // [П.А. Константинов. Вдохновляющий образ (1952.05.10) // Советское искусство. № 38 (1426). 1952]; *Сам Великий артист давно уже не принимал спиртного, угощать же как истинный хлебосольный сибиряк страсть как любит* // [Виктор Астафьев. Затеси (1999) // Новый Мир. 2000]; *Вот где корни нашего героя. Настоящий сибиряк: спокойный, неторопливый, мужественный. Но откуда эта элегантность, эта какая-то еле заметная утонченность?* // [Александр Лысенко. Главный юбилей (2004) // «64 – Шахматное обозрение». 2004.09.15]. Отрицательные черты характера или ироничные определения сибиряка встречаются лишь в единичных случаях: *Неосновательный мужик! – Сибиряк соленые уши. Не попадайся, уьвет* [Ф.М. Достоевский. Записки из мертвого дома (1862)].

В отличие от диалектного дискурса, где самоидентификация осуществляется преимущественно на фоне сопоставления себя и других, в художественном и публицистическом дискурсах сибиряк характеризуется как особый ментально-психологический тип безотносительно к какой-либо группе. подача информации в высказываниях осуществляется в направлении от крупного плана, включающего общую оценку, к детализации этой оценки, раскрывающей суть определения «настоящий сибиряк». Преобладают в высшей степени положительные, эталонные характеристики, выраженные прилагательными *настоящий, истинный*.

Меняется семантический тип высказываний, содержащих анализируемые лексемы. Частотными являются высказывания не идентифицирующего типа, а характеризующего, в которых *сибиряк* занимает позицию характеризуемого объекта. Слабо выраженными оказываются отношения сопоставления по этническому признаку.

Вместе с тем в рефлексивных высказываниях художественного и публицистического дискурса в некоторых случаях прослеживается тенденция к осмыслению специфики сибирского характера через обращение к его славянским (русским) истокам и корням, в результате которых сибирский характер предстает прежде всего как феномен, вобравший лучшие (идеальные) черты русского характера, сформировавшегося в особых географических, климатических, этнокультурных условиях: *Русские, переселившиеся в Сибирь, создали некоторым образом особый русский тип. Сибиряк. Это означает сильный, уверенный в себе русский человек* // [Фазиль Искандер. Понемногу о многом // Новый Мир. 2000].

Немаловажно, что в публичных дискурсах, как и в диалекте, отмечается линия, разделяющая коренных сибиряков и недавних переселенцев из России, которые еще не подверглись сибирской «переплавке» и «перекровке» под воздействием новых условий:

Сказывают: сибиряк одной спичкой зажжет костер, тогда как «пришелец» употребит для того же канистру с бензином, зажигая ненароком тайгу [Михаил Гефтер. Какой я вижу Россию конца XX века? (1993) // Звезда. 2001].

«Ну, да и то сказать, и между росейскими немало разных «жиганов» да «бакланов»... Сибиряк и боится!» – прибавил белорус [К.М. Станюкович. В далекие края (1886)].

Как и в диалектной коммуникации, выражено сопоставление сибиряка с представителями славянского этноса, актуализирующее этнический компонент семантики анализируемой лексемы: *Сестра – нет, типичная украинка, а доктор – сибиряк* [Вадим Кожевников. Щит и меч. Книга вторая (1968)].

Что касается лексемы *чалдон*, то она имеет всего 50 вхождений в НКРЯ и, в отличие от лексемы «сибиряк», маркируется амбивалентной оценкой: *чалдон – звероподобный, глупый, лиходея, но добрый, как дитя:*

*В жизни живут лишь / Раз,
Я вспоминать / Не горазд.
Глупый сибирский / Чалдон.
Скуп, как сто дьяволов, / Он. //*
[С.А. Есенин. Поэма о 36 (1924)].

Выводы. Анализ различных типов дискурсов показывает, что лексема *сибиряк* и однокоренные с ней языковые единицы, а также абсолютные синонимы (*чалдон, чалдонка*) наполняются целым спектром смыслов, свидетельствующих об осознании сибирской идентичности и самоидентичности. По данным коммуникации, сибиряки – это люди, проживающие на территории Сибири, осознающие свою принадлежность и к славянским народам, и к коренным народам Сибири неславянского происхождения. Особые климатические, географические условия, удаленность от центра России, контакты с представителями различных этнических групп обусловили сибирскую специфику, проявляющуюся в обрядах, обычаях, речи, манере одеваться, ведении хозяйственной деятельности, и послужили поводом к выделению субэтноса сибиряков.

В диалектной коммуникации, отражающей типичные черты русских сибирских старожилов, рефлексии подвергаются отличия историко-хронологического, этнокультурного, территориального свойства.

Стереотипный образ сибиряка, создаваемый средствами художественной литературы и публицистики, отражает прежде всего внешность и особенности сибирского характера и лежит в плоскости ментально-психологических установок. Сибирский характер осмысливается как особый тип русского характера, сформировавшийся в уникальных условиях. Эта же тенденция прослеживается и в материалах, полученных путем социологических и психолингвистических опросов.

Славянская составляющая образа сибиряка выявляется на фоне его сопоставления с представителями славянского этноса, прежде всего с русскими. Сибиряки осознают свое славянское происхождение, русскую идентичность, но видят и отличие по целому ряду признаков. Осознание этнической специфики наиболее отчетливо проявляется в высказываниях с семантикой сопоставления, где в отношениях соположенности оказываются этнонимы, именующие отдельные славянские народы (например, сибиряк и украинец). Славянский компонент самоидентификации и идентификации актуализируется при осмыслении отличий от коренных народов Сибири, а также от русских, являющихся недавними переселенцами из европейской части России.

Таким образом, при полном наборе аспектов семантики анализируемых лексем, вычленяемых в различных типах коммуникации, в каждом дискурсе преобладающими оказываются разные виды признаков, на основании которых осуществляется процесс идентификации и самоидентификации и актуализируется славянская составляющая названных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

Аникин 2000 - *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.

Блинова 2006 - *Блинова О.И.* Томская диалектологическая школа: историографический очерк / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 392 с.

Бороноев 2010 - *Бороноев А.О.* Проблемы динамики сибирской идентичности // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 3. С. 81-85.

Васеха 2014 - *Васеха М.В.* Кто такой «сибиряк»? Что такое сибирская идентичность // Вестник российской нации. 2014. № 6-6. С. 316-327.

Вершининский словарь 2002 – *Вершининский словарь*: В 7 т. / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998-2002.

Даль 1998 - *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 1998. Т. 4. 685 с.

Ечевская, Анисимова 2012 – *Ечевская О.Г., Анисимова А.А.* Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2012. 176 с.

Жигунова 2011 - *Жигунова М.* Сибиряк как новая национальность: миф или реальность? // Родина. 2011. № 11. С. 11-15.

Крысько 1999 - *Крысько В.Г.* Этнопсихологический словарь / Под ред. В.Г. Крысько. М.: Московский психолого-социальный институт, 1999. 342 с.

Лаппо 2013 - *Лаппо М.А.* Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. 180 с.

Мамсик 2004 - *Мамсик Т.С.* Этносоциальный состав старожилов Среднего Приобья (по материалам сравнительного анализа массовой статистики) XVII–XIX вв.). Сибирская деревня: проблемы истории / Под ред. В.А. Ламина. Новосибирск, 2004. 2006 с.

Марков 2003 - *Марков В.И.* Евразийство как культура ценностей // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2003. № 3. С. 24-28.

Мотивационный диалектный словарь 1983 - *Мотивационный диалектный словарь*: В 2 т. / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. Т. 2. П–Я. 370 с.

Национальный корпус русского языка 2015 - *Национальный корпус русского языка / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН.* М., 2015. URL: <http://www.Ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.04.2015).

Полный словарь диалектной 2012 - *Полный словарь диалектной языковой личности*: В 4 т. / Под ред. Е.В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. Т. 4. Т–Я. 363 с.

Полный словарь сибирского говора 1995 - Полный словарь сибирского говора. / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. Т. 4: С–Я. 274 с.

Попков 2002 - Попков Ю.В. Четвертый международный семинар «Этносоциальные процессы в Сибири» // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. № 1. С. 123-133.

Резанова, Шияев 2015 - Резанова З.И., Шияев К.С. Этнонимы «русин», «русинский» в русской речи: корпусное исследование // Русин. 2015. № 1 (39). С. 239-255.

Серебренникова 2004 - Серебренникова А.Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности» – «чуждости» (лингвокультурологический аспект): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 213 с.

Словарь русских старожильческих 1967 - Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: В 3 т. / Под ред. В.В. Палагиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1967. Т. 3. 250 с.

Суляк 2004 - Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев: Издательский дом «Татьяна», 2004. 240 с.

Суляк 2009 - Суляк С.Г. Русины: прошлое, настоящее, будущее // Русин. 2009. № 3 (17). С. 61-70.

Фельде 2011 - Фельде О.В. Свои и чужие в языковом сознании сибиряков // Вестник Томского государственного университета. Филология. Томск, 2011. № 3 (15). С. 59-64.

Эрикссон 1996 - Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 342 с.

Ябур, Плешакова 2005 - Ябур В., Плешакова А. Академик Н.И. Толстой о русинском языке // Русин. 2005. № 1 (1). С. 72-73.

REFERENCES

Anikin, A.E. (2000) *Etimologicheskij slovar' russkikh dialektov Sibiri: zaimstvovaniya iz ural'skikh, altajskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etiological dictionary of Russian Siberian dialects: borrowings from Ural, Altai and paleo-Asian languages]. Moscow, Novosibirsk: Nauka.

Blinova, O.I. (ed.) (2006) *Tomskaya dialektologicheskaya shkola: istoriograficheskij ocherk* [The Tomsk dialectal school: A historiographical review]. Tomsk: Tomsk State University.

Boronoev, A.O. (2010) Problems of dynamics of the Siberian identity. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana) – society. Environment. Development (Terra Humana)*. 3. pp. 81-85.

Vasekha, M.V. (2014) Who is the «Siberian»: what is Siberian identity. *Vestnik Rossiyskoy Natsii – Bulletin of Russian Nation*. 6-6. pp. 316-327.

Blinova, O.I. (1998 – 2002) *Vershininskiy slovar': V 7 t.* []. Tomsk: Tomsk State University.

DaI, V.I. (1998) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols.]. Moscow: Russkiy yazyk.

Echevskaya, O.G. & Anisimova, A.A. (2012) *Sibirskaya identichnost': predposylki formirovaniya, konteksty aktualizatsii* [Siberian identity: formation background and contexts of realization]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

Zhigunova, M. (2011) Sibiryak kak novaya natsional'nost': mif ili real'nost'? [Siberia as a new nationality: myth or reality?]. *Rodina*. 11. pp. 11-15.

Krysko, V.G. (ed.) (1999) *Etnopsikhologicheskiy slovar'* [Ethnopsychological Dictionary]. Moscow: Moscow Psychological Social Institute.

Lappo, M.A. (2013) *Samoidentifikatsiya: semantika, pragmatika, yazykovye resursy* [Selidentification: semantics, pragmatics and language resources]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.

Mamsik, T.S. (2004) Etnosotsial'nyy sostav starozhilov Sred-nego Priob'ya (po materialam sravnitel'nogo analiza massovoy stati-stiki) XVII–XIX vv. [Ethno-social composition of the old residents of the Middle Ob (based on the comparative analysis of the mass statistics) in the 17th – 19th centuries]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Sibirskaya derevnya: problemy istorii* [The Siberian village: problems of history]. Novosibirsk: Institute of History SB RAS.

Markov, V.I. (2003) Evraziystvo kak kul'tura tsennostey [Eurasianism as a culture of values]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3. pp. 24-28.

Blinova, O.I. (1983) *Motivatsionnyy dialektnyy slovar': V 2 t.* [The Motivational Dialect Dictionary. In 2 vols.]. Tomsk: Tomsk State University.

Ruscorpora.ru. (2015) *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corps]. Moscow: Institute of the Russian Language. [Online]. Available from: <http://www.Ruscorpora.ru> (Accessed: 12th April 2015).

Ivantsova, E.V. (ed.) (2012) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti: V 4 t.* [The Complete Dictionary of the Dialect Linguistic Identity. In 4 vols.]. Tomsk: Tomsk State University.

Blinova, O.I. (1995) *Polnyy slovar' sibirskogo govora. T. 4: S–Ya* [The Complete Dictionary of Siberian Dialect. Vol. 4: S-Ya]. Tomsk: Tomsk State University.

Popkov, Yu.V. (2002) Chetvertyi mezhdunarodnyy seminar “Etno-sotsial'nye protsessy v Sibiri” [The 4th International Seminar “Ethnosocial processes in the Humanities in Siberia”]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 1. pp. 123-133.

Rezanova, Z.I. & Shilyaev, K.S. (2015) Ethnonyms “Rusin” and “Rusinian” in Russian discourse: a corpus study. *Rusin*. 1 (39). pp. 239-255.

Serebrennikova, A.N. (2004) *Dialektnoe slovo s semantikoy "svoystvennosti" – "chuzhdosti" (lingvokul'turologicheskiy aspekt)* [The dialectal word with the semantics "us" – "them" (a linguocultural aspect)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

Palagina, V.V. (ed.) (1967) *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi: V 3 t.* [The Dictionary of Russian Dialects of Starozhily in the middle part of the Ob. In 3 vols.]. Tomsk: Tomsk State University.

Sulyak, S.G. (2004) *Oskolki Svyatoy Rusi. Ocherki etnicheskoy istorii rusnakov Moldavii* [The shatters of Holy Rus. The essays of the ethnical history of the Russians in Moldavia]. Kishinev: Tat'yana.

Sulyak, S.G. (2009) Rusins: The past, the present, the future. *Rusin.* 3 (17). pp. 61-70.

Felde, O.V. (2011) The native and the foreign in the linguistic consciousness of the Siberians. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 3 (15). pp. 59-64.

Erikson, E. (1996) *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Translated from English by A.D. Andreeva. Moscow: Progress.

Yabur, V. & Pleshakova, A. (2005) Akademik N.I. Tolstoy o rusinskom yazyke [Academician N.I. Tolstoy about the Rusinian language]. *Rusin.* 1 (1). pp. 72-73.

Демешкина Татьяна Алексеевна – доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка Томского государственного университета.

Demeshkina Tatiana – Tomsk State University (Russia).

E-mail: demeta@rambler.ru

УДК 94(4)

UDC

DOI 10.17223/18572685/41/8

ПАНСЛАВИЗМ И КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ XIX в.*

В.С. Киселев

Томский государственный университет
Россия, 134050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: kv-uliss@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена использованию идей славянского единения в практике национального строительства XIX в. Рассматриваются отличительные особенности включения панславянских мотивов в конструирование национальной идентичности россиян и поляков. Российский вариант панславизма расширял понимание «русского» до универсальной стихии, вбиравшей все существенные черты славянской культуры и способной служить образцом для других народов. Подобное толкование соединялось с имперским видением, в рамках которого титульный народ выступал объединяющим центром и покровителем подчиненных национальных сообществ. В статье прослеживается эволюция интенций русского панславизма от романтического славяноведения эпохи И.И. Срезневского до почвеннического идеала «всеотзывчивости» Ф.М. Достоевского. Изменение их отражает перипетии становления национальной идентичности, прочно срастающейся с имперским комплексом. «Центробежной» российской интерпретации панславизма противостояла «центростремительная» польская. Ее первоочередной целью было выделение национального своеобразия, становящегося залогом культурной автономии и, в идеале, политической самостоятельности (польский мессианизм). Для поляков после разделов Речи Посполитой сохранение национальной идентичности стало единственным способом сопротивления ассимиляции. Элементы этой идеологии использовались для подтверждения особого места Польши в кругу славянских народов, позволявшего, даже в отсутствии собственной государственности быть источником культурно-политического притяжения, альтернативным центром славянского единства.

Ключевые слова: панславизм, национальная идентичность, русская литература, польская литература, славяноведение.

* В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта 8.1.96.2015 в рамках Программы «Научный фонд ТГУ им. Д.И. Менделеева» в 2015 г.

PAN-SLAVISM AND CONSTRUCTION OF NATIONAL IDENTITY IN RUSSIAN AND POLISH LITERATURE OF THE XIX CENTURY*

V.S. Kiselev

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: kv-uliss@mail.ru

Abstract

The article describes how the ideas of Slavic unity were used in the practice of nation-building of the XIX century. Distinctive features enable Pan-Slavic motifs in the designing of the national identity of Russians and Poles. The Russian version of Pan-Slavism expanded the understanding of the "Russian" to the universal element that incorporates all the essential features of the Slavic culture and is able to serve as a model for other nations. This interpretation was connected with the imperial vision in which the dominating people was the unifying centre and patron of subordinate national communities. The article traces the evolution of intentions of Russian Pan-Slavism from I.I. Sreznevsky's romantic Slavic studies to F.M. Dostoevsky's conception of "vseotzyvchivost'" (world responsiveness). The intention changes reflect the features of national identity formation, firmly fused with the imperial complex. The "centrifugal" Russian interpretation of Pan-Slavism opposed the "centripetal" Polish. Its primary aim was the selection of national identity as a key to cultural autonomy and, ideally, political independence (Polish messianism). For the Poles, after the partition of Poland the preservation of national identity was the only way to resist assimilation. The elements of this ideology were used to confirm the special place of Poland in the circle of the Slavic peoples, allowing, even in the absence of their own statehood, to be a source of cultural and political gravity, an alternative centre of Slavic unity.

Keywords: Pan-Slavism, national identity, Russian literature, Polish literature, Slavic studies.

Рождение панславизма пришлось на эпоху интенсивного национального строительства, он стал ответом славянских народов на острую потребность в создании суверенных национальных государств. Странам Западной Европы для перехода от домодерного к национальному государству требовалась более или менее глубокая перестройка уже сложившейся социокультурной и административной системы, для славянских народов, разделенных в XIX в. между тремя империями – Габсбургов, Османов и Романовых, ключевым вопросом являлось обретение собственной государственности. В этих условиях панславизм превращался из феномена реальной политики в культурно-идеологический символ (Липатов 1995), призванный формировать и консолидировать национальные элиты для борьбы за независимость. Причем разность условий, в которых существовали отдельные славянские народы, определила облик и телеологию панславизма.

* This study (research grant No 8.1.96.2015) was supported by The Tomsk State University Academic D.I. Mendeleev Fund Program in 2015.

Наиболее очевидной была разница между великороссами, титульным народом империи Романовых, и славянством Восточной Европы, подчиненным власти Пруссии, Австрии (позднее Австро-Венгрии), Османского государства и России. Для великорусской версии панславизма задачей являлось включение национального элемента в идеологию имперской власти, для других славян – обретение автономии с опорой на помощь и поддержку родственных народов (Klarnerówna 1926; Kohn 1960; Рокина 2005; Французова 2005; Прокудин 2007). Это задавало подходы к конструированию национальной идентичности.

Российский вариант панславизма исходил из того, что великороссы являются нацией, максимально глубоко воплотившей славянское своеобразие. Он расширял понимание «русского» до универсальной стихии, вбравшей все существенные черты славянской культуры и способной служить образцом для других народов. Расширительное толкование национальной идентичности соединялось с имперским видением, в рамках которого титульный народ выступал объединяющим центром и покровителем подчиненных национальных сообществ. В этом смысле мотив «всеотзывчивости» русской культуры, характерный для национальной саморефлексии XIX в., включал в себя очевидную панславянскую составляющую. Причем если «всеотзывчивость» по отношению к западноевропейскому миру сопровождалась постулированием культурно-политического равенства (и возможности противостояния Западу), то по отношению к славянским народам включала в себя семантику покровительства. Эти мотивы, как правило, переплетались друг с другом и репрезентировались в комплексе.

Показателен здесь один из первых художественных образов панславянского единства, созданный Ф.И. Тютчевым в 1830 г. в аллегорическом стихотворении «Альпы» (Тютчев 1987: 112):

Сквозь лазурный сумрак ночи
Альпы снежные глядят;
Помертвелье их очи
Льдистым ужасом разят. <...>
Но Восток лишь заалееет,
Чарам гибельным конец –
Первый в небе просветлеет
Брата старшего венец.
И с главы большого брата
На меньших бежит струя,

И блещит в венцах из золота
Вся воскресшая семья!..

В виде Альп, «властью некой обаянных», предстает славянский мир, до времени скрывающий свое величие и мощь, но пробуждение Востока неминуемо, и инициатива освобождения от «гибельных чар» европейской цивилизации будет исходить от «брата старшего». Он воззовет к жизни и действию «всю воскресшую семью» славянских народов, мысль о единстве которых начала активно утверждаться в российском культурном сознании в 1820-1840-е гг.

Впрочем, развитию панславизма существенно препятствовало своеобразие имперской идеологии, где национальный элемент был вторичным и акцентирование его воспринималось властью как опасное явление, способное подточить основание под самодержавным легитимизмом. Повышенное внимание к «русскому» (или «славянскому») началу отражало стремление к национальной консолидации, что для империи с множеством этнических, вероисповедных, социокультурных различий было чревато необходимостью проводить жесткие границы, разделять «свое» и «чужое» и осуществлять последовательную стратегию по отношению к отдельным народам, как входящим в состав государства, так и находящимся за его пределами, но этнически родственным. Подобной стратегии и опыта ее реализации, по большому счету, у имперской администрации не было, управление национальными регионами осуществлялось ситуативно, откликаясь на текущие проблемы. В этом смысле панславизм провоцировал власть на глубокое изменение внутренней и внешней политики, в том числе на принятие новой и опасной роли международного покровительства славянам с возможным прицелом на создание «славянской империи».

Сложность ситуации хорошо ощущали не только имперские администраторы, но и представители разных течений общественной мысли. Так, И.С. Аксаков в 1849 г. в объяснении для III отделения, озабоченного распространением славянофильских идей, писал: «В панславизм мы не верим, во-первых, потому, что для этого необходимо было бы единоверие славянских племен, а католицизм в Богемии и Польше — элемент враждебный, чуждый, несовместимый с элементом православия прочих славян; во-вторых, все отдельные элементы славянских народностей могли бы раствориться и слиться в целое только в другом, крепчайшем цельном, могучем элементе, т.е. в русском; в-третьих, большая часть славянских племен заражена влиянием пустого, западного либерализма, который противен духу русского народа и никогда к нему принятися не может» (цит. по: Сухомлинов 1889: 510). Для Аксакова очевидными были

глубокие различия славянских народов в плане вероисповедном, культурном и политическом, что превращало мысль о славянском единстве в утопию, и единственным реальным вариантом ее воплощения виделась ассимиляция «в крепчайшем цельном, могучем элементе, т.е. в русском».

Тем не менее потребность выделить сближающие элементы славянства была сильна. Она придавала активный конструирующий характер и академической славистике, и художественной рефлексии с выходами в сферу публицистики. Именно «культурный панславизм» определил в России облик этой идеологии, пронизав ее четко ощутимыми мотивами утопизма (Досталь 1990). Уже для первого поколения славистов во главе с И.И. Срезневским презумпция единства славянских народов при всем различии исторических судеб, языков, религий, литературы являлась самоочевидной, подвигая на поиск скорее общих, чем уникальных особенностей. Так, в «Мыслях об истории русского языка» 1849 г. Срезневский писал, что «никто не станет защищать, что и наречия славянские и все сродные языки Европы всегда различались одни от других настолько, насколько различаются теперь. Давни, но не исконны черты, отделяющие одно от другого наречия северное и южное – великорусское и малорусское; не столь уже давни черты, разрознившие на севере наречия восточное – собственно великорусское и западное – белорусское, а на юге наречие восточное – собственно малорусское и западное – русинское, карпатское; еще новее черты отличия говоров местных, на которые развилось каждое из наречий русских» (Срезневский 1887: 34). В рамках подобного подхода различия виделись явлением недавним и во многом наносным, а единство – фундаментальным.

Генетическое родство и типологическое сходство культур для следующего поколения славистов выступили почвой уже для более масштабных конструкций, преследующих цель, как у В.И. Ламанского, отделить славянский мир от романо-германского и зафиксировать его цивилизационное своеобразие (Прокудин 2013). Этот «Средний мир» Евразии описывается Ламанским в терминах исключения, приемом «от противного», когда одно различие оказывается снятым другим – религия преодолевается культурой, культура историей, история языком: «Не отождествляя и не сливая с Россией прилежащих к ней земель славянских и православных, мы не можем, однако, с точки зрения этнологической и историко-культурной, даже политической, не причислять их к одному с ней разряду или миру и должны отделять их и от мира собственно азиатского, и от мира собственно европейского. От первого они отличаются, подобно России и собственной Европе, своей христианской культурой. От Европы значительная часть их отличается принадлежностью своей не к запад-

ному, а к восточному христианству. Остальная же часть, обращенная в западное христианство, как поляки, словаки, чехи, мораване, словенцы и хорваты, резко отделяются от своих западных соседей и единоверцев, немцев и итальянцев, глубокой взаимной антипатией, разностью языков и характеров, противоположностью национальных интересов. Напротив, со своими восточными соседями русскими, сербами, болгарами они тесно связаны общностью исторических судеб, культурных и национальных интересов, величайшим сходством языков и нравов. <...> Все эти данные и соображения заставляют все западные славянские земли, с точки зрения этнологической и историко-культурной, отделять от собственно Европы и относить заодно с Россией и с землями ей единоверными как единоплеменными, так и иноплеменными, к так названному нами миру Среднему» (Ламанский 1892: 22-24).

Художественная литература оказалась наиболее отзывчива к панславянскому эссенциализму, закрепляя в национальном сознании мысль об извечном существовании братской семьи славянских племен. Они были разделены враждебными обстоятельствами, но теперь должны восстановить первоначальное единство. Так рисовал А.С. Хомяков в стихотворении «Киев» (1831) картину древней общности восточных славян, сохраненной Российской империей (Егоров 1994). От нее откололись славяне западные (в данном случае подразумеваются униатские области Правобережной Украины), но и они должны вернуться в родительское лоно (Хомяков 1900: 226):

Слава, Киев многовечный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днепр наш быстротечный,
Руси чистая купель! <...>
Мы вокруг своей святыни
Все с любовью собраны...
Братцы, где ж сыны Волыни?
Галич, где твои сыны?
Горе, горе! их спалили
Польши дикие костры;
Их сманили, их пленили
Польши шумные пиры. <...>
Пробудися, Киев, снова!
Падших чад своих зови!
Сладок глас отца родного,
Зов моления и любви.

В стихотворении Ф.И. Тютчева, посвященном знакомству с Вацлавом Ганкой (1841), границы славянского единства расширяются, но ключевые мотивы остаются прежними – изначальное родство, отчуждающее влияние иноверных народов, и восстановление общности (Тютчев 1987: 147):

Иноверец, иноземец
Нас раздвинул, разломил:
Тех – обезьязычил немец,
Этих – турок осрамил.
Вот среди сей ночи темной,
Здесь, на пражских высотах,
Доблий муж рукою скромной
Засветил маяк впотьмах. <...>
И наречий братских звуки
Вновь понятны стали нам, –
Наяву увидят внуки
То, что снилось отцам!

Фундаментальный облик презумпция единого славянства обрела в отклике Тютчева (Тютчев 1987: 149) на парижские лекции Адама Мицкевича (Мырикова 2004: 71-89), где польский поэт, сумевший встать над национальными распрями, назван апостолом славянства («Épître à l'arôtre. От русского, по прочтении отрывков из лекций г-на А. Мицкевича», 1842):

Мы чуем приближенье света –
И вдохновенный твой глагол,
Как вестник Нового завета,
Весь мир Славянский обошел.
Мы чуем свет – уж близко время –
Последний сокрушен оплот, –
Воспрянь, разрозненное племя,
Совокупись в один народ, –
Воспрянь – не Польша, не Россия –
Воспрянь, Славянская семья! –
И, отряхнувши сон, впервые –
Промолви слово: «Это я!»

Подобное мессианское отношение к идее славянства, снимающее актуальность национальных различий, превосходящее значимость сиюминутных политических раскладов, оказалось основой цивилизационной концепции Н.Я. Данилевского (Балуев 2001), провозглашавшего:

«<...> для всякого славянина: русского, чеха, серба, хорвата, словенца, словака, болгара (желал бы прибавить и поляка), – после Бога и Его святой Церкви, – идея славянства должна быть высшею идеею, выше науки, выше свободы, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них для него недостижимо без ее осуществления – без духовно, народно и политически самобытного, независимого славянства; а напротив того, все эти блага будут необходимыми последствиями этой независимости и самобытности» (Данилевский 1991: 127).

Для Данилевского славянский мессианизм имел очевидное политическое измерение. Международная изоляция России после Крымской войны и падение российского влияния в Восточной Европе и на Балканах требовали более активных действий в плане пропаганды и внешней политики, что в итоге привело к «восточному кризису» 1875 г. и Русско-турецкой войне. Но патриотический подъем продлился недолго, и после Берлинского мира 1878 г. обнаружилась весьма призрачная значимость славянской идеи для национального строительства в самой России. Самодержавный легитимизм оказался более надежным основанием империи, а его культурным отражением выступила концепция «всеотзывчивости» русских и славян, позволявшая интерпретировать национальный элемент не как способ консолидации и создания национального государства, но скорее как инструмент центробежного рассредоточения, духовной экспансии, оправдывающей экспансию имперскую.

Такой вид славянской идее придал Ф.М. Достоевский в «адресе» Александру II от имени Славянского общества (1880): «Мы твердо веруем, что вопрос славянского единения, равно как и всего Востока, в конечных целях своих есть вопрос и высшего объединения духовного, есть вопрос православия и великих судеб его уже во всем человечестве. Ибо мы, вместе с великим народом нашим, веруем и в то, что православие, объединяясь в народах, его исповедующих, явит и в силах явить в конце концов истинный и уже неискаженный лик Христов даже всему остальному человечеству, измученному неверием и духовным распадением своим» (Достоевский 1990: 47-48). В знаменитой пушкинской речи 1880 г. славянский православный мессианизм (Гуральник 1972) включится в общеевропейский контекст и будет спроецирован на русскую «всеотзывчивость»: «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите. <...> Стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирения в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в русской душе,

всечелoveчной и всеодиняющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христовому евангельскому закону!» (Достоевский 1984: 147-148).

Российский вариант панславизма с его растворением русского начала в славянском мало подходил для других родственных народов. Напротив, их первоочередной целью было выделение национального своеобразия, становящегося залогом культурной автономии и, в идеале, политической самостоятельности. Особенно актуально это было для народов, имевших в прошлом суверенную государственность, как в случае Речи Посполитой, разделенной в XVIII в. между Пруссией, Российской и Австрийской империями. Для поляков сохранение собственной национальной идентичности стало единственным способом сопротивления ассимиляции, не позволявшим жертвовать чем-либо в пользу панславянской утопии. Элементы этой идеологии использовались для подтверждения особого места Польши в кругу славянских народов, позволявшего даже в отсутствие собственной государственности быть источником культурно-политического притяжения, альтернативным центром славянского единства.

Историческим фундаментом здесь выступала память об империи Ягеллонов, сумевших на основе личной унии объединить в XV-XVI вв. Польское королевство, Чехию, Королевство Венгрию, Великое княжество Литовское и Хорватское королевство, т.е. создать сильное европейское государство со славянским центром. Речь Посполитая, лишившись ряда славянских территорий, сохранила в своем административно-политическом и культурном устройстве федеративные начала и, более того, во второй половине XVIII в. вступила на путь модернизации, подразумевавший новые методы конструирования национальной идентичности и выстраивания отношений с «кресами», национальными регионами (Markiewicz 2004; Augustyniak 2008). Опыт федерализма несколько смягчил трагедию государственного расчленения, породив надежды об особом статусе польских провинций в составе Пруссии, империи Габсбургов и России. В эпоху наполеоновских войн они частично реализовались в восстановлении Великого Герцогства Варшавского и позже - в создании Александром I унитарного Царства Польского, которому были дарованы собственная Конституция, парламент и права самоуправления.

В этих условиях ранний польский панславизм («польское славяно-

фильство») приобретал конкретный политический и культурный смысл: воскрешение Речи Посполитой - не просто как собирание коренных земель, но и как возвращение влияния в прежних «кресах»: Галиции, Украине, Белоруссии. Другие славянские народы выступали возможными союзниками в противоборстве с властями империй-победителей. Знаменательно, что польские ученые и писатели видели особый смысл в изучении и пропаганде славянской культуры - украинской, белорусской, чешской, словацкой, русской. Именно поляк Зоран Доленга-Ходаковский (Адам Чарноцкий) создал в конце 1810-х гг. первую научную концепцию единой древнеславянской культуры, положения которой повлияли на все дальнейшее развитие славяноведения (Малаш-Аксамитова 1967). В гибридной украинско-польско-русской среде Правобережной Украины зародилась в начале XIX в. сама мысль о панславянском политическом единстве. О своем пребывании в одесском лицее Вольсея (конец 1810-х гг.) М.С. Чайковский вспоминал, что «это была мозаика из славян <...>. Мне часто приходилось присутствовать при их спорах. <...> Наконец, все согласилось, что все зло можно исправить только всеславянством, столицей которого должен быть Старый Киев; кто будет им владеть и образует из него столицу, тот будет властелином ста миллионов славян» (Чайковский 1895: 170-172). Феноменом большого культурного значения явилось польское украинофильство, воплотившееся в изучении украинского языка, фольклора, истории, в стилизации украинских фольклорных жанров и использовании исторических сюжетов и образов (И. Терлецкий, Ф. Духинский, Ф. Падура, Я. Яворский и др.) (Кирдан 1974; Кирчів 2006а, б).

Знаменательно, однако, что романтически утопичный акцент на славянской общности был характерной чертой лишь раннего польского панславизма до 1830 г. Как констатировал Юлиуш Бардах, «pierwszy etap słowianofilstwa polskiego przypada na koniec XVIII i początek XIX w. i trwa do powstania 1830 r., kiedy to pod wpływem romantyzmu (Herder) nasiliły się zainteresowania odległą przeszłością, rozwinęły się tendencje do idealizowania tejże przeszłości Słowian i kiedy rodziła się świadomość narodowa całej Słowiańszczyzny» (Bardach 1973: 984). В изучении и контактах с различными славянскими культурами польская элита искала новой опоры, она стремилась осознать ту общность, в которую возможно было вписать историю и культуру Речи Посполитой не как самостоятельного этнического целого, но как слагаемого многих славянских частей (украинцы, белорусы, русины, поляки, русские).

Разгром восстания 1830-1831 гг. и надежд на восстановление независимости глубоко изменили характер нарождавшегося панславизма,

сделав его проекцией польского мессианизма. В отличие от сходной российской тенденции, особенно сильно проявившейся в панславизме Н.Я.Данилевского и Ф.М.Достоевского, он был лишен имперской составляющей, центробежного акцента на «всеотзывчивости», а напротив, подразумевал настойчивое культивирование национальной самобытности, ощущения особой исторической миссии, способной стать центром притяжения для всех славян. Истоком польского мессианизма исследователи считают сарматскую мифологию XVI-XVII вв., обосновывавшую особое происхождение шляхты и ее сословное превосходство над крестьянским населением (Tazbir 1978; Лескинен 2002). В условиях национальной разобщенности ее смысл радикально изменился, лишившись сословной привязки и распространившись на весь польский народ и даже население «кресов». Так, в частности, случилось в Правобережной Украине, где, по определению Н.Н. Яковенко, «безсумнівною престижністю користувався «ставропольський» тип шляхтича – втілення чеснот справжнього сармата – хороброго воїна, вірного сина вітчизни, безхитрісного адепта золотих вольностей, якого з рештою шляхти єднають ідеали рівності й братерства крові» (Яковенко 1997: 319).

Эти составляющие – воинственность, рыцарское служение родине, гражданственность, стремление к солидарности – усилиями демократической интеллигенции XIX в. популяризировались в крестьянской и буржуазной среде, что позволило «сарматизму» раствориться в современной национальной идентичности поляков (Grzybowski 1978; Васильев 2007).

Изначальным элементом сарматизма было четкое выделение различий с соседними народами, определяемое в первую очередь разностью вероисповедания: поляки противостояли и противостоят язычникам и идолопоклонникам Азии (монголам, татарам, туркам), спасая Европу от их владычества, от православных схизматиков и протестантов, в том числе славянских, их отличает приверженность изначальному духу христианства, сохраненному католичеством (Wyczański 1973). В общественной мысли XIX в., выделявшей в русле гердеровских идей черты национальных характеров, вероисповедные различия насыщались историко-культурным содержанием. Так, русские и Россия воплощали в себе восточный деспотизм, слабость и искаженность личностного начала и стремления к свободе, покорность культурной традиции, цивилизационную отсталость (Радун 2011). Очевидная изоляционистская составляющая в конструировании польской идентичности определялась условиями национального выживания, настойчивого сопротивления германизации, русификации и любого ассимиляционного давления. Она же задавала пределы в использовании панславянских идей и поиске поддержки в

славянской среде: чаще всего она предполагала приобщение возможных союзников к польскому миру, вхождение в круг его культурного влияния, но не включение элементов чужой идентичности.

Ядром «польскости» выступало постулирование исторической миссии народа, находившее обоснование в принципах моральной философии Юзефа Хёне-Вроньского и Анджея Товяньского. Согласно им дело Божественного творения, в том числе исторический промысел, реализуется свободной волей и практическим действием каждого отдельного человека, воплощающего тем самым и цели собственной жизни. Слияние сакральной высшей воли и индивидуального действия превращали эту философию в мощное орудие национальной консолидации. Товяньский привнес в нее апокалиптическую напряженность, мощный порыв к установлению Царства Божия, в чем особую роль играло духовное горение личности, ее очищение в прямом религиозно-практическом действии (Sikora 1973; Jakubowski 2002).

Любовь и жертвенность, главные залогов спасения, переносились на дело освобождения и восстановления былого величия Польши. Популяризацию этих идей осуществил А. Мицкевич («Kardynalne punkty mesjanizmu», «Mesjanizm a filozofia», «Ideał państwa polskiego», «Księgi narodu polskiego i pielgrzymstwa polskiego» и другие работы), для которого метафорическим основанием выступало уподобление мук Христа страданиям разделенной Польши, смертью попирающей смерть и стремящейся к воскресению, неразрывному с воскресением истинного христианства. В романтической концепции поэта, придающей особое значение избранным личностям, вождям масс, залогом национального восстановления становилось появление харизматичных героев, лично ощущающих и реализующих свой патриотический долг. Через их действие и моральное обаяние высшие принципы, верховный план исторического развития находят воплощение, они объединяют народ в соборную личность, проникнутую общим духом, а иначе народ умирает, прекращает свое историческое бытие. «Jak w człowieku indywidualnym wszystkich jego działań, czy politycznych, czy literackich, jest zasadą pewne uczucie, które lud wyraża ogólnym znakiem <...>, tak i potrzeb, i dążeń narodowych jest zasadą pewna myśl, pewne powszechne uczucie. Póki trwa ta myśl, to uczucie póki wszystko ożywia, póty narody żyją i rosną; z jej osłabieniem chorują, z jej zniszczeniem umierają» (Polska myśl 1964: 435).

В начале 1840-х гг., развивая и критически оценивая положения Я. Коллара и П.И. Шафарика, А. Мицкевич прочел в Париже курс лекций по истории славянских литератур, где на огромном материале создал оригинальную концепцию славянского литературного мира

(Wodzyńska 1976; Karagyzov 1998). Но исходным пунктом ее выступило не постулирование изначального славянского единства, которого, по мнению поэта, никогда не существовало, а четкое видение различий и исторических разделений (Mickiewicz 1955: VIII: 105). Общность славян – не факт прошлого, а дело грядущего, требующее самопожертвования и больших духовных усилий. Из всех славянских наций, по мысли Мицкевича, более всего страданий и мук перенесла польская, она более всех славян стремится к христианскому братству, выражая сокровенные стремления всего европейского мира: «[plemiennie słowiańskie] ma zamiary pokojowe, nie grozi już Europie najazdem, ale wzywa ją do przymierza. Narodowości od dawna w tym duchu działali. Jeden mianowicie naród wyprzedzał prawie zawsze swoich filozofów i poetów: naród polski» (Mickiewicz 1955: XI: 17). Ее мессианизм, сосредоточенное духовное делание и мученическая судьба – вопрос общеславянской и европейской будущности: «Zagadnienie mesjanizmu postawione przez filozofię polską jest zagadnieniem słowiańskim; jednocześnie jest ono i zagadnieniem europejskim» (Mickiewicz 1955: X: 415).

Яркое политическое воплощение подобный мессианизм нашел на первом Славянском съезде 1848 г., целью которого была выработка общей позиции славянских народов в обстановке нарастающих революционных движений в Австрийской империи и Европе в целом. Делегации чехов, моравов, силезцев, словаков, русинов, словенцев, хорватов, сербов и далматинцев пытались сформировать программу совместных действий, позволявшую славянам стать самостоятельным политическим субъектом империи и сопротивляться австрийскому и венгерскому влиянию. Противником этого умеренного австрославизма выступила польская делегация, нацеленная на поиск союзников в деле восстановления Речи Посполитой (Дьяков 1998). Для поляков съезд стал, по сути, удобной трибуной для пропаганды среди родственных народов без стремления учесть их интересы. «Zjazd pragski, – как писал в своем отчете Е. Морачевский, – uważać należy za niezmiernie ważny iak dla Polaków, jak dla Słowiańszczyzny, a wreszcie i dla sprawy wolności ludów europejskich. Na nim Polacy odkryli wielkiego sprzymierzeńca ku odzyskaniu swój niepodległości <...>; Słowiańszczyzna bardziej zachodnia i południowa otworzyła sobie przez Polskę kanał do poznania dróg wolności i niepodległości, do wciągania idei demokratycznej i republikańskiej w celu utworzenia Rzeczypospolitej skonfederowanej» (Moraczewski 1848: 23).

Польский мессианизм находил разные воплощения в конструировании национальной идентичности и стратегиях взаимодействия со

славянскими народами. Из него выростали и консервативно-мистические концепции (Зигмунт Красиньский), и демократические (Аугуст Цешковский), в том числе революционные идеи (Шимон Токаржевский, Ярослав Домбровский), он допускал сближение и с воззрениями славянофильства, и с австрославизмом, и с иллюризмом, в качестве союзников могли рассматриваться власти и России (Станистав Сташиц), и, в меньшей степени, Германии, и Австро-Венгрии (группа Отель Лямбер, краковские консерваторы), но центральная тенденция его пережила эпохи и позволила превратить в конечном итоге утопический идеал в политическую реальность – в восстановление польской государственности в ходе Первой мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

Балуев 2001 - *Балуев Б.П.* Споры о судьбах России. Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь: Издательский дом «Булат», 2001. 415 с.

Васильев 2007 - *Васильев А.Г.* Сарматизм: исторический миф и его роль в формировании польской национальной идентичности // Диалог со временем. 2007. Вып. 21. С. 184-215.

Гуральник 1972 - *Гуральник У.А.* Достоевский, славянофилы и «почвенничество» // Достоевский – художник и мыслитель. М.: Худ. лит., 1972. С. 427-462.

Данилевский 1991 - *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.

Досталь 1990 - *Досталь М.Ю.* Об элементах романтизма в русском славяноведении второй трети XIX века (по материалам периодики) // Славяноведение и балканистика в отечественной и зарубежной историографии. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1990. С. 4-116.

Достоевский 1984 - *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 26. 518 с.

Достоевский 1990 - *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1990. Т. 30. Кн. 2. 430 с.

Дьяков 1998 - *Дьяков В.* Поляки на Славянском съезде 1848 г. // Славянское движение XIX-XX веков: Съезды, конгрессы, совещания, манифесты, обращения. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1998. С. 49-56.

Егоров 1994 - *Егоров Б.Ф.* О национализме и панславизме славянофилов // Славянофильство и современность. М.: Наука, 1994. С. 23-32.

Кирдан 1974 - *Кирдан Б.П.* Собиратели народной поэзии: из истории украинской фольклористики XIX в. М.: Наука, 1974. 278 с.

Кирчів 2006а - *Кирчів Р.* Початки наукового зацікавлення українським фольклором (збирання і вивчення) // Народна творчість та етнографія. 2006. № 1. С. 58-64.

Кирчів 2006б - *Кирчів Р.* Початки наукового зацікавлення українським фольклором (збирання і вивчення) // Народна творчість та етнографія. 2006. № 2. С. 27-36.

Ламанский 1892 - *Ламанский В.И.* Три мира Азийско-Европейского материка. СПб.: Типография А.И. Траншеля, 1892. 127 с.

Лескинен 2002 - *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М.: Институт славяноведения РАН, 2002. 178 с.

Липатов 1995 - *Липатов А.В.* Славянская общность: историческая реальность и идеологический миф // Павел Йозеф Шафарик (к 200-летию со дня рождения). М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 86-101.

Малаш-Аксамитова 1967 - *Малаш-Аксамитова Л.А.* Доленга-Ходаковский (Адам Чарноцкий) и его наследие. Wrocław, 1967. 183 с.

Мырикова 2004 - *Мырикова А.В.* Политические идеи Ф.И. Тютчева. М.: Современные тетради, 2004. 135 с.

Прокудин 2007 - *Прокудин Б.А.* Идеи славянского единства в политической мысли России XIX века. М.: Социально-политическая мысль, 2007. 132 с.

Прокудин 2013 - *Прокудин Б.А.* Историческое и геополитическое идеи В.И. Ламанского // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2013. № 2. С. 117-127.

Радун 2011 - *Радун А.А.* Образ России и русской культуры в польской прессе 1868-1905 гг.: автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2011. 19 с.

Рокина 2005 - *Рокина Г.В.* Теория славянской взаимности в истории словацко-русских научных и культурных связей XIX века: дис. ... д-ра ист. наук. Йошкар-Ола, 2005. 381 с.

Срезневский 1887 - *Срезневский И.И.* Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1887. 164 с.

Сухомлинов 1889 - *Сухомлинов М.И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1889. Т. 2. 528 с.

Тютчев 1987 - *Тютчев Ф.И.* Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1987. 448 с.

Французова 2005 - *Французова О.А.* Политический панславизм и идеи всеславянства в Чехии в первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 206 с.

Хомяков 1900 - *Хомяков А.С.* Полное собрание сочинений: В 8 т. М.: Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1900. Т. 4. 420 с.

Чайковский 1895 - *Чайковский М.С.* Записки // Русская старина. 1895. Т. 84, № 11. С. 161-184.

Яковенко 1997 - *Яковенко Н.М.* Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. Київ: Генеза, 1997. 360 с.

Augustyniak 2008 - *Augustyniak U.* Historia Polski. 1572-1795. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2008. 1005 s.

Bardach 1973 - *Bardach J.* Etapy rozwoju ideologii polskiego słowianofilstwa // VII Międzynarodowy Kongres Sławistów w Warszawie. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1973. S. 984-986.

Grzybowski 1978 - *Grzybowski K.* Ojczyzna – naród – państwo. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1978. 194 s.

Jakubowski 2002 - *Jakubowski M.N.* “Narodowe i uniwersalne”. Cztery studia o polskiej filozofii politycznej doby romantyzmu. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 2002. 96 s.

Karagyozov 1998 - *Karagyozov P.* Курс Адама Мицкевича по славянским литературам в Коллеж де Франс в контексте сравнительного славянского литературоведения // *Revue des études slaves*. 1998. Т. 70, № 4. P. 751-770.

Klarnerówna 1926 - *Klarnerówna Z.* Słowianofilstwo w literaturze polskiej lat 1800 do 1848. Warszawa: Kasa im. J. Mianowskiego Instytutu Popierania Nauki, 1926. 302 s.

Kohn 1960 - *Kohn H.* Pan-Slavism. Its History and Ideology. N.Y.: Vintage Books, 1960. 468 p.

Markiewicz 2004 - *Markiewicz M.* Historia Polski. 1492-1795. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2004. 758 s.

Mickiewicz 1955 - *Mickiewicz A.* Dzieła w 16 t. Warszawa: Czytelnik, 1955.

Polska myśl 1964 - *Polska myśl filozoficzna. Oświecenie. Romantyzm.* Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964. 497 s.

Moraczewski 1848 - *Moraczewski J.* Opis Pierwszego Zjazdu Słowiańskiego. Poznań: Nakładem N. Kamińskiego i Spółki, 1848. 125 s.

Sikora 1973 - *Sikora A.* Antypody romantycznego mesjanizmu – “filozofia absolutna” Hoene-Wrońskiego i mistyka Towiańskiego // *Polska myśl filozoficzna i społeczna 1831-1863.* Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1973. T. 1. S. 105-215.

Tazbir 1978 - *Tazbir J.* Kultura szlachetką w Polsce. Rozwój, upadek, relikty. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1978. 233 s.

Wodzyńska 1976 - *Wodzyńska M.* Adam Mickiewicz i romantyczna filozofia w Collège de France. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1976. 280 s.

Wyczański 1973 - *Wyczański A.* Uwagi o ksenofobii w Polsce w XVI wieku // *Swojskość i cudzoziemszczyzna w dziejach kultury polskiej.* Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1973. S. 68-79.

REFERENCES

Baluev, B.P. (2011) *Spory o sud'bakh Rossii. N.Ya. Danilevskiy i ego kniga "Rossiya i Evropa"* [The debate about the fate of Russia. N.Y. Danilevsky and his book "Russia and Europe"]. Tver: Bulat.

Vasilyev, A.G. (2007) Sarmatism: historical myth and its role in shaping Polish national identity. *Dialog so vremenem – Dialogue with Time*. 21. pp. 184-215.

Guralnik, U.A. (1972) Dostoevskiy, slavyanofily i "pochvennichestvo" [Dostoevsky, the Slavophiles and "pochvennichestvo"]. In: Lomunov, K.N. (ed.) *Dostoevskiy – khudozhnik i myslitel'* [Dostoevsky – the artist and thinker]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 427-462.

Danilevskiy, N.Ya. (1991) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Kniga.

Dostal, M.Yu. (1990) Ob elementakh romantizma v russkom slavyanovedenii vtoroy treti XIX veka (po materialam periodiki) [About the elements of romanticism in Russian Slavic Studies of the late 19th century (based on periodicals)]. In: Robinson, M.A. (ed.) *Slavyanovedenie i balkanistika v otechestvennoy i zarubezhnoy istoriografii* [Slavic and Balkan studies in the domestic and foreign historiography]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies AS USSR. pp. 4-116.

Dostoevsky, F.M. (1984) *Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vols.]. Vol. 26. Leningrad: Nauka.

Dostoevsky, F.M. (1990) *Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vols.]. Vol. 30. Leningrad: Nauka.

Dyakov, V. (1998) Polyaki na Slavyanskom s'ezde 1848 g. [The Poles on the Slavic Congress in 1848]. In: *Slavyanskoe dvizhenie XIX-XX vekov: S'ezdy, kongressy, soveshchaniya, manifesty, obrashcheniya* [The Slavic movement of the 19th–20th centuries: congresses, meetings, manifestos, appeals]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies AS USSR. pp. 49-56.

Egorov, B.F. (1994) O natsionalizme i panslavizme slavyanofilov [About nationalism and Pan-Slavism of the Slavophiles]. In: Egorov, B.F. & Kotelnokov, V.A. (eds) *Slavyanofil'stvo i sovremennost'* [Slavophilism and modernity]. Moscow: Nauka. pp. 23-32.

Kirdan, B.P. (1974) *Sobirатели народной поэзии: из истории украинской фольклористики XIX в.* [Collectors of folk poetry in the history of Ukrainian folklore studies of the 19th century]. Moscow: Nauka.

Kirchiv, R. (2006) Pochatki naukovogo zatsikavlennya ukraïns'kim fol'klorom (zbirannya i vivchennya) [The beginnings of scientific interest in Ukrainian folklore (collection and study)]. *Narodna tvorchist' ta etnografiya*. 1. pp. 58-64.

Lamanskiy, V.I. (1892) *Tri mira Aziysko-Evropeyskogo materika* [Three worlds of the Asian-European continent]. St. Petersburg: A.I. Transhel.

Leskinen, M.V. (2002) *Mify i obrazy sarmatizma. Istoki natsional'noy ideologii*

Rechi Popolitoj [Myths and images of Sarmatism. The origins of the national ideology of the Rzeczpospolita]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS.

Lipatov, A.V. (1995) *Slavyanskaya obshchnost': istoricheskaya real'nost' i ideologicheskij mif* [The Slavic community: historical reality and ideological myth]. In: Smirnov, L.N. (ed.) *Pavel Yozef Shafarik (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Pavol Jozef Šafárik (to the 200th anniversary)]. Moscow: Institute of Slavic and Balkan Studies RAS. pp. 86-101.

Malash-Aksamitova, L.A. (1967) *Dolenga-Khodakovskiy (Adam Charnotskiy) i ego nasledie* [Zorian Dołęga Chodakowski (Adam Czarnocki) and his legacy]. Wrocław.

Myrikova, A.V. (2004) *Politicheskie idei F.I. Tyutcheva* [Political ideas by F.I. Tyutchev]. Moscow: Sovremennye tetradi.

Prokudin, B.A. (2007) *Idei slavyanskogo edinstva v politicheskoy mysli Rossii XIX veka* [Ideas of Slavic unity in the political thought of Russia in the 19th century]. Moscow: Sotsial'no-politicheskaya mysl'.

Prokudin, B.A. (2013) *Istoriосоfskie i geopoliticheskie idei V.I. Lamanskogo* [Historiosophical and geopolitical ideas by V.I. Lamansky]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki – Herald of Moscow University. Series 12. Political Sciences.* 2. pp. 117-127.

Radun, A.A. (2011) *Obraz Rossii i russkoy kul'tury v pol'skoy presse 1868–1905 gg.* [The image of Russia and Russian culture in the Polish press of 1868–1905]. Abstract of Culturology Cand. Diss. Moscow.

Rokina, G.V. (2005) *Teoriya slavyanskoj vzaimnosti v istorii slovatsko-russkikh nauchnykh i kul'turnykh svyazey XIX veka* [The theory of Slavic reciprocity in the history of Slovak-Russian scientific and cultural relations of the 19th century]. History Doc. Diss. Yoshkar-Ola.

Sreznevskiy, I.I. (1887) *Mysli ob istorii russkogo yazyka i drugikh slavyanskikh narechij* [Thoughts about the history of the Russian language and other Slavic dialects]. St. Petersburg: V.S. Balashev.

Sukhomlinov, M.I. (1889) *Issledovaniya i stat'i po russkoy literature i prosveshcheniyu* [Studies and articles on the Russian literature and Enlightenment]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.

Tyutchev, F.I. (1987) *Polnoe sobranie stikhotvorenij* [Complete Poems]. Leningrad: Sovetskij pisatel'.

Frantsuzova, O.A. (2005) *Politicheskij panslavizm i idei vseslavyanstva v Chekhii v pervoy polovine XIX veka* [Political Pan-Slavism and ideas of "pan-Slavism" in Czechia in the early 19th century]. History Cand. Diss. Moscow.

Khomyakov, A.S. (1900) *Polnoe sobranie sochineniy: V 8 t.* [Complete Works: In 8 vols.]. Vol. 4. Moscow: I.N. Kushnerev i K°.

Chaykovskiy, M.S. (1895) *Zapiski* [Notes]. *Russkaya starina.* 84 (11). pp. 161-184.

Yakovenko, N.M. (1997) *Naris istorii Ukraïni z naydavnishikh chasiv do kintsya XVIII stolittya* [The Essay on the history of Ukraine from ancient times to the 18th century]. Kiïv: Geneza.

Augustyniak, U. (2008) *Historia Polski. 1572–1795* [History of Poland. 1572–1795]. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe PWN.

Bardach, J. (1973) [Stages of development of Polish Slavophilism]. *VII Międzynarodowy Kongres Słowistów w Warszawie* [The 7th International Slavic Congress in Warsaw]. Warsaw: Państwowy Instytut Wydawniczy. pp. 984–986.

Grzybowski, K. (1978) *Ojczyzna – naród – państwo* [Homeland – Nation – State]. Warsaw: Państwowy Instytut Wydawniczy.

Jakubowski, M.N. (2002) *“Narodowe i uniwersalne”. Cztery studia o polskiej filozofii politycznej doby romantyzmu* [“National and universal”. Four studies of Polish political philosophy of romanticism.]. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika.

Karagyozov, P. (1998) Kurs Adama Mitskevicha po slavyanskim literaturam v Kollezh de Frans v kontekste sravnitel'nogo slavyanskogo literaturovedeniya [The course of Adam Mickiewicz on Slavic literature at the College de France in the context of comparative Slavic literary]. *Revue des études slaves*. 70(4). pp. 751–770.

Klarnerówna, Z. (1926) *Słowianofilstwo w literaturze polskiej lat 1800 do 1848* [Slavophilism in Polish literature in 1800–1848]. Warsaw: Kasa im. J. Mianowskiego Instytutu Popierania Nauki.

Kohn, H. (1960) *Pan-Slavism. Its History and Ideology*. New York: Vintage Books.

Markiewicz, M. (2004) *Historia Polski. 1492–1795* [The History of Poland. 1492–1795]. Kraków: Wydawnictwo Literackie.

Mickiewicz, A. (1955) *Dzieła w 16 t* [Works in 16 vols.]. Warsaw: Czytelnik.

Hinz, H. & Sikora, A. (eds) (1964) *Polska myśl filozoficzna. Oświecenie. Romantyzm* [The Polish philosophical thought. Enlightenment. Romanticism]. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

Moraczewski, J. (1848) *Opis Pierwszego Zjazdu Słowiańskiego* [Description of the First Slavic Congress]. Poznan: Nakładem N. Kamińskiego i Spółki.

Sikora, A. (1973) Antypody romantycznego mesjanizmu – “filozofia absolutna” Hoene-Wrońskiego i mistyka Towiańskiego [The antipodes of romantic messianism – “philosophy of absolute” of Wroński and mysticism of Towiański]. In: Walicki, A. (ed.) *Polska myśl filozoficzna i społeczna 1831 – 1863* [The Polish philosophical and social thought from 1831 to 1863]. Vol. 1. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. pp. 105–215.

Tazbir, J. (1978) *Kultura szlachetką w Polsce. Rozwój, upadek, relikty*. Warsaw: Wiedza Powszechna.

Wodzyńska, M. (1976) *Adam Mickiewicz i romantyczna filozofia w Collège de France* [Adam Mickiewicz and romantic philosophy at the Collège de France].

Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

Wyczański, A. (1973) Uwagi o ksenofobii w Polsce w XVI wieku [Notes on xenophobia in Poland in the 16th century]. In: Stefanowska, Z. (ed.) *Swojskość i cudzoziemszczyzna w dziejach kultury polskiej* ["Us" and "Them" in the history of Polish culture]. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. pp. 68-79.

Киселев Виталий Сергеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.

Kiselev Vitaly – Tomsk State University (Russia).

E-mail: kv-uliss@mail.ru

УДК 94(4)

UDC

DOI 10.17223/18572685/41/9

СЛАВЯНСКАЯ ВЕРСИЯ ИДЕИ «ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ»: ЧЕСЛАВ МИЛОШ*

Т.Л. Рыбальченко

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: talery.48@mail.ru

Авторское резюме

Статья посвящена интерпретации идеи «Центральной Европы» как культурогенного пространства славянских народов в Европе в эссеистике польского поэта, лауреата Нобелевской премии Ч. Милоша. Культурная идентификация славянских народов в центре Европы, оказавшихся в XX в. в сфере влияния тоталитарных политических и идеологических систем, остается актуальной в условиях глобализма современной цивилизации. Выявляется концепция европеизма культуры малых славянских народов (прежде всего польской культуры) на основе римской ветви христианства, в отличие от русской культуры, в которой выразились традиции гностицизма, обусловившего радикальное отношение к человеку и миру. Милош опровергает миф о России как варварской или азиатской стране, обнаруживая мировоззренческие основы российской цивилизации: универсализм, максимализм, упование на общечеловеческую истину и общее спасение, принятие жертвы во имя достижений абсолюта и пр. В статье обосновывается милошевская концепция Европы как свободного союза разных малых этносов с разными языками и традициями. Доказывается, что Милош опирается не на политическую идею «Срединной Европы» Ф. Номанна, а на концепцию «Европы отчизн» С. Винценца, союза «małych kraików» – «малых родин». Милош отстаивает значение «малой родины» как влияние природной («теллурическое») многокультурной среды, дающее личностное укоренение в мировых культурах. Страны Центральной Европы, исторически оказавшиеся на пересечении культур и ставшие жертвами имперских амбиций разных государств в различные периоды истории Европы, продолжают сохранять традиции собственной культуры в поликультурной среде. Общие религиозные ценности и опыт совместного существования нейтрализуют националистические притязания. Милош видит миссию малых славянских стран в Центре Европы в соединении разных культурных традиций и в трансляции европейских традиций в большой мир. В посткоммунистической Европе славянские народы призваны стать хранителями традиций высокой культуры, защищающей от унификации и смешения культур.

Ключевые слова: Чеслав Милош, европейская культура, русская цивилизация, малая родина, личностная культурная самоидентификация.

* Работа выполнена в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

SLAVIC VERSION OF THE IDEA OF “CENTRAL EUROPE”: CZESLAW MILOSZ*

T.L. Rybalchenko

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: talery.48@mail.ru

Abstract

The article discusses the idea of “Central Europe” as a culture-generating space of Slavic peoples in Europe in the essays of the Polish poet, a Nobel Prize winner Czeslaw Milosz. The cultural identification of the Slavs in the center of Europe, who found themselves in the sphere of influence coming from totalitarian political and ideological systems (German and Russian totalitarianism; fascist and communist ideologies) is still relevant within the context of the globalism of the modern civilization. The conception of Europeism of the culture of minor Slavic nations, Polish in particular, formed on the basis of the Roman branch of Christianity is contrasted with Russian culture following the traditions of Gnosticism that formed a radical attitude to man and the world. At the same time, Milosz debunks the myth about Russia as a barbarous and Asiatic culture while finding the ideological principles of Russian civilization: universalism, maximalism, hope for universal truth and salvation, accepting a sacrifice for the sake of the Absolute, and others. The article discusses the sources of Milosz’s conception of Europe as a free union of different minor ethnicities with different languages and traditions. Milosz’s idea is shown to go back not to the political idea of “Central Europe” (Friedrich Neumann’s “Mitteleuropa”, 1915), but to the conception of Stanislav Vincenz’s “Europe of Homelands,” i.e. the union of “malych kraikow” – “minor homelands”. Milosz insists on the meaning of the “minor homeland” as a factor of natural and polycultural social milieu that provides a personal place in world cultures in the native cultural space. The right for the personal cultural identification is given by the states that are not based on the principle of monoculture (Vilnius and Polish-Lithuanian Commonwealth are examples, according to Milosz). The countries of Central Europe located on the crossing of cultures and fallen to the imperial ambitions of different states during different periods of history, have been keeping the traditions of their own culture in a polycultural milieu. Milosz believed that the mission of minor Slavic states in the center of geographical Europe is to join different cultural traditions and translate European traditions to the global world. If during the period of communist dictatorship the countries that became a part of “Eastern Europe” were forced to be oppositional to Russian culture as that of empire and defend their right to develop their own national and European traditions, in post-communist Europe, the Slavs were to become the keepers of high culture traditions on guard against the unification and mingling of cultures coming with the civilization of multi-culturalism. One of the missions of Slavic peoples is to become a mediator between Western Europe and Russia that passes the experience of high Russian culture (first of all, Russian 19th-century literature) to the European tradition.

Keywords: Czeslaw Milosz, European culture, Russian civilization, minor homeland, personal cultural identification.

В современной политической конфронтации Европы с Россией полезно обратиться к предшествующим периодам драматических связей Восточной и Западной Европы, прежде всего к той исторической ситуации, которая непосредственно предшествовала современной, а

* This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

именно к положению, когда Восточная Европа включала государственное объединение славянских народов под эгидой социалистической (коммунистической) идеологии. То, что политическое объединение не было органичным, показал его распад вследствие ослабления усилий новой России сохранить союз славянских народов после развала Советского Союза. Нового свободного объединения стран Восточной Европы не возникло, в том числе и по причине негативного отношения культурной элиты к идее объединения на основе славянской идентичности. Поэтому стоит обратиться к самоидентификации национальных славянских культур, предложенной их авторитетными представителями в советскую эпоху, и в них искать как основания для отказа от культурной идентичности с русской культурой, так и истолкование этнокультурных схождений для выстраивания будущего пространства славянской культуры в глобальной современной цивилизации.

Чеслав Милош (1911-2004) может быть отнесен к числу признанных авторитетов в области не только литературы, но культуры в целом: польский поэт и эссеист, нобелевский лауреат (1980); его жизненный опыт определялся прихотливой историей Европы в XX в.; его политическое и творческое самоопределение совершалось не конъюнктурой, но основательным знанием той социокультурной среды, куда он входил или от которой он отдалялся при несовпадении его личных ценностей с ценностями социума. При этом Милош заявлял о своих позициях, к каким бы последствиям для него это ни могло привести, а его идеи подхватывались интеллигенцией Европы, деформировались, как это часто случается. Одной из таких идей, взятой на вооружение диссидентской интеллигенцией Восточной Европы 1970-1980-х гг., была идея «Центральной Европы» как культурного феномена XX в., ставшего буфером между Западной (неславянской) Европой и Советской Россией как особой цивилизацией. В 1988 г. в Лиссабоне на встрече писателей Центральной Европы с русскими писателями (советскими и эмигрантами) идея «Центральной Европы» не была принята именно русскими писателями не только по причине отторжения русской культуры от европейской, но и в связи с неоднозначностью самоидентификации писателя, одновременно существующего в контексте мировой и одновременно национальной, провинциальной культуры (Лиссабонская... 2005).

Идея «Центральной Европы» сформулирована в эссе чешского писателя М. Кундера «Украденный запад, или Трагедия Центральной Европы» (*The Stolen West or the Tragedy of Central Europe*, 1983), опубликованном в 1984 г. (Кундера 1984). Хотя М. Кундера впоследствии не соглашался на перепечатывание эссе, но неоднократно обращался к идее «Центральной

Европы» как особого культурного единства разных наций в искусстве XVII – первой половины XX в. (время барокко, бидермайера, неавангардного модернизма в романах первой половины XX в.: Ф. Кафки, Р. Музиля, Я. Гашека, Г. Броха, В. Гамбровича; например, в сборнике эссе «Занавес» искусство стран Центральной Европы предстает как зеркало европейской культуры и ее «лаборатория заката» в XX в. (Кундера 2014). Центральная Европа, будучи семьей малых наций, лишена агрессивности, ей свойственна «мудрость «иронического духа»»), связанного с недоверием истории, которой существование малой нации «в любой момент может быть поставлено под сомнение». В этом отношении к истории источник особой культуры, спасительной для современной Европы, нарушившей принцип сосуществования культур.

Исторически Центральная Европа сосредоточила на небольшой территории многообразие культур «на основе единственного правила – максимального разнообразия при минимальных размерах. Россия <...> основана на прямо противоположном принципе минимального разнообразия при максимальных размерах» (Кундера 1984). Раздел Европы привел к тому, что культура малых наций оказалась под контролем Советской России (была украдена у Европы), а причиной была «идеология славянского мира», принятая как «защита от германской агрессии», использованная для оправдания имперских планов. «Центральная Европа – это не государство: это особая культура или судьба»; культура малых наций, политических аутсайдеров, лишенная агрессии, сформировала «мудрость иронического духа», источник их культуры в новое время. После раздела Европы не только она оказалась без культурогенного пространства малых славянских народов, но и их культурное пространство лишилось поликультурной основы для развития. Кундера отстаивал идею культурной и национальной толерантности государства, которая способствует естественному культурному взаимовлиянию как условию развития вне национальной изоляции. Как пример Кундера называет полинациональный союз в Австро-Венгрии. Кундера возражал против сближения своих идей с идеей «Срединной Европы» (Mitteleuropa) Ф. Науманна, рожденной в условиях Первой мировой войны как программы геополитического усиления Европы в противостоянии «Востоку». Важно, что Кундера ссылался на Ч. Милоша, утверждавшего ставшую «другой», «восточной» славянскую часть Европы как часть Западной Европы, «родной Европы». Так называется книга Ч. Милоша 1958 г., написанная им в эмиграции во Франции и полностью не переведенная на русский язык до 2011 г. (Милош 2011а); в Польше книгу напечатали в 1981 г. на волне социального протеста, в преддверии «Солидарности».

В отличие от эссе Кундеры, политической декларации, инвективы, адресованной Европе, книга Ч. Милоша – это аналитическая книга, хотя тоже обращена к Западной Европе: название «Родная Европа» относится именно к Западной Европе, которую Милош утверждает как «родную», вопреки тому, что европейцы воспринимают ее как «другую» Европу, славянскую, Восточную, сближая с Советской Россией. «Rodzinna Europa» можно перевести как европейская семья (пол. *rodzinna* – семья), к которой Милош причисляет Польшу и другие славянские страны, оказавшиеся в Европе между двумя империями – германской и российской: «...я решил написать книгу о восточноевропейце <...> который хуже, чем кто бы то ни было, умещается в стереотипные категории немецкого порядка и российской *âme slave*» (Милош 2011: 13). В книге уточняется, что Европа стала отделять от себя восточные страны с XVIII в., забывая об исторической миссии «окраинных» славянских стран быть двунаправленной границей между Европой и не-Европой.

Отличает книгу Милоша от эссе Кундеры ее автобиографическая основа, опора на личный опыт восприятия разных эпох и культур в меняющихся исторических обстоятельствах XX в. Милош родился на территории, принадлежавшей России, знал русский язык, познакомился с Россией во время переездов семьи за отцом, служившим инженером в Российской империи (в книге воспроизведены картины Первой мировой войны и революции в России, увиденные глазами ребенка: главы «Место рождения», «Путешествие в Азию», «Война», «Десять дней, которые потрясли мир»). Образование Милош получил в Вильно, до 1939 г. принадлежавшем Польской Республике, в многонациональном городе, хранившем традиции Речи Посполитой, исторического равного союза малых наций Европы. Об атмосфере города как образце культурной толерантности (польской, литовской, русской, еврейской культур), способствующей естественному самоопределению личности («формы существования» для молодого Милоша), он пишет не только в главах «Родной Европы» («Город молодости», «Католическое воспитание», «Национальности», «Марксизм»), но и в переписке 1978 г. с Т. Венцлова, чьим родным городом был Вильнюс (Милош 2001а). До войны Милош познакомился с Францией и эмигрировал туда из социалистической Польши. После десятилетней эмиграции во Францию Милош два десятилетия прожил в США и вернулся в новую Польшу. Идеи «Родной Европы» уточнялись в его поздней эссеистике, но не отвергались. Об этом свидетельствует двухтомник, собранный Б. Торунчик, - «Россия – трансатлантические видения» (2011), сделавший доступными высказывания Милоша не только о России, но и о славянской культуре Центральной Европы (Milosz 2011).

Есть основание воспринимать милошевскую идею европейской миссии славянских государств в аспекте экзистенциальных, а не политических или этнических идей. Главное, что отличает идею «Центральной Европы» у Милоша, в отличие от идеи «Центральной Европы» у Кундеры, – утверждение значимости не государственного образования, а малого культурного пространства для личностного самоопределения человека. Политическая система влияет на культурную ориентацию художников, но важнее самоопределение личности в поликультурном пространстве пересечения множества традиций, тогда родная культура не отделяет, а выводит в большое пространство культуры, дав опору самоопределения.

В «Родной Европе» Милош дает экскурс истории Европы (и Польши) как естественное соединение разных национальных образований после конца античной цивилизации на основе христианских идей. Однако религиозная основа оценивается Милошем не церковными институтами, но общим мироотношением. Католический вариант христианства важен как фундамент отношения к земной реальности и человеку: божественное не отвергает земного, напротив, утверждает необходимость внимания к земной реальности, человеческой личности, участию в оформлении частного пространства жизни каждым человеком. Это способствует развитию культуры как возделыванию жизни, созданию материальных и духовных ценностей. Отсюда вытекает и западноевропейский принцип сосуществования разных этносов, не кровное родство, не имперское подчинение одной нацией других, но соединение разных этносов по близости духовных установлений. Прусский имперский принцип постоянно угрожал малым нациям, но вплоть до XVII в. возникали союзы, подобные польско-литовской унии, Речи Посполитой, в которой государственное устройство не подчиняло одну культуру другой. В период Реформации малые нации пережили тенденцию к национальному обособлению, но национализм, например польские шляхетские имперские устремления, сдерживался католическими принципами.

Европейский тип культуры, в которой развивались славянские страны Центральной Европы, Милош показывает в «Родной Европе», сравнивая с Россией, которая понимается им как неевропейская цивилизация. Милош не считает Россию азиатской страной, хотя следы многовековой зависимости от монголо-татарской цивилизации заметны. Он выдвигает как причину особой российской ментальности именно религиозные представления, объясняющие характер мироотношения. Милош находит корни византийского православия в сектантских ветвях раннего христианства, в гностицизме: отношении к земной жизни как радикально противоположной божественным законам. Понимание тотальности

греха на земле объясняет нежелание возделывать действительность; понимание неизбывной греховности объясняет принятие насилия над человеком; признание собственной греховности побуждает не к совершенствованию, а к принятию наказания, предрасположенности к рабству перед земной юдолью.

Тоталитарность русского сознания связывается Милошем не столько с дикостью или чувством этнического превосходства, сколько с идеей «спасения всех и разом». Спасение – не результат усилий людей, а чудо, проистекающее от высших сил, в таком случае нация исполняет высшую волю, спасаясь сама и спасая другие народы.

Милош, испытавший в юности притягательность марксизма, объясняет причину, почему именно в России марксизм стал господствующей идеологией. Русские, по мнению Милоша, восприняли в гегельянской идее истории как движения к абсолюту проявление метафизической силы, которой должен подчиниться человек, меняя, отвергая мир во зле, а не улучшая созиданием того, что создано раньше. Неуважение к себе самому и каждому, заведомое понимание неизбежности зла в условиях социальной жизни побуждают к странности зла, совершаемого русскими. Все пишущие о взглядах Милоша на русскую цивилизацию цитируют сцену из «Родной Европы», когда русские солдаты, мирно и сочувствуя общаются с пленным немцем, чтобы потом расстрелять его: без мстительного энтузиазма, но и без мук совести, не из подчинения, а по убеждению в праве исполнить высшее наказание. Милош не демонизирует русское сознание, не следует мифам об азиатском коварстве, а возможность нарушения этических норм объясняет убежденностью в том, что каждый имеет грехи, за которые может быть наказан.

В книге Милоша Россия – «другая», но христианская страна, ее историческая миссия, как и миссия других славянских стран, быть границей христианской культуры. Но для Европы Россия опасна именно мессианскими претензиями, перерастающими в имперские действия, подавление малых наций. В таком случае особая миссия Польши и славяно-балтийских наций – быть посредником между Россией и Западом: проводником (не навязыванием) европейской культуры, как это было с XVII в., когда шляхетская культура, воспринявшая французскую культуру, познакомила Россию с Новым временем. Затем Россия сама искала смыслы европейской культуры в других национальных вариантах и к XIX в. сделала мощный рывок, создав высокую культуру словесности (в философии и литературе).

Милош, говоря о страхе перед Россией, предостерегает ее от демонизации, от страха перед русским отношением к миру. Страх перед

вниманием русской культуры к разгадыванию зла лишает европейцев объемного понимания мира. Однако критическое изложение Милошем мифов о России как в «Родной Европе», так и в эссеистике нередко принимается за изложение собственных взглядов Милоша. Так, статья М. Гроховской в «Gazeta Wyborcza» (Гроховска 2012) о двухтомнике Ч. Милоша «Россия – трансатлантические видения» (Milosz 2011) называется «Чеслав Милош: «Добро – это мы, зло – это Россия»», в то время как Милош формулирует в этом выражении существующий миф, предупреждая от него мыслящих людей, должных избегать мифологической абсолютности разделения добра и зла.

Пограничное положение Польши и других стран Центральной Европы дает им особую миссию – сохранение традиций высокой европейской культуры. В советскую эпоху эта миссия связывалась с противостоянием коммунистическому империализму, в годы жизни в США и в постсоветские годы Милош говорит о миссии сбережения европейских традиций в глобализованном мире, куда устремилась и Западная Европа. Польша всегда была «кассандрой», предупреждающей «родную Европу» об экспансии чуждой культуры, теперь страны Центральной Европы должны предупреждать и прилагать усилия сопротивляться тоталитаризму массовой культуры, грозящей унификацией. Милош видит эту опасность не только в трансатлантической цивилизации, но и в новой России, капитулировавшей перед западными утилитарными ценностями.

В лекциях, прочитанных в Гарвардском университете в 1981 г., Милош предупреждал: «Мы находимся на пути к унификации нашей планеты: это унификация посредством единой повсюду науки и техники. Происходит так вследствие победы одной цивилизации, той, которая родилась на небольшом западноевропейском полуострове» (Милош 2013: 110). Именно культура, а не религия в современном мире призвана дать мировоззренческую ориентацию, ибо следование религиозным догмам останавливает современного человека от необходимости разбираться в сложности бытия. Об этом он писал в книге «Видения на заливе Сан-Франциско» (1969): современная цивилизация, казалось бы, обращается к религии как к спасению от мировоззренческого релятивизма: «перед лицом распада традиционных норм мы ведем себя так <как если бы> все, чему учит религия, стражница тайны, было истинно. Люди приостанавливают свою способность рассуждать и поют вместе с другими песнопения в храме, причем главной опорой оказывается сомнение в своей способности самому распутать столь сложные вещи» (Милош 20016).

В сохранении традиций европейской культуры важна опора на вклад России в мировую культуру: в течение трех столетий, вобрав опыт Европы,

Россия создала свой роман - мыслительную и художественную форму, которой нет аналога не только в польской литературе. Русский роман XIX века стал бесстрашным прорывом в познании бытия. Сказалось внимание русских к тому, что за пределами нормы, к познанию зла, то, что «пугает» самого Милоша в русской литературе, но он отдает честь бесстрашию русских в открытии тайн и противоречий окружающего мира. В статьях о русской литературе, прежде всего о Достоевском, как прорыв за пределы эмпирической реальности высоко оценивается иррациональность, мистицизм русской литературы – следствие устремленности за пределы греховной реальности и максимализма претензий к божественному замыслу.

В эссе «Достоевский и Сведенборг» (1971) Милош пишет, что «культурное запаздывание России сделало русскую интеллигенцию открытой для внезапного нашествия европейской научной мысли, столетия которой оказались спрессованы в несколько десятилетий. Поэтому Достоевский как религиозный мыслитель во многом близок к религиозным мыслителям Запада, которые задолго до него пытались противостоять разъедающей напасти научных открытий. <...> для Достоевского неприемлем Век Просвещения, воплощенный в Вольтере» (Милош 1999). Милош прочитывает Достоевского как выразителя русского гностицизма: «Вопрос о двух природах Христа [*человеческое и божественное.* – Т.Р.] лежит в основе всего творчества Достоевского, он же предопределяет и его переход от социалистической утопии к национальной» (Милош 1999). Хотя Милош замечает склонность Достоевского к национальному мессианизму: «В бунте Достоевского ощутима подчеркнутая, преувеличенная моральная чувствительность: миропорядок должен быть отвергнут, поскольку оскорбляет нравственное чувство человека, ведь мир полон страданий и смертей живых существ, беспрестанно мучающих друг друга. Такому природному порядку предназначен противостоять идеальный человек Христос. Но, к несчастью, для бунтовщиков он всего лишь человек, ошибки которого тоже предстоит исправить, отсюда – логическое заключение о неизбежном пришествии Человекобога» (Милош 1999).

В русской литературе «культурное отставание» проявилось как преимущество учитывать открытия, которые были сделаны в Европе, но избежать повторения, схоластики. Неигровая русская философия позволяла себе не придерживаться «правил игры» и тем выводила упорядоченность европейской философии к современным открытиям. В эссе о Л. Шестове Милош так оценивает русскую философию: «никакого богословия и никакой схоластической философии в прошлом, <...> зато тьма философствующих, причем страстно философствующих, каждый на

свой лад. Шестов был образованным человеком, но он был лишен той гладкой доктринальности, которую так искусно воспитывают западно-европейские университеты; он не боялся нарушить правила игры <...> эта свобода и есть как раз то, что превращает его мысль в подарок для людей в отчаянном положении...» (Милош 1992: IV). Литература в России была свободна от правил и потому говорила не только то, что принято, это важно вобрать в европейскую культуру, где периодически возникает опасность имперской идеологии или толерантности демократизма, останавливающей интеллектуалов перед «последними вопросами».

Итак, в современном мире человечество спасет не религия (их множественность грозит столкновением), а культура с ее возможной вариативностью в поисках смысла жизни. В свою очередь высокую культуру, ищущую смыслы, спасут не изоляционизм малых культур и не мультикультура, не иерархическое смешение культур, а личностный выбор ориентиров человеком на пересечении разных культур, вер, ценностей. В главе «Россия» книги «Родная Европа» Милош пишет: «Я не делю людей на лучших и худших ни по языку, ни по цвету кожи, ни по вероисповеданию и считаю коллективную ответственность разнообразностью преступления. При этом <...> моя симпатия к каждому русскому по отдельности, моя предрасположенность в его пользу» (Милош 2011: 135).

Утверждая неоднократно значение малого природно-культурного пространства, в котором формируется человеческая личность, Милош опирается на личный опыт: в малом пространстве Литвы, которая принадлежала России, затем Польше, сохранилось историческое соседство разных языков и обычаев, кроме того, общая природная среда уравнивает права соседствующих этносов на выбор способа жизни. Оба эти фактора дают возможность индивиду впитывать множество отношений к миру, делать ненасильственный отбор и синтез традиций. Культура, в отличие от государственных идеологий, допускает экзистенциальный выбор духовных и ориентиров, об этом Милош говорил в нобелевской речи: «Прекрасно родиться в малой стране, где природа человечна и соразмерна человеку, где на протяжении столетий сосуществовали друг с другом разные языки и разные религии. Я имею в виду Литву, землю мифов и поэзии. И хотя моя семья уже с XVI века пользовалась польским языком, <...> но пейзажи, а может быть, и духи Литвы никогда меня не покидали. <...> Поэт, который вырос в таком мире, должен быть искателем действительности путем созерцания» (Милош 1999: 11-12).

Когда действительность периодически сметается «демоническими действиями Истории, имеющей все черты кровожадного божества», поэт становится носителем традиций, где бы он ни жил после, спасаясь

от насилия. Таков экзистенциальный опыт самого Милоша, и такова коррекция идеи Центральной Европы в его поздних эссе: в меняющемся мире быть хранителем своего языка при знании множества ценностей.

В письме Т. Венцлову Милош пишет о городе Вильнюсе как «форме духовной жизни»: «город, его архитектура, пейзаж окрестностей, его небо создали нас обоих» (Милош 2001а). Здесь Милош называет важнейшие составляющие культурной ориентации личности в малом пространстве, если оно не изолировано, не монокультурно, а многомерно и многообразно: во-первых, «теллурические» воздействия (влияние самой земли), а во-вторых, дух города, создаваемого многими поколениями, его духовная аура. «Малые места» в Европе – это не автономные крепости, а «перекресток вер, культур, империй»; по выражению Б. Дубина, переводчика «Родной Европы», они открывают путь в большой мир, позволяя органично выбрать вектор развития личности. Центральная Европа дает много примеров таких естественных союзов разных культур, и для Милоша это не государство (Австро-Венгрия, как у Кундеры), а места «*małych kraików*», как Галиция или местечко Ла Комб, где жил польский писатель-эмигрант С. Винценц (1888-1971), делая место своего проживания средоточием общения, «платоновской академией». «Родная Европа» Милоша – синоним «Европы отчизн» Винценца (Милош 1999: 292-305).

Большие государства опасны тенденцией к единообразию, к монокультуре. Хотя передел Европы в ходе войн начался с XVIII в., XX ст. губительно продемонстрировало агрессию имперского национализма – фашизм с его идеей превосходства одной расы, интернационализм с идеей снятия различий, традиций в движении к общей цивилизации. Вот почему Милош настойчиво утверждает идею «малых родин», из которых родилась Европа. В малых топосах культуры имперское и националистическое корректируется иронией, которая остается оружием побужденных стран: «В Литве тамошней языковой и вероисповедной запутанности, <...> эта густота, особенность <...> защищала от обобщений, от т.н. *idées générales*. <...> массовой культуре я тут противопоставляю культуру высокую» (Милош 2008).

Вернувшись в новую Польшу, Милош продолжает говорить о значении центрально-европейских стран как хранителей исторической памяти не для противостояния, а для выявления ценного в прошлом каждой отдельной культурой и каждым отдельным человеком. Только личностное самоопределение преодолевает монокультурность, довольствование малыми сегодняшними потребностями и идеями: «Сегодняшней глобализации сопутствует т. н. массовая культура, <...> начинает создаваться новый тип человека, который живет сегодняшним днем и которого лишь

с трудом можно убедить интересоваться тем, что было когда-то. Между тем историческое сознание – великое сокровище». Милош акцентирует личный выбор «родных» традиций после вбирания объемной и многовековой культуры: в многолетней эмигрантской судьбе «я не перестал писать по-польски и чувствовал себя прочно укорененным в своем языке и своих в высшей степени провинциальных корнях» (Милош 2008).

Вот почему Милош выделяет позицию В. Гомбровича (1904-1969), польского писателя, подвергавшего сатирической деконструкции как национальные польские мифы о себе, так и мифы о европеизме: «Сутью творчества этого писателя была борьба с натиском Запада, понимаемого как необъятное богатство европейской цивилизации. Он задавал себе вопрос, как он, поляк, может устоять перед этим нашествием замечательных умов и талантов. Он, «латинизированный славянин», все культурное прошлое которого было перевариванием мотивов, приходящих с Запада. Но западная цивилизация была старой, и он противопоставлял ей нашу «младшесть», нашу незрелость, именно в ней усматривая бóльшую свежесть и гибкость, освобождающую от господства все новых условностей и форм. <...> Он был за то, чтобы поляк выработал себе независимую позицию, суверенную по отношению к западному престижу, на который работали века» (Милош 2008).

В беседе с журналистом «Новой Польши» 2003 г. Милош, сомневаясь, что религиозные традиции и положения суть спасение от того знания, которое человечество накопило к современной эпохе, заявляет о собственном внимании к гностицизму, заложенному в русской ментальности: «Католичество постоянно ссылается на благодать Бога, но проблемой зла и страдания в том столетии, которое я пережил, нельзя так просто пренебречь. Я не говорю, что я гностик. Я лишь борюсь с этой проблемой, которая, вероятно, не имеет решения. <...> Я большой приверженец Льва Шестова, философа, как и Иосиф Бродский, – это нас очень сблизило» (Милош 2003). Дальше Милош высказывает мнение, что русская литература не избежала национальной мифологизации, но она дала и критическое познание того зла, которое есть и во всем мире, и в русской цивилизации: «Я следил за русской мыслью, читая не только художественную литературу, но и Соловьева, Бердяева, Шестова, и вижу там огромный потенциал, который должен взорваться, раньше или позже заявить о себе. К сожалению, постоянным тормозом остается любовь ко всему русскому, выдвижение его на первое место, выше истины. Эти две силы будут бороться друг с другом – глубина русской души и ее скованность самолюбованием. <...> Я думаю, что причины более глубоки, чем чисто политические. Хаос современного мира – это огромный духовный

кризис во всем, засилье массовой культуры... <...> Мы являемся сегодня свидетелями событий, в глубоких последствиях которых еще не отдаем себе отчета. Быть может, такие парадоксальные и жуткие произведения, как «Москва – Петушки», дают нам один из способов подхода к современному миру» (Милош 2003).

XX ст. расширило границы существования человека, сблизило культуры, и человек мигрирует не только пространственно, но и ментально. Тем важнее задача сохранить личную индивидуальность, быть человеком мира и хранить феноменальную культурную микросреду, которая формировала его ментальность, его духовные ценности.

Милош отвергает антропологические и даже языковые обоснования соединения наций: именно культурные основы определяют существование личности и нации. Он говорит о роли прошлого, а не проектов объединения, но прошлое тоже может разъединять. Так, подозрительное отношение к национальным традициям поляков и русских вызвано, с одной стороны, опытом исторических ошибок (высокомерия, агрессии), с другой – мифами о враждебности разных культур, в то время как современное личностное сознание призвано видеть ценное и опасное как в иной, так и в своей культуре.

Во второй половине XX в. славянским странам, испытывающим влияние русской культуры, бесстрашно разгадывающей зло, иррациональные и хаотические свойства действительности, стоит вобрать опыт русской литературы ради спасения традиций европейской культуры от наступления массовой культуры. Мультикультура отвергается Милошем, взамен провозглашается сосуществование не подавляющих и не смешивающихся культур на малом пространстве европейских территорий, оказавшихся волею истории на пересечении или в соседстве многих традиций. Малые нации в целях самосохранения способны с большим вниманием хранить традиции, не навязывая их другим нациям.

Культура в новое время, после снижения авторитета церкви, сохраняет традиции, сформированный веками тип мироотношения. Поэтому симпатии Милоша на стороне европейской окультуренности, сохраняющей следы католицизма: рационализм, оформленность быта и поведения, личностная ответственность. Сохранение этих принципов становится прерогативой малых наций, так как большие нации Европы опасаются перерождения национальных традиций в имперские и впускают принцип толерантности, опасаясь ценностной иерархии.

Ч. Милош предупреждает, опираясь на опыт не только XX в., что национальное сознание народа может стать как опорой политики имперских притязаний, так и оправданием политики изоляционализма. Поэтому в

его интерпретации важнейшее значение в самоопределении славянских народов в центре Европы имеет культура: исторические традиции «родной» культуры, традиции связи с культурами ставшей «родной» Европы. Они дают возможность ориентации славянских народов в мировой культуре, понимаемой Милошем не как мультикультура, а как переплетение культур. В этом случае любые «другие» культуры, в частности русская составляющая славянской христианской цивилизации, должны входить в круг национального самосознания, позволяя избежать мифологизации «своего» и «чужого». Главное, что отличает концепцию Милоша, – Центральная Европа не политический проект, а живое социокультурное образование, прецеденты которого были в прошлом и возможны в настоящем как союз «малых» родин, создающий «форму существования», условия экзистенциального самоопределения личности.

ЛИТЕРАТУРА

Гроховска 2012 - *Гроховска М.* Чеслав Милош: «Добро – это мы, зло – это Россия». URL: <http://inosmi.ru/poland/20120223/186537802.html> (дата обращения: 21.02.2012).

Кундера 1984 - *Кундера М.* Трагедия Центральной Европы // *The New York Review of Books*. 1984. Vol. 31, № 7. April 26 / Перевод А. Пустогарова на сайте «Проза.ру». URL: <http://www.proza.ru/2005/12/16-142> (дата обращения: 16.06.2015).

Кундера 2014 - *Кундера М.* Занавес. М.: Азбука, 2014. Ч. 2. Die Weltliteratur. URL: http://www.libtxt.ru/chitat/kundera_milan/38981zanaves/5.html (дата обращения: 16.06.2015).

Лиссабонская... 2006 – Лиссабонская конференция по литературе. Русские писатели и писатели Центральной Европы за круглым столом. Стенограмма выступлений / Пер. с англ. Л. Семенова // *Звезда* 2006. № 5. URL: <http://www.magazines.russ.ru/Звезда/2006/5/se8.html> (дата обращения: 16.06.2015)

Милош 1992 - *Милош Ч.* Шестов, или О чистоте отчаяния: вступительная статья / Пер. с франц. С. Муравьева // Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). М.: Гнозис, 1992. С. I-XVI.

Милош 1999 - *Милош Ч.* Личные обязательства. Избранные эссе о литературе, религии и морали / Пер. с польск. Б. Дубина. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

Милош 2001а - *Милош Ч., Венцлова Т.* Диалог о Восточной Европе. Вильнюс как форма духовной жизни // *Старое литературное обозрение*. 2001. № 1.

Милош 2001б - *Милош Ч.* О разногласии множества религий / Пер. с

польск. В. Британишского // Старое литературное обозрение. 2001. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/1/> (дата обращения: 16.06.2015).

Милош 2003 - *Милош Ч.* О России // Новая Польша. 2003. № 3. URL: <http://www.nowpol.ru/index.php?id=183> (дата обращения: 16.06.2015).

Милош 2008 - *Милош Ч.* О национальной принадлежности // Новая Польша. 2008. № 7-8. URL: <http://www.nowpol.ru/index.php?id=1012#c1275> (дата обращения: 16.06.2015).

Милош 2011 - *Милош Ч.* Родная Европа / Пер. Е. Старосельской, Б. Дубина, Ю. Чеснокова, В. Ладогина. М.; Wrocław: Летний сад; Коллегиум Восточной Европы им. Яна Новака-Езеранского, 2011. 288 с.

Милош 2013 - *Милош Ч.* Свидетельство поэзии. Шесть лекций о недугах нашего века / Пер. с польск. А. Ройтмана. М.: Центр книги Рудомино, 2013. 160 с.

Miłosz 2011 - *Miłosz Cz.* Rosja – widzenia transoceaniczne. T. II. Mosty naporietrzne / wybór i opr. B. Toruńczyk. Warszawa: ZESZYTY LITERACKIE, 2011.

REFERENCES

Grochowska, M. (2012) *Cheslav Milosh: “Dobro – eto my, zlo – eto Rossiya”* [“We are the good, the evil is Russia.”]. [Online]. Available from: <http://inosmi.ru/poland/20120223/186537802.html> Translated from Polish. (Accessed: 21st february 2012).

Kundera, M. (1984) *Tragediya tsentral'noy evropy* [The tragedy of Central Europe]. Translated by A. Pustogarov. [online]. available from: <http://www.proza.ru/2005/12/16-142> (Accessed: 16th june 2015).

Kundera, M. (2014) *Zanaves* [The curtain]. Translated from French by A. Smirnov. Moscow: Azbuka.

Lisbon conference. (2006) *Russkie pisateli i pisateli Tsentral'noy Evropy za kruglym stolom* [Russian writers and writers in Central Europe at the round table]. lisbon literature conference. transcript. translated from english by I. Semenov. *Zvezda*. 5. [Online]. Available from: <http://www.magazines.russ.ru/zvezda/2006/5/se8.html> (Accessed: 16th june 2015)

Miłosz, Cz. (1992) *Shestov, ili O chistote otchayaniya: vstupitel'naya stat'ya* [Shestov, or about the purity of despair: an introductory article]. Translated from French by S. Murav'ev. In: *Shestov, I. Kirkegard i ekzistsentsial'naya filosofiya (glas vopiyushchego v pustyne)* [Kierkegard and existential philosophy (Voice of one crying in the wilderness)]. Moscow: Gnoxic. pp. I-XVI.

Miłosz, Cz. (1999) *Lichnye obyazatel'stva. Izbrannye esse o literature, religii i*

moralii [Personal liability. Selected essays on literature, religion and morality]. Translated from polish by B. Dubina. Moscow: Dom intellektual'noy knigi.

Miłosz, Cz. & Venclova, T. (2001) Dialog o Vostochnoy Evrope. Vil'nyus kak forma dukhovnoy zhizni [The dialogue on Eastern Europe. Vilnius as a form of spiritual life]. *Staroe literaturnoe obozrenie*. 1.

Miłosz, Cz. (2001) O raznogolositse mnozhestva religiy [About discordance of many religions]. Translated from Polish by V. Britanishskiy. *Staroe literaturnoe obozrenie*. 1. [Online]. Available from: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/1> (Accessed: 16th june 2015).

Miłosz, Cz. (2003) O Rossii [About Russia]. *Novaya Pol'sha*. 3. [Online]. Available from: <http://www.novpol.ru/index.php?id=183> (Accessed: 16th june 2015).

Miłosz, Cz. (2008) O natsional'noy prinadlezhnosti [About ethnicity]. *Novaya Pol'sha*. 7-8. [Online]. Available from: <http://www.novpol.ru/index.php?id=1012#c1275> (Accessed: 16th june 2015).

Miłosz, Cz. (2011) *Rodnaya Evropa* [Native Europe]. Translated from Polish by E. Starosel'skaya, B. Dubin, Yu. Chesnokov, V. Ladogin. Moscow, Vrotslav: Letniy Sad; Kollegium Vostochnoy Evropy im. Yana Novaka-Ezeranskogo.

Miłosz, Cz. (2013) *Svidetel'stvo poezii. Shest' lektsiy o nedugakh nashego veka* [Evidence of poetry. Six lectures about illnesses of the century]. Translated from Polish by A. Roitmann. Moscow: Rudomino.

Miłosz, Cz. (2011) *Rosja – widzenia transoceaniczne. t. ii. Mosty napowietrzne* [Russia – a transoceanic view. Vol. II. Bridges overhead]. Warsaw: Zeszyty Literackie.

Рыбальченко Татьяна Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы XX века Томского государственного университета.

Rybalchenko Tatyana – Tomsk State University (Russia).

E-mail: talery.48@mail.ru

УДК 821.161.1-1

UDC

DOI 10.17223/18572685/41/10

ФИЛОСОФСКО-ПОЭТИЧЕСКОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ МИРА КАК ЭЛЕМЕНТ СЛАВЯНСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: СКОВОРОДА И ДРАГОМОЩЕНКО*

С.Ю. Суханова¹, П.А. Цыпилёва²

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: ¹suhanova_sofya@mail.ru

²anilopa87@mail.ru

Авторское резюме

Статья посвящена реконструкции славянского мироощущения и ментальности украинского и русского философа XVIII в. Григория Сковороды в рецепции современного русского поэта А. Драгомощенко («Григория Сковороды возвращение»). Цель исследования – выявить основные мировоззренческие, эстетические и художественные параметры интерпретации русским поэтом второй половины XX в. феномена Сковороды, объяснив актуальность обращения поиском универсальной картины мира. Характер мировоззренческой константы славянского сознания (приоритет существования над сущностью) воплотился и в житнетворчестве Сковороды, и в его важнейших философских идеях (особенно в мысли о сродстве всего сущего). Один из первых славянских философов поэт-мыслитель Сковорода в тексте стихотворения А. Драгомощенко выступает как носитель особой славянской синкретической ментальности, в которой за вещественностью всегда проявляется сакральное содержание. В образах и семантике стихотворения воплощены идеи Г. Сковороды о глубине невещественного образа, который «пребывает в сокровищах ума». Поэзия А. Драгомощенко связана с философией языка Сковороды, в рамках которой современный поэт рассматривает идею символического мислсобраза как путь формирования метаязыка для преодоления вещественной плоти реальности, осуществляемой поэзией, и выхода к метареальности абсолюта. Обращение современного поэта к идеям и образам Сковороды связано с попытками преодоления в рамках славянского мироощущения западных идей о постмодернистском распадающемся мире и с поисками нового философско-поэтического неосинкретизма, укорененного, как показывают история и культура, в славянском сознании.

Ключевые слова: Григорий Сковорода, Аркадий Драгомощенко, славянская философия, русская поэзия, символическая реальность, сродство.

* Работа выполнена в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

PHILOSOPHICAL AND POETIC EXPERIENCE OF THE WORLD AS PART OF THE SLAVIC ARTISTIC CONSCIOUSNESS: SKOVORODA AND DRAGOMOSHCHENKO*

¹S.Yu. Sukhanova, ²P.A. Tsypliyova

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: ¹suhanova_sofya@mail.ru; ²anilopa87@mail.ru

Abstract

The authors conducted a study of Grigory Skovoroda's reception in the Russian poetry of the second half of the XX century. Grigory Skovoroda is a Ukrainian and Russian philosopher of the XVIII century who embodied the character of ideological constants of Slavic consciousness (the priority of existence over essence) in his creative lifetime (*zhyznetvorchestvo*), and his most important philosophical ideas (especially, in the idea of affinity of all things). Numerous research in the area shows that this problem was studied only in A. Tarkovsky's poems. The objective was to examine the aspects of philosophy, poetry and biography of Grigory Skovoroda relevant for the poetry of the second half of the XX century. Firstly, various allusions of Grigory Skovoroda's dialogues, fables and philosophical treatises were found and classified, in addition to poems by Tarkovsky, in the poetry of S. Lipkin, S. Stratanovskiy, A. Dragomoshchenko, T. Kibirov and other poets. Secondly, the most important ideas of the philosophy of Grigory Skovoroda, the structure and features of his works of art, popular in Russian poetry of the second half of the XX century, were examined. The interest to the life of Grigory Skovoroda was also shown in the cultural, psychological and socio-historical aspects (the elders and the tradition of traveling teachers). Generally, Grigory Skovoroda's metaphysics and his answers to essential questions of human existence are understood and embodied in the text of a number of works of Russian poets of the second half of XX century. Finally, the following conclusion was drawn: Grigory Skovoroda's way of philosophizing, method of teaching (parable, examples, comparison, questioning), his doctrine of the two natures (visible and invisible), and of the affinity (*srudnost'*) are most actively manifested in the structure of the Russian verse.

Keywords: Grigory Skovoroda, A. Dragomoshchenko, Slavic philosophy, Russian poetry, symbolical reality, affinity.

Присутствие образа и философских идей славянского философа XVIII в. Григория Сковороды в поэзии второй половины XX – начала XXI в. свидетельствует о важности философа для современного поэтического сознания.

Философское наследие Сковороды по-разному осмысляется в истории философии. Ориентирующийся на западную феноменологическую традицию Г.Г. Шпет считал, что «самой философии у Сковороды немного» (Шпет 1989: 84). Рассматривая западную философию как отвлеченный рационализм, по-другому оценивал идеи Сковороды, например, В. Эрн, который полагал, что в творчестве Сковороды «закладываются основы совершенно иного самоопределения философского разума» (Эрн 1912: 333).

* This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

Очевидно, что философские идеи Сквороды оказываются, таким образом, в контексте споров об отличии западного и славянского видения и понимания мира, о котором писали Любомудры, славянофилы и западники. Сточки зрения С.Л. Йосипенко, «сегодня он [Скворода. – С.С., П.Ц.] превратился в эмблематичную фигуру – это «украинский философ № 1», «народный философ», «родоначальник русской философии», выразитель русского или украинского мировоззрения и т.д.» (Йосипенко 2015).

Вторая половина XX в., сопровождавшаяся формированием релятивистской философско-эстетической парадигмы постмодернизма, обострила проблему не фрагментарного, а целостного видения мира, что проявилось в обращении многих русских поэтов этого периода к поэтическому и философскому наследию Григория Сквороды.

В философско-поэтическом наследию в первую очередь, на наш взгляд, была воспринята идея синкрезиса, нерасторжимости сущности и существования, воплотившаяся в его творчестве как особый тип мифопоэтического славянского мироощущения и ментальности, а в творчестве поэтов второй половины XX в. трансформировавшаяся в тему особой славянской чувствительности, о чем свидетельствует большое количество поэтических текстов.

Упоминание имени Сквороды встречается в поэтических текстах Арс. Тарковского («Григорий Скворода», «Где целовали степь курганы», 1976), С. Липкина («Скворода», 1991), С. Стратановского («Диалог о грехе между старчиком Григорием Сквородой и обезьяной Пишек» (февраль 1979), «Григорию Сквороде...» (2010)), А. Драгомощенко («Григория Сквороды возвращение»). В ряде текстов используется изречение-автоэпитафия Г. Сквороды (Е. Бояских «Мир не ловил меня, но поймал» («Изгнание», 2005), Т. Кибиров «Мир ловил, да не поймал. / Плюнул и ушел» (1998)) либо его модификация (А. Парщиков «Мир шел через тебя» («Прозрачен, кто летит, а кто крылат – оптичен...»)).

В поэтической рефлексии феномена Сквороды можно выделить несколько аспектов: во-первых, образ жизни и существования, его поэзия: «поэт, мудрец, бродяга» (С. Липкин), «Я жил, неволью подражая Григорию Сквороде» (Арс. Тарковский); во-вторых, идеи философа и способ философствования (С. Стратановский), которые становятся основой лирического сюжета. Наиболее сложный уровень – эстетический – объединяет все аспекты в единое символическое целое, которое само способно становиться гносеологическим инструментом и языком описания реальности (А. Драгомощенко, А. Парщиков).

Космос в восприятии Г. Сквороды «состоит из трех сфер: макрокосм, или вселенная, микрокосм – человек и символическая реальность,

связывающая две первые, квинтэссенциальным воплощением которой является Библия». Каждая из этих сфер, в том числе и язык как символическая реальность, обладает двойственной природой – божественной и тварной (Молнар 1985).

Этот гносеологический аспект философии Григория Сковороды воплощается в текстах С. Стратановского во взгляде на Библию как тонкую ткань, «сгусток жизни трепещущей / корчащееся бытие» (Стратановский 1993) и реализуется в поэзии Аркадия Драгомощенко и Алексея Парщикова на эстетическом уровне наряду с философской идеей Сковороды о глубинном смысле, скрытом за вещественной формой произведений искусства.

Особенности славянской ментальности, в которой «разум изначально погружен в экзистенцию» (Бальбуров 2006: 42), связаны у Сковороды с идеей глубинного смысла, скрытого за вещественной формой, что определяет особенности философско-поэтического языка, истоки которого сам поэт и философ связывал с древнегреческими мыслителями. С точки зрения Сковороды, древние философы создавали мыслеобразы, используя символическое уподобление образов материального мира «различным тленным фигурам», что давало возможность проникнуть в суть бытия: «...древние мудрецы имели свой язык особый, они изображали мысли свои образами, будто словами. Образы те были фигуры небесных и земных тварей. <...> Отсюда родились hieroglyphica, emblemata, symbola, таинства, притчи, басни, подобия, пословицы» (Сковорода 1973а: 79).

Единство мысли и образа как способ замены языка первичного моделирования на символический язык превращает язык в посредника, проводника в мир символической реальности («Сковорода щедро умножал реальности, простирая их вдаль и вширь» (Молнар 1985)), что стало важным для А. Драгомощенко, стихотворения которого, по мысли М. Молнара, не имея «закрепленного раз и навсегда центра или точки зрения в привычном понимании этого слова, являются опытами в духе Сковороды» (Молнар 1988).

Характер мировоззренческой константы славянского сознания (приоритет существования над сущностью) проявился как в житнетворчестве Сковороды, так и в идее о возможности «свертывания» множественных реальностей в одну точку, что символически представлено образом «яблочного зерна», скрывающем в себе дерево с корнем, ветвями, листьями и плодами: «Уразумей единое зерно яблочное, и достаточно тебе. <...> Видишь в маленькой нашей крошке и в крошечном зерне ужасную бездну Божией силы? И наоборот, разве наша простирающаяся выше

звезд обширность во единой Божией точке утаиться не могла бы?» (Сковорода 1973а: 300-301).

Картина мира, типы и формы славянского синкретизма, свойственные философии и поэзии Сковороды, максимально полно воплотились на всех уровнях поэтики стихотворения А. Драгомощенко «Григория Сковороды возвращение» (Драгомощенко 2011: 174-175), в котором основные элементы интерпретации фигуры Г. Сковороды (христианские тексты, Библия как основа символической реальности, связывающая микрокосм и макрокосм, образ жизни, идеи сродства) также свернуты в одном образе-символе вишневой косточки – аналоге «яблочного зерна» Сковороды.

Вишня трижды упоминается в стихотворении, реализуя синкретизм славянского мироощущения, причем всегда в сильной позиции: это и буквальный смысл изображенного, и метафора райского плода с древа познания добра и зла как вариант яблока, «божественное дерево», символ «крови Христовой», согласно христианской иконографии устойчивый символ жизни и радости, и символ родной земли, матери, родовой укорененности на Украине («садок вишневый коло хаты» (Т. Шевченко)) (Вишня 2015).

Возвращение Григория Сковороды воплощается в сюжете стихотворения как дрящящаяся, протяженная во времени метаморфоза соединения с бытием: ноги, корням подобные, в которых застывает и цепенеет сок движенья, «стебельки пространства шелестели нежно / в том, что еще именовалось горлом, / сухую, как стерня, перерастая кровь». Обнажен сам процесс метафоризации. Кровь становится стерней, а горло – травой, стеблями в непосредственном актуальном восприятии читателя, для чего введена прямая речь персонажа: «Да, это я иду, – промолвил, – это мне травую». Точка, прервавшая реплику персонажа, словно в реальном времени демонстрирует утрату голоса, речи вследствие конечной фазы метаморфозы, переводящей реальность в сон: «Стопы легки столь странно, будто и не были, / но только нитью беспокойства снились». Сны в свою очередь продолжают метаморфозу тела («И в каждом теле / вьют гнезда, словно птицы в осоко-рях»), а вновь появляющийся образ вишни вводит мотив памяти-забвения, которые становятся неразличимы: «так помнилось, вернее, забывалось».

Трансформация тела связана с особым отношением к памяти, особым статусом памяти, ее блаженного приятия и неотличимости от забвения («И, остров памяти блаженно обтекая / песками смутными мерцающего тела, / он вишни ел»). Соединение в одном комплексе растекшегося песком тела, «заснеженных глаз» и дороги, цветное восприятие которой соотносится с зажатой в кулаке горстью вишен («Медью глина в краснеющих коснела колеях»). Но это усилие уже не телесное – «поистине

смехотворное» – так оценивается скорее усилие познания Григорием Сковородой мира (вишня в кулаке), сродность этому миру, органичность познания, доминанта которого – восторг перед божественным устройством мира: «он по дороге изумленья шел». Итог этой метаморфозы – освобождение от мирской, видимой природы в полном совпадении / растворении в бытии, равном Богу, «жнецу»: «Припасть и боле ни о чем не знать». «Движение вспять – это и движение к смерти, как к «спрессованности», к потенциальности, не знающей расхождения и различий» (М. Ямпольский) (Драгомощенко 2000).

Стихотворению предпослан эпитафия из письма Григория Сковороды Ковалинскому: «*Nam mea frustra genetrix enixa fuit, ni / Tu genuisses me, o lux mea, vita mea*» («Ведь напрасно моя мать родила бы, если бы ты не родил меня, о мой свет, моя жизнь!»). Это фрагмент шестистишия – стихотворения, истолкованию которого посвящено письмо Г. Сковороды своему ученику (Сковорода 1973в). В этом письме речь идет о рождении телесном (*prima elementa vitae*) и духовном (*In me natus erat spiritus ille tuus*), смысле рождения в этот мир. Месяцем ранее (октябрь 1763 г.) было написано письмо, в котором Г. Сковорода высказывает отношение к смерти телесной и духовной.

Поддерживает символику возвращения-смерти образ коршуна как устойчивого авгурического символа и предвестника смерти. Коршун связан с вишней синтаксически, в пространстве текста (диэгесисе) дважды: «вишни ел, а коршун...»; «он вишни ел. А коршун...».

У Драгомощенко звезда полей расширяет семантику первоначального рождения, матери (*genetrix*), сопоставленной и противопоставленной в эпитафии Свету духовного рождения. Объекты онтологии (природы), выходя за рамки изобразительности, обладают иным, бóльшим смыслом, повторяя метаморфозу персонажа в макром мире и в мире символической реальности, квинтэссенцией которой предстает в художественном сознании Драгомощенко не Библия, а поэзия: «По сути, нет как такового разрушения и нет как такового возникновения. Есть амбивалентность, какая только и возможна в поэзии. Происходит трансформация, превращение, когда что-то перестает быть одним, но еще не стало другим. И вот эта плавающая точка и есть тот самый зазор, тот самый разрыв, в котором только и возможно появление интенциональной возможности смысла вне заполнения и свершения в нем» (Сидоркин 2011). Сковорода-персонаж становится воплощением поэзии, ее амбивалентности, разрушения и возникновения одновременно.

Таким образом, один из первых славянских философов поэт-мыслитель Сковорода в тексте стихотворения выступает как носитель особой

славянской синкретической ментальности, в которой за вещественностью всегда проявляется сакральное содержание, «вещественный вид дает знать об утаенных под ним формах, или вечных образах» (Сидоркин 2011). В образах и семантике стихотворения воплощены идеи Г. Сковороды о глубине невещественного образа, который «пребывает в сокровищах ума»: «Самые точные образы еще прежде явления своего на стене всегда были в уме живописца. Они не родились и не погибли. А краски то, прильнув к оным, представляют оные в вещественном виде, то, отстав от них, уносят из виду вид их, но не уносят вечного бытия их так, как исчезающая тень от яблони не рушит яблоню» (Сковорода 1973б: 150).

Поэзия А. Драгомощенко связана с философией языка Сковороды, в рамках которой современный поэт рассматривает идею символического мыслеобраза как путь формирования метаязыка для преодоления вещественной плоти реальности, осуществляемой поэзией, и выхода к метареальности абсолюта. Обращение современного поэта к идеям и образам Сковороды связано с попытками преодоления в рамках славянского мироощущения западных идей о постмодернистском распадающемся мире и с поисками нового философско-поэтического неосинкретизма, укорененного, как показывают история и культура, в славянском сознании.

ЛИТЕРАТУРА

Бальбуров 2006 - *Бальбуров Э.А.* Литература и философия: две грани русского логоса. Новосибирск, 2006. 180 с.

Вишня 2015 - Вишня. Энциклопедия символики и геральдики. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%92%D0%B8%D1%88%D0%BD%D1%8F> (дата обращения: 10.06.2015).

Драгомощенко 2000 - *Драгомощенко А.* Описание. СПб.: Издат. центр «Гуманитарная Академия», 2000. 384 с. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/dragomot4-1.html> (дата обращения: 10.06.2015).

Драгомощенко 2011 - *Драгомощенко А.* Тавтология: Стихотворения, эссе. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 452 с.

Йосипенко 2015 - *Йосипенко С.Л.* Философия Григория Сковороды: проблемы, направления и история исследования. URL: <http://www.runi-vers.ru/philosophy/logosphere/366422/> (дата обращения: 12.04.2015).

Молнар 1985 - *Молнар М.* Послесловие к стихотворениям А. Драгомощенко // Митин журнал. 1985. № 4. URL: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj04/molnar.shtml> (дата обращения: 10.06.2015).

Молнар 1988 - *Молнар М.* Странности описания // Митин журнал. 1988. № 21. URL: <http://kolonna.mitin.com/archive.php?address=http://kolonna.mitin.com/archive/mj21/molnar.shtml> (дата обращения: 10.06.2015).

Сидоркин 2011 - *Сидоркин А.* Вишня Аркадия Драгомощенко. URL: <http://sho.kiev.ua/article/685> (дата обращения: 10.06.2015).

Сковорода 1973б - *Сковорода Г.* Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1973. Т. 2. 486 с.

Сковорода 1973а - *Сковорода Г.* Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1973. Т. 1. 511 с.

Сковорода 1973в - *Сковорода Г.* Повне зібрання творів: У 2-х т. К.: Наукова думка, 1973. Т. 2. 576 с. URL: <http://litopys.org.ua/skovoroda/skov212.htm> (дата обращения: 10.06.2015).

Стратановский 1993 - *Стратановский С.* Стихи. СПб.: Ассоциация «Новая литература», 1993. 128 с. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/stratanovsky1-10.html> (дата обращения: 10.06.2015).

Шпет 1989 - *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии // Шпет Г.Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. 608 с.

Эрн 1912 - *Эрн В.Ф.* Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение. М., 1912. 343 с.

REFERENCES

Bal'burov, E.A. (2006) *Literatura i filsofiya: dve grani russkogo logosa* [Literature and Philosophy: The two faces of Russian Logos]. Novosobirsk: Institute of Philology SB RAS.

Vishnya [Cherry]. In: Greif, P. (ed.) *Entsiklopediya simboliki i geraldiki* [The Encyclopedia of Symbols and Heraldry]. [Online] Available from: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%92%D0%B8%D1%88%D0%BD%D1%8F> (Accessed: 10th June 2015).

Dragomoshchenko, A. (2000) *Opisaniye* [Description]. St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya. [Online]. Available from: <http://www.vavilon.ru/texts/dragomot4-1.html>. (Accessed: 10th June 2015).

Dragomoshchenko, A. (2011) *Tavtologiya: Stikhotvoreniya, esse* [Tautology: Poems, essays]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Yosipenko, S.L. (2015) *Filosofiya Grigoriya Skovorody: problemy, napravleniya i istoriya issledovaniya* [The philosophy of Grigory Skovoroda: problems, directions and history of research]. [Online] Available from: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/366422/>. (Accessed: 12th April 2015).

Molnar, M. (1985) *Poslesloviye k stikhotvorenyam A. Dragomoshchenko* [Epilogue to the poems by A. Dragomoshchenko]. *Mitin Zhurnal*. 4. [Online]

Available from: <http://kolonna.mitin.com/archive/mj04/molnar.shtml> (Accessed: 10th June 2015).

Molnar, M. (1988) *Strannosti opisaniya* [The oddities of description]. *Mitin Zhurnal*. 21. [Online] Available from: <http://kolonna.mitin.com/archive.php?address=http://kolonna.mitin.com/archive/mj21/molnar.shtml> (Accessed: 10th June 2015).

Sidorkin, A. (2011) *Vishnya Arkadiya Dragomoshchenko* [The cherry of Arkady Dragomoshchenko]. [Online] Available from: <http://sho.kiev.ua/article/685>. (Accessed: 10th June 2015).

Skovoroda, G. (1973a) *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl'.

Skovoroda, G. (1973b) *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.

Skovoroda, G. (1973c) *Povne zibrannya tvoriv: U 2 t. T. 2* [The complete works in 2 vols. Vol. 1]. Kiev: Naukova dumka. [Online] Available from: <http://litopys.org.ua/skovoroda/skov212.htm> (Accessed: 10th June 2015).

Stratanovsky, S. (1993) *Stikhi* [Poems]. St. Petersburg: Novaya literatura. [Online]. Available from: <http://www.vavilon.ru/texts/stratanovsky1-10.html> (Accessed: 10th June 2015).

Shpet, G.G. (1989) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Pravda.

Ern, V.F. (1912) *Grigoriy Savvich Skovoroda. Zhizn' i uchenie* [Grigory Skovoroda. His life and teaching]. Moscow: Put'.

Суханова Софья Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.

Sukhanova Sofya – Tomsk State University (Russia).

E-mail: suhanova_sofya@mail.ru

Цыпилёва Полина Анатольевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.

Tsypanyova Polina – Tomsk State University (Russia).

E-mail: anilopa87@mail.ru

УДК 811.161

UDC

DOI 10.17223/18572685/41/11

РУСИНСКО-ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ИДИОМАТИКА В СВЕТЕ ТЕОРИИ ДИСКУРСА*

Н.Ф. Алефиренко

Белгородский государственный университет
Россия, 308009, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: alefirenko@bsu.edu.ru, SPIN-код 7473-0587

Авторское резюме

На фоне специфики развития русинской лингвокультуры рассматриваются дискурсивно-когнитивные факторы формирования универсальных и уникальных свойств русинско-восточнославянской идиоматики. Проводится мысль: несмотря на то, что русинская идиоматика представляет специфическое этнокультурное пространство, возникшее в процессе длительного взаимодействия русинского языка со словацкой, польской и паннонской диалектными стихиями, она своими ценностно-смысловыми архетипами – образами, которые повторяются в ходе исторического развития лингвокультуры, связана с восточнославянской фраземикой. Становление фразеологических универсалий и уникалий в русинском и других восточнославянских языках связано с механизмами ассоциативно-образного отражения в языковом сознании потомков русичей окружающего мира и самобытного «языковлечения» возникших таким способом дискурсивно-модусных концептов. Именно эти когнитивные структуры в силу сосредоточенности в них многопланового смыслового содержания диктумного и модусного характера обуславливают общее и специфическое в идиоматике русинского и современных восточнославянских языков.

Ключевые слова: русинский язык, восточнославянские языки, идиоматика, дискурсивно-модусный концепт, лингвокультурема, языковые картины мира.

RUSIN-EASTERN SLAVIC IDIOMS IN THE VIEW OF THE DISCOURSE THEORY**

N.F. Alefirenko

Belgorod State University, 85 Pobeda Street, Belgorod, 308009, Russia
E-mail: alefirenko@bsu.edu.ru

Abstract

The discursive-cognitive factors of forming universal and unique features of Rusin-Eastern Slavic idioms are studied in the view of the specificity of Rusin lingua-culture. The main idea consists in the fact that Rusin idioms are a specific ethnocultural space that appeared during the long period of the interaction between the Rusin language and Slovak, Polish, Pannonia dialect spheres. Yet, Rusin idioms are connected with Eastern phrasemics by their axiological archetypes as patterns repeating in the process of

* Работа выполнена в рамках госзадания НИУ БелГУ (№ 241).

** The research is made under the state task of Belgorod National Research University (No. 241).

historical evolution of lingua-culture. The formation of universal and unique factors in the Rusin and other Eastern Slavic languages is connected with the mechanism of associative-descriptive representation of environment in the linguistic consciousness of the Rusich descendants. The mechanism forms the original verbalization of discourse-modus concepts. These cognitive structures determine the basic and specific factors of idioms in the Rusin and Eastern Slavic languages due to the concentration of the dictum and modus nature in the multidimensional semantic context.

Keywords: Rusin, Eastern Slavic languages, idioms, discourse-modus concepts, lingua-culture, language world views.

Актуальность поднимаемой в работе проблемы предопределяется несколькими факторами: а) местом русинского языка и его идиоматики в восточнославянском и шире – общеславянском языковом пространстве; б) генезисом идиоматики, обуславливающим ее этнокультурные *универсалии* (общие для всех славян и, прежде всего, русичей) и этнокультурные *уникалии*, сосредоточившие в себе специфические для идиоматики каждого из родственных языков ценностно-смысловые акценты; в) непознанными еще речемыслительными *механизмами*, отвечающими за формирование на базе общеславянской народной лингвофилософии самобытных для каждой этнокультуры фразеологических образов (Мельник 2001), благодаря которым общеславянская картина мира (КМ) подвергается не только явным, но и имплицитным этноязыковым интерпретациям (Алефиренко 2010: 8). В качестве главного камертона, задающего поиск путей решения данной проблемы, служит русинский язык (сами русины¹ называют его «руски язык»). Это славянский микроязык (Дуличенко 1981), представляющий собой в плане генезиса, как метафорически выразился В.М. Мокиенко, весьма многослойный пирог, «замешанный, вне сомнений, на добротном славянском тесте» (см. предисловие: Вархол, Івченко 1990: 6). Этим, собственно, и объясняется, на первый взгляд, непривычное сочетание в названии статьи: *русинско-восточнославянская идиоматика*.

В плане лингвогенеза русинская фраземика многочисленными нитями связана с общеславянским фразеологическим тезаурусом. Ср.: *русин. мати материнске молоко на бороді (попуд носом)*² – слишком молодой и неопытный для серьезного дела; *укр. (ще) губи в молоці у кого, (ще) молоко на губах не обсохло кому, (ще) молоко на губах не висохло кого; блр. малако на губах не абсохла; болг. мляко по устните не е обезводнено; словацк. mlieko na pery nie je vyschla; польск. mleka w ustach nie jest wysuszona; хорв. mlijeko na usnama ne suši; русин. не рыба, не мясо – разг. неодобр. неизм. 'ничем не выделяющийся, безвольный, заурядный человек'; укр. ні риба ні м'ясо; блр. ні рыба ні мяса; болг. нито риба, нито птица; хорв. ni ribe ni ptice* и др. По общеславянской модели в каждом

славянском языке возникли весьма оригинальные образы (*словацк. ani ryba ani rak; польск. ani pies, pi wudra; рус. ни рыба ни мясо* – его полный вариант *ни рыба ни мясо, ни кафтан ни ряса* и его аналоги: *ни богу свечка ни черту кочерга, ни пава ни ворона, ни в городе Богдан ни в селе Селифан, середка на половине, ни то ни се*. Причем в украинском языке данная фраза является полисемичной. Ср.: первый фразеосемантический вариант: «безвольный, заурядный человек»: «*Казна що!*» – *про нього кажуть. Він як сонна муха «лазить». За що візьметься – псує, Бо чуже, а не своє. Лихо з таким справу мати. То ж не варто довіряти! Про такого кажуть часом: «Він не риба і не м'ясо!»* (А. Полосин). В этом же значении в украинской речи употребляются одномодельные синонимические фраземы *ні риба ні м'ясо ні галифе ні ряса; ні рак ні риба; ні пава ні гава; ні жарене ні парене, ні два ні півтора, ні швець ні жнець* (<ні швець, ні жнець, ні в [на] дуду грець), а также интерпретационные (возникшие по другой модели) синонимические варианты *як з клоччя батіг, як сонна муха*. Второй фразеосемантический вариант: «что-либо крайне неопределенное, невыразительное»: 1. *Ні риба ні м'ясо – і в раки не годиться* (укр. посл.); 2. – *Ні риба ні м'ясо, а щось наче гриб маслючок!* – *нагадує* (Є. Гуцало). К данному фразеосемантическому варианту имеется синоним *ні се ні те, ні в тин ні в ворота*. Русинская идиоматика представляет специфическое этнокультурное пространство (Ганудель 1985, 1986), возникшее в процессе длительного взаимодействия русинского языка со словацкой, польской и паннонской диалектными стихиями (Fejśa 2014: 182). Ср.: *воду до Дуная ляти, сипати до діравого міха* – «выполнять бессмысленную работу»; *мусиш вельо галушок поїсти* – «не скоро что-либо произойдет»; *цигане в брюсі гравуть кому, цигане са по череві б'ють кому* – «очень голодный»; *поможе як мертвому кадило* – «совсем не может помочь».

Часть расхождений между русинской и восточнославянской идиоматикой объясняется этнографическим и хозяйственным факторами (Панькевич 1958). Так, практически у всех славян обряд сватовства предполагал церемонию угощения сватов. При этом угощения имели разный смысл. Одно дело – прием сватов от желанного парня, и совсем другое, если они появлялись от нелюбимого. В украинской культуре фраза *дати гарбуза* – шутил. «отказать сватающемуся»; *покуштувати (взяти, дістати, з'їсти) гарбуза* – перен. шутил. «получить отказ при сватовстве» своим возникновением обязана старинному обычаю преподносить нежеланному жениху якобы в качестве символического угощения тыкву (укр. *гарбуз*). Русины в такой дискурсивной ситуации также используют «угощение», в результате которого появились достаточно хлесткие фраземы: *почастовати як пса, пом'їй дати кому, пом'їями почастовати* – «отказать при сватовстве».

Значение «не к лицу» в русском языке выражается фраземой *идет как корове седло*, в белорусском *ідзе як карове сядло*, в украинском *іде як корові сідло*. В русинском же языке – *пасує як псу дзвоник* или *пасіє як п'ясть на око*. Первая фразема сохраняет лишь отдаленный намек на эталонный образ: при свободном выпасе на шею коровы вешали колокольчик, чтобы ее легче было найти. Вполне очевидно, что звонок на шее собаки выглядит так же несуразно, как седло на корове.

Некоторые русинские и украинские фраземы с одинаковым компонентным составом имеют разные значения: *русин. як мокро горить (повідати)* – «бесстыдно лгать»; *укр. як мокро горить*; *блр. як мокрае гарыць* – «что-либо очень медленно происходит, делается без какого-либо желания» (синоним *як через пень колоду* (тягти); ср. в чешском (редкое) *jako když mokré hoří*). В русском языке данная фразема переводится описательно.

Примечательно, что русинская идиоматика не была ассимилирована соседними лингвокультурами. Фраземика русинов, сохраняя материнскую народнопоэтическую мудрость, испытывала незначительное влияние иноязычной идиоматики. Главным фактором сохранения материнской идиоматики была изолированность русинов: предки современных русинов проживали в условиях гористой местности, в окружении иноязычного и зачастую иноконфессионального соседства. Благодаря этому обстоятельству, как свидетельствует идиоматика, русины сумели сберечь многие культурные традиции Древней Руси, свой древний язык, сохраниться как этнос (в большинстве своем они сохранили русинское самосознание, историческую память и понимание единства всех русичей). Вместе с тем на русинскую идиоматику, несомненно, оказали влияние западнославянские языки: ранее – польский, в наше время – словацкий.

Сохраняющиеся в русинской идиоматике архаичные черты праславянского языка и результаты более позднего влияния на нее контактирующих языковых стихий обусловили нынешний ее статус. В русинской и шире – восточнославянских языковых картинах мира (ЯКМ) фраземика является порой единственным источником понимания многообразия славянской лингвокультуры. Будучи косвенно-производным средством вербализации ассоциативно-образного отражения этнокультурного сознания каждого народа, идиоматика играет роль хранителя ценностно-смысловой ауры славянской ментальности в виде ее самобытных интерпретаций в восточнославянских и смежных с русинским миром славянских языках. Такого рода этноязыковой статус идиоматики обусловлен ее многомерным дискурсивно-синергетическим происхождением. Если, разумеется, под дискурсом понимать не просто речь, а сложное

коммуникативно-когнитивное образование, в состав которой входят не только речевые, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, мнения, ценностные установки, вербализуемые события, участники этих событий и обстоятельства, сопровождающие их), играющие важную роль при порождении фразеомобразующих концептов. Особенно важно при этом определить глубинные когнитивно-дискурсивные механизмы, сформировавшие общую и вместе с тем многоликую восточнославянскую идиоматику, в связи с вызовами XXI в.

В публикациях, в которых делается попытка решить эту непростую проблему, наметились два диаметрально противоположных подхода. Видимо, идея глобализации побудила многих лингвистов искать во фраземике главным образом проявления языковых универсалий. В восточнославянском, в том числе и русинском этноязыковом пространстве они лежат на поверхности. Ср.: *блр.*: *лупиць як сідараву козу*, *рус.* *драть как Сидорову козу*, *укр.* *лупцювати як Сидорову козу*. Имеется такая же идиома и в русинском языке, где она, однако, лишена ономастического компонента: *драть (скопать) ако финанс козу / копат як финанс козу* (букв. «драть, колотить как сборщик налогов козу»). Кстати, и в соседних с русинским языках фраземы вместо онима содержат имена нарицательные: в польск. *дьявол (wyruchtował jak diabeł kozę, диал. wyfikół jak diobół koze* – букв. «избил, измолотил как дьявол козу»), в *латыш. coced (pērt kā kaimiци āzi, dīrāt (mizot) kā kaimiци aži* – букв. «бить (драть, лупить) как соседскую козу»). Более того, русины используют устойчивый сравнительный оборот и в другом значении: *перевесті як фінанс козу* – «обхитрить, одурачить, надуть кого-нибудь», что соотносится с *блр.* и *рус.* глаголами *лупиць / драть. Лупить* – 1. разг.-сниж. а) очищать от шелухи, кожуры, скорлупы, б) сдирать, обдирать (кору с дерева); в) сильно бить, колотить кого-л., что-л.; 2. разг.-сниж. назначать непомерно высокую цену, брать слишком большую плату за что-л.

Очевидно, более корректно говорить не об этноязыковой идентичности фраземике славянских языков, а о родстве их коцептосфер, поскольку в каждом из этих языков имеются фраземы, самобытно репрезентирующие одни и те же концепты. Как, например, концепт «Непримиримость»: в *блр.* – *найшла каса на камень*, *рус.* – *нашла коса на камень*, *укр.* – *найшла коса на камінь* в значении «столкнулись непримиримые взгляды, интересы, характеры». Однако дискурсивно-когнитивный анализ и в таких случаях позволяет выявить и объяснить их этноязыковое своеобразие. В *блр.* глагольный компонент *найшла* имеет вариант *наскóчыла*, в *укр.* – глагол *наскóчила* является инвариантным, который варьируется глаголами *найшла, натрапила* и *потрапила*. Еще более значительные

различия наблюдаются в фраземе русинского происхождения тоже с компонентом *коза*: *русин. да его и на козі не пудьїдеш; рус. на козе не объедешь* кого – «не проведешь, не перехитришь, не обманешь». Если в русском языке варьируется только субстантивный компонент *на козе (на кривой, на вороньих) не объедешь* кого, то в украинском замене подлежаит все означающее: *у дурні не пошиєш* кого. В белорусском языке образ козы и вовсе отсутствует. Значение «не перехитрить кого-либо» выражается синонимами, возникшими на других образах: *на лапці не аб'ехаць; не дасць сябе за вус закруціць; і ў ступе таўкачом не траніш*. В русском имеется синоним *на мякине не проведешь* кого (от паремии *старого воробья на мякине не проведешь*), а в украинском это же значение выражается всей паремией *старого горобця на полові не обдуриш*. Подобного рода примеры свидетельствуют о генетической общности системы базовых концептов (Франко 2006; Пилипчук 2008; Демешкина 2011: 165) в языковом сознании восточных славян. Так, в современном восточнославянском языковом сознании имеется концепт «упрямый», но для его репрезентации каждый из родственных языков предлагает «свои» фраземы (Венжинович 2012: 59), содержащие одну ту же пропозицию, служащую источником порождения этого фразеобразующего концепта. Она проецирует в структуре концепта общую для репрезентирующих его фразем семантико-прагматическую константу – «бывалого человека не обхитрить». Однако такие дискурсивно-прагматические отношения, выражающие общую схему пропозиции, хотя и закрепляются за одним и тем же концептом, все же могут использовать разные образы, вызывающие в языковом сознании близкие дискурсивно-модусные смыслы. Русский и украинский языки в этом случае эксплуатируют все тот же образ козы: *на козе не подъедешь к кому // на козі не підїдеш до кого* – «упрямый, несговорчивый». Белорусский язык для выражения данного значения использует образы воробья и лисы. В первом случае употребляется фразема поговорочного происхождения. Ср.: *Старога верабя на мякіну не зловіш (не падманіш) > на мякіне не падманіш, (не зловіш)*; синоним с более удаленными ассоциативно-образными связями глагольной словоформы *не зловіш > не падманіш: і ў рэшаце не зловіш*, а также фразема иного дискурсивно-когнитивного происхождения: *старога ліса не ашукаеш*. Последняя фразема построена на сочетании символического значения слова *лис* – «лицемерие, коварство, вероломство, хитрость», переносного значения прилагательного *старый* – «опытный, бывалый» и прямого значения глагола *ашукаць* – «обмануть».

В результате таких дискурсивно-когнитивных преобразований общей для всех русичей этнокультурной константы в современных вос-

точнославянских языках посредством разных вариаций *совмещенной* (парадигматической и синтагматической) *асимметрии* развиваются специфические несоответствия означаемого означающему. Так, в более архаичной русинской идиоматике используется охотничий код (*ити з бубном на заці* – «преждевременно раскрывать тайные намерения»), а в белорусском, русском, украинском – игровой код: *раскрываць свае карты / раскрываць <свои> карты / розкривати карти* – разг., экспрес. «переставать скрывать свои намерения, замыслы, планы». Парадигматическая асимметрия фраземы приводит к несоответствию ее смыслового содержания означающему (в его прямо-номинативном восприятии). Например: *махати руками як бог над Чабинами, махнути руков як бог на Татры, махнути руков як Ісус на Стропковы, махати руков як Христос на Карпаты, махнути руков як чорт на Восенов, махнути руками як Донатко на Собеску ровень* – «перестать обращать внимание; отказаться». Ср.: *блр.* *махнуць рукой* на каго-што; *укр.* *махнути рукою* на кого-що. Такого рода знаки рассматриваются нами как некие лингвокультуемы с парадоксальным, на первый взгляд, устройством.

Асимметрия лингвокультурем русинского происхождения обнаруживается при их сопоставлении с разными восточнославянскими лингвокультурами, когда синтагматические и парадигматические несоответствия проявляются между знаками и обозначаемыми реалиями. Ср.: *русин.* *не стояти за галер (за грайцарь)* «незначительный человек»; *рус.* *мелкая сошка* – «незначительный человек, с которым никто не считается»; «никудышный человек»; *блр.* *абсеваку полі* – «ничего не стоящий человек, хуже других, заслуживающий презрения»; *укр.* *не вартий (ломаного) гроша (шага, шеляга, фунта, клоччя)* – «никчемный, хуже всех» (рус. фразема *ломаного гроша не стоить* не допускает вариаций компонентного состава). В иной коммуникативно-прагматической ситуации, когда требуется выразить иронически-презрительное отношение к человеку, который сам о себе много мнит, переоценивает свое общественное положение, в русинской лингвокультуре используется идиома *ані як багов, не стояти ане за багов (багов – ‘табак)* – «никчемный человек»; а в русской *шишка на ровном месте (прыщ на ровном месте, на голом месте плешь, пустое место, ноль без палочки, мыльный пузырь)*; в украинской – *чи й не пуп землі* или *не велике цабе (чи й не цабе)*, где *цабе* – погонный окрик для быков, запряженных в телегу.

Как показывает анализ, когнитивные факторы становления русинско-восточнославянской фраземики связаны с механизмами ассоциативно-образного отражения в языковом сознании русичей окружающего мира и «оязыковления» возникших таким способом образных струк-

тур фраземами. Отталкиваясь от такого рода обобщений, появилась тенденция говорить о различиях русинско-восточнославянских ЯКМ. Как показали наши исследования, фраземодеривация – многоканальный дискурсивно-когнитивный процесс, благодаря которому, собственно, и создается своеобразная субъективно-объективная аура ЯКМ потомков русичей в современных восточнославянских языках. Русинско-восточно-славянская КМ – это **самое общее** представление о том, как устроен наш мир, что от него можно ждать, **что́** в нем происходит и **как** в нем можно действовать.

Языковые же КМ русинов, белорусов, русских и украинцев – это 1) продукт вторичного отражения в языке действительности, являющегося результатом этнокультурного преломления в человеческом сознании реалий окружающего мира (Folder 2005); 2) исторически сложившиеся в обыденном сознании данного этноязыкового сообщества и вторично вербализованные представления о его среде обитания; 3) определенный способ *концептуализации* интерпретируемых объектов внешнего и внутреннего мира человека, воспринимаемых сквозь интеллектуально-эмоциональную призму ранее сформировавшегося этнокультурного фильтра. Отфильтрованные в процессе такого отражения мыслительные копии внеязыковых реалий форматируются в виде дискурсивно-модусных концептов (см.: Алефиренко 2015: 217), структура которых определяется ассоциативным взаимодействием нескольких смысловых слоев. Сущность дискурсивно-модусного концепта во многом определяется его смысловым содержанием диктумного и модусного характера, синергетически фокусирующем в себе когнитивную, культурологическую и дискурсивную информацию, которая даже в родственных восточнославянских языках подвергается разной интерпретации.

Кодирование фразеомобразующими компонентами субъективного опыта осуществляется на двух взаимосвязанных уровнях познания: поверхностном и глубинном. На поверхностном уровне структурируется чувственно оформленное представление о мире, а на глубинном – его рационально-эмоциональное осмысление. Начальный этап возникновения образа является переходом от одной чувственной данности к другой, от поверхностных структур к более глубинным. Например, *русин. злату звїзду на чалї хотїти* (звїзда – «звезда, зірка»), *зліїтїй коч хотїти* (коч – вид фазтона) – «мечтать о чем-либо неосуществимом»; *рус. [строить] воздушные замки* – «мечтать, строить иллюзии, смотреть на мир сквозь розовые очки, преувеличивать позитивное в реальной действительности, что в дальнейшем может привести к разочарованию». Начальным этапом возникновения образа русинской фраземы служила поверхностная и

чувственно-размытая картинка обретения золотой звезды или золотого фазтона, а русской фраземы – представление о нереальном замке. Ср.: *блр. паветранья замкі*. В украинском языке, кроме фраземы *повітряні замки*, появились на этноязыковом материале синонимы *химери ганяти, у хмарах літати, надхмарні замки (будувати)*. Эти представления проецируются семантикой свободно синтаксических прототипов фразем. Они стимулируют ассоциативный поиск стоящего за ней концепта, содержащего послойную смысловую интерпретацию воображаемого. В итоге появляется представление о чем-то фантазийном, невыполнимом, несбыточном.

Итак, фразеологические номинации общего восточнославянского генезиса сохраняют (в явном или скрытом виде) синергетику генетического родства этноязыкового сознания русин, белорусов, русских и украинцев с дискурсивным контекстом, породившим ту или иную фразему. Их когнитивную сущность предопределяет способность: 1) кодировать знания; 2) трансформировать, интерпретировать и обогащать исходную информацию; 3) «оязыковлять» продукты концептуализации и категоризации дискурсивной деятельности.

Дискурсивные различия, которые обусловили формирование вариативного своеобразия в русинско-восточнославянской ЯКМ, возникли уже в начале XIII в. в связи с образованием на восточнославянских землях национальных языков (белорусского, русинского, русского и украинского). Как свидетельствуют письменные памятники того времени, процесс возникновения фразеологического своеобразия восточнославянских языков был длительным. Некоторые их особенности, составляющие фразеологическую специфику каждого из формирующихся языков, связаны с модификацией истоков общеславянской идиоматики, другие появились на столетие раньше XIII в. или на столетие позже. Более определенные хронологические границы не только в рамках идиоматики, но и вообще между «русской мовой» и новыми восточнорусскими языками провести крайне сложно. Тому имеется два объяснения. Первое связано с тем, что до конца IX в. все изменения в языке русичей (за неимением письменности на автохтонной основе) происходили в сфере устного дискурса. Второе относится к раннеписьменному этапу. Дело в том, что, хотя к XIII ст. на общем для русичей пространстве и развиваются дискурсивно-разговорные различия на разных языковых уровнях, в письменной речи даже в XIV-XV вв. сохранялось господствующее влияние древнерусского языка.

Особенно значимыми локальные варианты оказались в области возникновения фразем для репрезентации дискурсивно-модусного фрагмента каждой из этноязыковых КМ, развивающихся из недр само-

бытной речеповеденческой стихии. Становление самобытной идиоматики, с точки зрения дискурсивно-прагматического подхода, объясняется специфическими для каждого из формирующихся этносов проявлениями внутренней речи, обуславливаемыми разными конфигурациями ее вербальных и невербальных компонентов. Поскольку последние служат словесными и несловесными знаками дискурсивного мышления, внутреннюю речь следует, как нам представляется, считать протодискурсивной для современных фраземосистем категориями.

Как доказал Н.И. Жинкин (Жинкин 1982), во внутренней речи, наряду с предметными образами, есть и отголоски речевой интонации, и даже отдельные слова, все то, что когда-то было запечатлено в виде универсально-предметного кода (УПК) – нейрофизиологического субстрата мышления. Поскольку УПК внутренней речи является не чисто предметно-схемным, а «смешанным», он приводит в действие механизмы лингвокреативного мышления, которые в процессе идиоматизации производят субъективный отбор как предметных образов, так и вербальных прототипов будущей фраземы. В итоге предметно-схемный код, превращаясь в предметно-образительный «язык» внутренней речи, способствовал возникновению вариативных различий в сфере общевосточнославянской фраземики. Смыслообразующим звеном преобразования УПК в означаемое фраземы служит введенное Г.Г. Шпетом понятие «предметный остов» знака (Шпет 2003).

С одной стороны, он несколько отличается от УПК, а с другой – от внутренней формы фраземознака. Если УПК – посредник между познаваемым объектом и фраземознаком, то предметный остов – элемент смысловой структуры фраземы. Это **образ**, но образ амодальный, образ уже осуществившегося или будущего предметного действия. Такой образ в даже генетически близких лингвокультурах может выражаться если не разными, то вариативными фраземами. Так, намерение пригрозить кому-либо обычно обретает предметный остов-образ, в пределах которого кодируется амодальное содержание: «адресат может быть (или будет) наказан, проучен». Это сугубо амодальная программа будущего предметного действия, где зрительный образ еще не сформирован. Он формируется в дискурсивной деятельности вместе с выбором того или иного свободно синтаксического прототипа.

В разных русинских говорах, например, семантические структуры фразем могут содержать общий интенционал «побить» с разными, однако, импликационалами. *Русин.:* *натягнути скору кому* – «избить» (Остр.); *збити як сніп жьїта* – «сильно побить» (Св.); *дати поза уха кому* – «избить» (Сп.); *вїтерти попуд хвуст кому* – «избить» (Остр.); *духа*

дати кому – «побить» (Д.); *наклепати зуби кому* – «побить» (Остр.); *полічити зуби кому* – «побить» (Остр.); *наклепати косу кому* – «обить» (Остр.); *нарунати кустя кому* – «побить» (Остр.); *в'їбити порох з кого* – «побить» (Т.); *пораховати ребра кому* – «побить»; *моталиці їмати* – «оказаться сильно побитым» (Остр.); *збити як пса кого* – «жестоко избить» (Гр.); *збити як зелене ж'їто кого* – «немилосердно избить» (Ор.); *збиті на болото кого* – «избить, не оставив живого места» (Вав.); *збити як сніп ж'їта кого*; *змолотити як ж'їто кого* – «очень сильно избить» (Гр.; Кл.); *розбити на цімпер-цампер* – «полностью уничтожить» (Ор.; П.). Ср.: *рус. давать духу кому* – «побить кого-л.», *давать прикурить кому* – «избить кого-л.», *дать березовой каши* – «побить», *намылить шею (голову) кому* – «проучить (кого-либо), наказать, побить кого-либо», *задать (устроить) взбучку, задать (устроить) баню* – «сильно отругать», *задать жару, устроить взбучку, дать нагоняй, задать чесу* – «побить, отделать», *спустить шкуру (десять шкур спустить, спустить три шкуры), всыпать по первое, задать трепку*. Часть таких фразем чаще используются в качестве угрозы типа *рус. показать, где раки зимуют кому, костей не собрать; спустить (содрать) шкуру с кого, стереть в порошок кого, разделить под орех кого*.

Особую роль при формировании этноязыковых различий в корпусе восточнославянской идиоматики играет преобладание во внутренней речи смысла фразеомобразующих слов над их значениями. Поскольку смыслы слов более динамичные и широкие, чем их значения, при возникновении этноязыковой специфики фразем обнаруживаются иные законы их объединения и слияния друг с другом, чем сочетание словесных значений. Они позволяют реализовать весьма широкие ассоциативно-метафорические связи, которые на уровне языкового сознания закрепляются асимметрической конфигурацией означаемого и означающего фраземознака.

Без предметно-схемного кода внутренней речи фраземосемиозис немислим. Более того, естественный язык служит средством выработки того субъективного кода, который затем порождает различия в идиоматике. В процессе формирования разных русинско-восточнославянских фраземосистем такое порождение осуществляется путем разного дискурсивно обусловленного переосмысления значений фразеомобразующих лексем. Именно интенциональность дискурса перестраивает известные речевые структуры для использования их в целях не прямой (вторичной и косвенной) номинации. Такого рода обновление языка происходит в непрерывном режиме, так как содержание дискурсивного мышления значительно больше, чем стандартные, узуальные возможности языка.

Этим, собственно, и объясняется, почему зарождение мыслительных структур, обуславливающих самобытную фразеологическую номинацию, осуществляется в предметно-изобразительном коде.

Заключение. Когнитивный механизм специфического русинско-восточнославянского фразеомобразования состоит из двух блоков – предметно-изобразительного и речедвигательного кода. На первом этапе мысль задается, во втором она передается и снова задается для первого звена. Бесконечность отражаемого мышлением мира обеспечивает неисчерпаемые возможности постоянного порождения во внутренней речи идиоматических образований. Их необходимость стимулируется объективными факторами человеческого мышления. В процессе речевого общения, кроме логического, вырабатываются еще два особых языка ассоциативно-образного мышления.

Как известно, образные представления и чувствования сами по себе не передаваемы. Для этого нужен такой язык, при помощи которого можно управлять появлением у адресата тех представлений и чувствований, которые испытывает адресант. Это достигается путем введения в язык новых механизмов. Один из них управляет надсинтаксическими структурами (например, парадоксальными сочетаниями фразем типа *семь пятниц на неделе* – «кто-либо часто меняет свои решения, намерения, настроения и т.п.»). Коммуниканты могут не знать, что в старину пятница была базарным днем, когда исполнялись долговые обязательства. И все же они, как правило, улавливают общий парадоксальный смысл фраземы. Второй механизм стимулирует косвенные формы изобразительной вербализации денотативных ситуаций типа *выносить сор из избы* – «разглашать ссоры, дразги, происходящие между близкими людьми». Вторая фразема имеет свободносинтаксический прототип. Поэтому конструктивными составляющими механизма самобытного русинско-восточнославянского фразеомобразования служат синтаксическая позиция знака в высказывании (фразема употребляется в функции сказуемого) и мифические представления древних славян о том, что сор (мусор), вынесенный из избы, навлекал на дом неприятности. Так создается двухэтапный механизм образного мышления, который задает новые, более «свободные» правила языковой игры. Ее своеобразие состоит в том, что логический фактор ограничивается, уступая авансцену языкового сознания речемыслительной экзотике: нестандартной денотативной ситуации и «кинетическим мелодиям» и «моторным представлениям».

Протознаковые средства, к которым относится и внутренняя форма русинско-восточнославянских фразем, обуславливаются деятельностным

характером речемышления. Это объясняется тем, что действие содержит в себе также элементы *памяти* и *предвидения*. Без предвидения, без мотива оно не может начаться, без памяти оно не может закончиться, без оценки и контроля оно лишь случайно может быть эффективным. Действие не только связывает между собой настоящее, прошлое и будущее, но и создает для идиоматики собственное время. Для знаков косвенной номинации это чрезвычайно важный фактор, поскольку помимо когнитивных, созидательных, продуктивных (и разрушительных) свойств действие обладает и аффективными свойствами. Действие же в сфере фраземики не может быть беспристрастным. В свое время В. фон Гумбольдт перефразировал декартово понимание действия и страсти: деятельность страдательна, и наоборот. Во фраземике действие и страсть взаимобратимы. Страсть может рассматриваться как внешняя форма фразем, а действие – как внутренняя. Справедливо и обратное: действие – внешняя форма, а страсть – внутренняя. Все дело в точке зрения или в точке отсчета.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Этнонимом *русин* – производным от слова *Русь* – именовало себя население Древней Руси; второе самоназвание – руснаки (руснаци); известны также как лемко-русины, руськие, угрорусины, угрорусы, карпатороссы, рутены, русские (Резанова, Шиляев 2015). Уже много веков они проживают в Закарпатье, Восточной Словакии, Сербской Воеводине, хорватской Далмации, Юго-Восточной Польше (Холм – бывшая столица Галицко-Волынского княжества, Перемышль – первая столица Галицкого княжества), Венгрии, севере Румынии (Марамуреше и Сучавском уезде). В статье сохраняется написание русинских фразем по словарю (Вархол, Івченко 1990).

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко 2010 - *Алефиренко Н.Ф.* Идиоматика в языковой картине мира // *Językowy obraz świata słowian a kultura / Pod red. prof. Olega Tiszszenki.* Lublin-Równe, 2010. T. 1. S. 8-14.

Алефиренко 2015 - *Алефиренко Н.Ф.* Фразеомобразующий потенциал дискурсивно-модусного концепта // *Устойчивые фразы в парадигмах науки.* Тула, 2015. С. 217-225.

Вархол, Івченко 1990 - *Вархол Н., Івченко А.* Фразеологічний словник

лемківських говірок східної Словаччини. Видало Словацьке педагогічне видавництво в Братиславі, відділ української літератури в Пряшеві, 1990. 160 с.

Венжинович 2012 - *Венжинович Н.Ф.* Культурно-познавательное пространство украинской и русской фразеологии // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации. Кострома, 2012. С. 59-61.

Ганудель 1985 - *Ганудель З.* До структурної та семантичної класифікації фразеологізмів села Пихонь // Народний календар. СПВ ВУЛ Пряшів, 1985. С. 106-108.

Ганудель 1986 - *Ганудель З.* Генетична класифікація фразеологізмів говірок сіл Пихонь і Видрані // Народний календар. СПВ ВУЛ Пряшів, 1986. С. 33-36.

Демешкина 2011 - *Демешкина Т.А.* Базовые концепты в традиционной культуре и дискурсивных практиках (на материале русских и итальянских пословиц) // *Euroa orientalis*. 2011. № 14/2. С. 165-176.

Дуличенко 1981 - *Дуличенко А.В.* Славянские литературные микроязыки: вопросы формирования и развития. Таллин: Валгус, 1981. 323 с.

Жинкин 1982 - *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982.

Мельник 2001 - *Мельник Л.В.* Культурно-національна конотація українських фразеологізмів: дис. ... канд. філол. наук. Луганськ, 2001. 206 с.

Мокиенко 1989 - *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. М.: Высш. шк., 1989. 287 с.

Панькевич 1958 - *Панькевич І.* До питання генези українських лемківських говорів // *Славянская филология*. 1958. Вып. 3. С. 164-199.

Пилипчук 2008 - *Пилипчук С.М.* Галицько-руські народні приповідки: пареміологічно-пареміографічна концепція Івана Франка. Львів, 2008. 219 с.

Резанова, Шиляев 2015 - *Резанова З.И., Шиляев К.С.* Этнонимы «русин», «русинский» в русской речи: корпусное исследование // *Русин*. 2015. № 1 (39). С. 239-255.

Толстой 1973 - *Толстой Н.И.* К реконструкции праславянской фразеологии // *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов* (Варшава, 1973). М., 1973. С. 272-293.

Франко 2006 - *Галицько-руські приповідки: У 3 т. / Зібрав, упорядкував і пояснив др. Іван Франко: 2-е вид. Львів, 2006. Т. 1. 832 с.; Т. 2. 818 с.; Т. 3. 699 с.*

Шпет 2003 - *Шпет Г.Г.* Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольта. 2-е изд., стереотип. М., 2003.

Földes 2005 - *Földes C.* Kulturgeschichte, Kulturwissenschaft und Phraseologie: Deutschungarische Beziehungen // *Deutsche Wortforschung als Kulturgeschichte. Beiträge des Internationalen Symposiums aus Anlass des*

90-jährigen Bestandes der Wörterbuchkanzlei der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005. S. 323-345.

Fejsa 2014 - *Fejsa M.* The Ruthenian journey from the Carpathian mountains to the Panonian Plain // Русин. 2014. № 2 (36). С. 182-191.

REFERENCES

Alefrenko, N.F. (2010) *Idiomatika v yazykovoy kartine mira* [Idiomatics in a linguistic picture of the world]. In: Tiszszenki, O. (ed.) *Językowy obraz świata słowian a kultura* [The language picture of the world in the Slavic culture]. Vol. 1. Lublin-Równe. pp. 8-14.

Alefrenko, N.F. (2015) *Frazemoobrazuyushchiy potentsial diskursivno-modusnogo kontsepta* [The phrase-forming potential of a discursive modal concept]. In: Tokarev, G.V. (ed.) *Ustoychivye frazy v paradigmakh nauki* [Set phrases in the scientific paradigms]. Tula: S-Print. pp. 217-225.

Varkhol, N. & Ivchenko, A. (1990) *Frazeologichnyi slovník lemківських говірок шкхідної Словаччини* [The Phraseological Dictionary of Eastern Slovak Lemko's dialects]. Presov: Slovak Pedagogical Publishing House.

Venzhinovich, N.F. (2012) *Kulturno-poznavatelnoe prostranstvo ukrainskoy i russkoy frazeologii* [The cultural and cognitive space of Russian and Ukrainian phraseology]. In: Melerovich, A.M. (ed.) *Natsionalno-kulturnyy i kognitivnyy aspekty izucheniya edinitz yazykovoy nominatsiyi* [National, cultural and cognitive aspects of studying linguistic nominative units]. Kostroma: Kostroma State University. pp. 59-61.

Ganudel, Z. (1985) *Do strukturnoi ta semantichnoi klasifikatsii frazeologizmiv sela Pikhon* [To the structural and semantic classification of Pikhon phraseology]. In: *Narodnyy kalendar* [Peoples' calendar]. Presov: SPV VUL. pp. 106-108.

Ganudel, Z. (1986) *Genetichna klasifikatsiya frazeologizmiv govirok sil Pikhon i Vidrani* [Genetic classification of the phraseology of Pykhon and Vydrany dialects]. *Narodnyy kalendar* [Peoples' calendar]. Presov: SPV VUL. pp. 33-36.

Demeshkina, T.A. (2011) *Bazovye kontsepty v traditsionnoy kulture i diskursivnykh praktikakh (na materiale russkikh i italyanskikh poslovits)* [Basic concepts in the traditional culture and discursive practices (a case study of Russian and Italian proverbs)]. *Europa orientalis*. 14/2. pp. 165-176.

Dulichenko, A.V. (1981) *Slavyanskie literaturnye mikroyazyki: voprosy formirovaniya i razvitiya* [Slavic literary microlanguages: problems of formation and development]. Tallin: Valgus.

Zhinkin, N.I. (1982) *Rech kak provodnik informatsii* [Speech as an information conductor]. Moscow: Nauka.

Melnik, L.V. (2001) *Kultuno-natsionalna konotatsiya ukraïnskikh frazeologizmiv* [Cultural and national connotation of Ukrainian phraseologisms]. Philology Cand. Diss. Lugansk.

Mokienko, V.M. (1989) *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavic phraseology]. Moscow: Vysshaya shkola.

Pankevich, I. (1958) *Do pitannya genezi ukraïnskikh lemktivskikh govoriiv* [On the genesis of Lemko's dialects]. *Slavyanskaya filologiya*. 3. pp. 164-199.

Pilipchuk, S.M. (2008) *Galitsko-ruski narodni pripovidki: paremiologichno-paremiografichna kontseptsiya Ivana Franka* [Galician-Russian proverbs: paremiological and paremiographical concept of Ivan Franko]. Lviv: Ivan Franko Publishing House.

Rezanova, Z.I. & Shilyaev, K.S. (2015) Ethnonyms "Rusin" and "Rusinian" in Russian discourse: a corpus study. *Rusin*. 1 (39). pp. 239-255.

Tolstoy, N.I. (1973) [To the reconstruction of Common Slavic phraseology]. *Slavyanskoe yazykoznanie* [Slavic linguistics]. The 7th International Congress of Slavists. Warsaw. Moscow. pp. 272-293.

Franko, I. (2006) *Galitsko-ruski pripovidki: U 3-kh t.* [Galician-Russian proverbs. In 3 vols.]. 2nd ed. Lviv: Ivan Franko Publishing House.

Shpet, G.G. (2003) *Vnutrennyaya forma slova: Etyudy i variatsii na temy Gumboldta* [The inner form of the word: Essays and variations on Humboldt's works]. 2nd ed. Moscow: Editorial USSR.

Földes, C. (2005) [The history of culture, cultural studies and phraseology: German-Hungarian relations]. *Deutsche Wortforschung als Kulturgeschichte* [German Word Research as Cultural History]. Proc. of the International Symposium devoted to the 90th anniversary of The Dictionary of the Austrian Academy of Sciences. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. pp. 323-345.

Fejsa, M. (2014) The Rusinian journey from the Carpathian mountains to the Panonian Plain. *Rusin*. 2 (36). pp. 182-191.

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Белгородского государственного университета.

Alefirenko Nikolai – Belgorod State University (Russia).

E-mail: n-alfirenko@rambler.ru

УДК 81'42

UDC

DOI 10.17223/18572685/41/12

СОЦИАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МАЛЫХ ПЕСЕННЫХ ЖАНРОВ СЛАВЯНСКОГО ФОЛЬКЛОРА В СОВРЕМЕННОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

И.В. Тубалова¹, Ю.А. Эмер²

Томский государственный университет, Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: tina09@inbox.ru, Scopus Author ID: 56705533600, SPIN-код: 8530-2711

²E-mail: julika71@mail.ru, SPIN-код: 3255-0482

Авторское резюме

Статья посвящена выявлению функционально обусловленной специфики народной припевки и направлений ее трансформации, вызванной спецификой социокультурной ситуации в современном славянском мире. Современные фольклорные жанры различным образом реализуют фольклорную функцию социокультурной идентификации. Среди наиболее востребованных - как лично, так и институционально - выступают народные припевки как малые песенные фольклорные жанры. Частушка и коломийка как жанры русского и украинского фольклора демонстрируют общность принципов миромоделирования, обусловленную единством славянских традиционных фольклорных установок. Такая жанровая специфика, а также ряд общих свойств современного социокультурного бытия славянских народов бывшего СССР определяют единство вектора изменений принципов функционирования славянских народных припевок. Малые песенные фольклорные жанры в настоящее время практически утратили функцию организации устного фольклорного коммуникативного обмена. При этом они оказались востребованы в других сферах коммуникации. Они обладают формально-содержательной мобильностью - в силу ориентированности вовне. Отвечая на личностную потребность современного человека в социокультурной идентификации, припевка активно функционирует в его институционально не регулируемых коммуникативных сферах. При этом ее текст испытывает незначительные внешние трансформации, обусловленные особыми условиями бытования в письменной форме. Принципы жанрового миромоделирования в основном сохраняются, а содержание, согласно жанровым принципам, отражает актуальную действительность. Среди институциональных дискурсов активностью использования припевки выделяется политический дискурс. Отвечая на манипулятивную интенцию социального института, припевка испытывает значительные трансформации жанровых принципов миромоделирования. Утрачивается свойство карнавального иронического переворачивания нормы: норма реализуется прямо, выстраиваясь с позиций агентов политического дискурса. При этом русскую частушку жанровые трансформации приближают к ядерным жанрам политического дискурса.

Ключевые слова: славянский фольклор, дискурс, фольклорный жанр, малый песенный жанр, частушка, коломийка, жанровая трансформация.

* Работа выполнена в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

SOCIALLY CAUSED TRANSFORMATIONS OF SMALL SLAVIC FOLKLORE SONG GENRES IN MODERN COMMUNICATIVE SPACE*

I.V. Tubalova¹, Yu.A. Emer²

Tomsk State University, 36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: tina09@inbox.ru, Scopus Author ID: 56705533600

²E-mail: julika71@mail.ru

Abstract

Modern folklore genres differently realize the folklore function of socio-cultural identification. The most popular, both personally and institutionally, are folk pripevkas as small song folklore genres. In this study, the functional specificity of the small song folklore genres and their transformations are considered in Russian chastushkas and Ukrainian kolomyikas. At present, small song folklore genres have almost lost the function of oral folklore communicative exchange organization. However, they are in demand in other communication spheres. They are formally and semantically flexible due to their outward orientation. Responding to modern people's personal need in socio-cultural identification, the pripevka actively functions in people's communication spheres that are not regulated by institutions. At the same time the pripevka text slightly transforms externally due to the specific conditions of its written form. The principles of genre world modeling are mostly preserved. The content, according to the principles of the genre, reflects the current reality. Political discourse is an institutional discourse that actively uses the pripevka. Reacting to the manipulative intention of the social institution, the pripevka significantly transforms the genre principles of world modeling. It loses the feature of the carnival ironic norm inversion: the norm is expressed directly from the standpoint of the political discourse agents. Genre transformations bring the Russian chastushka closer to the nuclear genres of political discourse.

Keywords: Slavic folklore, discourse, folklore genre, small song genre, chastushka, kolomyika, genre transformation.

В современных исследованиях фольклор понимается как актуальная форма коммуникации, одной из функций которой является социокультурная идентификация современного человека (К.А. Богданов, С.Ю. Нелюдов, Б.Н. Путилов и др.).

Выполнение обозначенной функции было свойственно фольклору на всем протяжении его существования в любой национальной культуре. При этом современная фольклорная коммуникация имеет некоторые значительные отличия от коммуникации, осуществляемой посредством фольклора в традиционной культуре. В связи с этим реализация данной функции в современной культуре претерпела определенные изменения. Основными из них являются следующие.

Во-первых, человек в современном обществе оказывается задействованным в целом ряде дискурсивных практик, освоение которых пред-

* This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

полагает его идентификацию с определенной социокультурной группой. Фольклор участвует в данном процессе как одна из форм реализации социокультурного единства.

Во-вторых, современное информационное пространство организовано как мультиканальное, поэтому информационно-дидактическая функция уже не является для фольклора определяющей – для ее осуществления в основном используются другие каналы. Роль функции социальной идентификации возрастает: «Важно не то, что тексты пословиц и быличек чему-то учат, а то, в качестве каких текстов они опознаются, это тексты "свои" или "чужие", "нормативные" или "ненормативные"» (Богданов 2001).

В-третьих, в условиях глобализации, размывания национально-культурных границ активизируется потребность человека в самоидентификации, и фольклорная сублимация выступает в качестве адекватной формы удовлетворения данной потребности.

Таким образом, фольклор в настоящее время остается естественной коммуникативной сферой культурного осуществления современного человека. При этом его востребование претерпевает функциональную перефокусировку – на ведущие позиции выходит функция социокультурной идентификации.

Потребность в такой идентификации возникает по отношению как к национальной культуре в целом, так и к разным подсистемам современной социальной культуры: профессиональной, досуговой, территориальной и др.

«Новый» функционал фольклора создает предпосылки для активного использования данной формы культуры институциональными структурами, привлекающими отдельные фольклорные жанры для упаковки идеологически значимого для этих структур содержания.

Таким образом, фольклор в современном мире востребуется как с позиций институциональных, так и с позиций лично-ориентированных.

Современные фольклорные жанры различным образом реализуют фольклорную функцию социокультурной идентификации. Среди наиболее востребованных (как лично, так и институционально) выступают народные припевки как малые песенные фольклорные жанры, существующие в разных славянских национальных фольклорных жанровых системах (русские частушки, украинские коломийки, польские краковяки, сербские и хорватские бечарцы). Эти жанры, различные по внешним текстovým признакам, демонстрируют единство принципов миромоделирования, в котором отражается единство славянских национально-культурных установок.

В данном исследовании функционально обусловленная специфика малых песенных фольклорных жанров славянской культуры и их

трансформации в славянском социокультурном пространстве рассматриваются на материале русских частушек и украинских коломиек. Материалом послужили тексты из личной коллекции авторов (более 300 единиц), а также тексты, размещенные в средствах массовой коммуникации России и Украины (порталы политических партий, официальные и неофициальные информационные порталы, неофициальные фольклорные сайты, социальные сети – более 400 единиц).

Институциональная и личностная востребованность этих жанров определяется их жанровыми свойствами (о жанровых свойствах см.: Соколов 1925; Лазутин 1987; Кулагина 2000; Адоньева 2004 и др.).

1. Основная жанровая цель славянских народных припевок – выразить экспрессивно окрашенный отклик на внешнюю действительность. Их характеризует содержательная ориентированность «вовне», отличная от достаточно герметичной текстовой среды фольклора в целом. Так, на данное свойство частушки особое внимание обращает Б.Н. Путилов: «Основной жанровый массив фольклора чужд хроникальности, сиюминутности и даже просто откровенной злободневности. У каждого жанра свои сферы бытия, свои общественные функции и свои возможности. Что касается злобы дня, то это прерогатива слухов, сплетен, разного рода толков, острот, живой речевой стихии. Злобе дня посвящаются частушки и, конечно, анекдоты» (Путилов 1994: 53). Злободневность припевок проявляется на материале самых разных объектов жанрового переосмысления: от межличностных (в основном любовных) отношений до институциональных. Особо выразительно данное свойство проявляется на материале припевок, отражающих социополитическую ситуацию в славянском мире в разные периоды: частушки – *Как во сталинском колхозе Зарезали мерина. Разделили все кишки, Вспоминали Ленина (СО) // Перестройка, перестройка – я и перестроилась. У соседа денег много – я к нему пристроилась*; коломийки – *Ой, эта Америка, чтоб она сгорела, Все мое здоровьечко извсегда изъела // Ой, яка ж ти, коломийка, весела, хороша. Протирають дупутати наші з вами гроші* и т.п. В данных текстах отражается актуальная для различных периодов развития русского и украинского общества тематика, а ее развертывание осуществляется как результат моделирования народного взгляда на оцениваемые события, единые для славянских народов – бывших представителей СССР (организация колхозов, холодная война, перестройка и др.).

2. Припевки отличает особый способ интерпретации действительности – доминантность лирического начала, мажорность основного эмоционального тона, принципиально оценочный характер содержания. Актуальную действительность славянская припевка представляет

специфическим, по сравнению с большинством фольклорных жанров, образом. «Идеальная» действительность предстает в ней в виде анти-нормативного мира. Последовательное отталкивание от нормы – один из принципов жанрового миромоделирования (на материале частушки это показано в: Тубалова, Эмер 2005; Эмер 2011 и др.). Нормы предъявляются по модели «от противного»: верность возлюбленному как коллективная норма любовных отношений (*У меня миленка три, Три и полагается: Пока я с одним целуюсь, Два других ругаются // Ой, гуляла дівчинька по зеленій гаті, Із зіллячка назбирала хлопців чарувати*), мужское доминирование (*Не противитись мені ти, діду, що я своєвольненька. Ти вже два рази одружився, я ще молоденька*), подчинение родителям (*Меня дома бьют, ругают, / Велят милого забыть. / Выйду в сенечки, поплачу, / Но по-ихнему не быть // Як зачую коломийку, зачую-зачую. Через тоту коломийку дома не ночую!*) и др.

3. Востребованность припевок обуславливает также особый характер текстовой формы. С одной стороны, он не требует особых условий для исполнения, с другой – узнаваемость стихотворной и словесно-музыкальной организации припевок (рифма, особый ритм, музыкальное сопровождение, четырехстрочная – композиционно не жесткая – организация частушки, двустрочная – по 14 слогов каждая – организация коломийки и др.) предполагает особый эмоциональный настрой.

Указанные жанровые свойства народных припевок в современном институциональном и лично-ориентированном социокультурном пространстве славянского мира реализуются следующим образом.

Личностно-ориентированная реализация. Современный человек, испытывая потребность в социокультурной идентификации, выбирает народную припевку в качестве одной из форм ее реализации. В основном припевки в этом качестве реализуются в ситуациях устного публичного игрового взаимодействия в неофициальной праздничной коммуникации и письменной интернет-коммуникации, также выступающей как форма публичного эмоционально-информационного обмена, – на специальных сайтах¹.

Злободневность как жанровое свойство припевки определяет естественность обращения к актуальным для современной действительности объектам. «Вечная» жанрово обусловленная тематика транслируется при их участии. Ведущую роль играет любовная тематика: *Вот и кончилась любовь, Разлюбила дилера, А чтоб он не домогался, Полюбила киллера // Я поставлю по фен-шую В спальне старую кровать. Мне б сейчас – любовь большую! Было б легче зимовать!* Появляются и новые социально актуальные темы, единые для частушки и коломийки в силу общей направленности вектора социального развития славянских народов бывшего СССР: *Будут в армию опять Балалаечников брать, Вот еще бы*

научились Водкой танки заправлять // Як мене призвали у війсьکو, сильно я впервся. Не хтів Родіні служити втікнуть намагався.

Некоторые бытовые темы, активные в традиционных русских и украинских народных припевках, получают иное – современное – звучание. Так, в традиционных частушках и коломийках любовная тематика раскрывается через обсуждение нарушения нормы естественных межполовых отношений молодой пары: *Меня милый изменил, На козе уехал в Крым. А я маху не дала – На корове догнала // Ой, у садочку вишня-вишня, що ж таки не черешня. Колі мене любку любиш, що ж таки не береш мене?* Современные припевки расширяют потенциал заданной жанром аномативности, что определяется менее жестким характером современных сексуальных норм: *Снятся парню вновь и вновь Однополая любовь. «Снятся людям иногда Голубые города!..» // Долго думала свекровь Про сердечную любовь. И у тещи увела Её старого козла.*

Полидискурсивный характер существования современного человека, а также изменение структуры информационного обмена выражаются в размывании границ бытового и институционального в жанровой картине мира. Так, оценка бытовых объектов может осуществляться через апелляцию к объектам институциональным. Рассмотрим пример частушки: *Депутат ко мне пришел И на ночь остался. Я моргнула, намекнула, А он воздержался.* Комическая интерпретация негативного результата низового действия осуществляется через использование институционально значимой номинации героя (*депутат*), определяющей двойное прочтение лексемы *воздержался*. Подобный способ жанрового миромоделирования реализуется и в коломийках: *Хтось за пазуху поліз, не сказавши слова... Я гадала, це любов, а це – податкова.* Комический эффект реализуется за счет выраженного текстовыми средствами контраста личностного чувства (*любов*) и конкретной институциональной структуры (*податкова – «налоговая»*).

Текстовая форма народных припевок при устной форме их реализации является стабильной: публичное музыкальное исполнение поддерживает жанровую функцию социокультурной идентификации. При этом современное информационное пространство рассматриваемого славянского мира, создающее условия для письменного бытования фольклора в целом и народной припевки в частности, оказывает влияние на особую реализацию жанрового текста. Как уже отмечалось, письменная форма припевки реализуется в интернет-пространстве, которое открывает для реализации жанровых принципов публичности представления оценки, коллективности особые возможности. Специальные (например, частушечные) сайты предполагают фиксацию реакции аудитории на понра-

вившийся ей текст (отражается количество «лайков», особо отмечаются тексты, получивших максимум отметок на протяжении определенного периода – «лучшая за неделю», «лучшее за месяц», а также выделяются пользователи, разместившие наиболее востребованные частушки и т.п.).

Интернет-представление припевки трансформирует образ ее исполнителя. Анонимность текста поддерживается анонимностью исполнителя (в отличие от классической жанровой формы, транслируемой непосредственно перед публикой).

Изменение сферы бытования и адаптированной к ней формы существования припевки не приводит к изменениям базовых принципов частушечного миромоделирования. Докажем это на материале русской частушки.

Письменный характер бытования частушки накладывает определенный отпечаток на ее форму: ориентированная на чтение, оторванная от условий живого исполнения, письменная частушечная среда порождает тексты, по своей ритмико-интонационной структуре не соответствующие классической жанровой форме: *Кризис шагает Вовсю по Планете. Завтра придется Свалить с Интернета!* Кроме того, формируются тексты, прочтение смысла которых возможно только при их визуальном восприятии: например, включающие аббревиатуры, требующие для их обозначения использовать заглавные буквы: *Нету кризиса, ей-ей!!! У нас все для людей! Мы и в условиях ЖП Удвоаем ВВП!!!!*

Таким образом, отвечая на личностную потребность современного человека в социокультурной идентификации, припевка активно функционирует в его институционально не регулируемых коммуникативных сферах. При этом ее текст испытывает незначительные внешние трансформации, обусловленные особыми условиями бытования в письменной форме. Принципы жанрового миромоделирования в основном сохраняются, а содержание, согласно жанровым принципам, отражает актуальную для современного славянского мира действительность.

Институциональная реализация. Среди фольклорных жанров именно жанровая форма народной припевки наиболее активно используется социальными институтами для решения собственных задач. По степени институциональной востребованности этот жанр можно сравнить только с загадкой, но активность припевки в сфере институциональной коммуникации значительно выше (напр., об использовании загадки в педагогическом дискурсе см.: Перевалова 2013).

Припевку можно обнаружить в педагогическом, образовательном, рекламном и других дискурсах, но особо востребованной данная жанровая форма становится в дискурсе политическом.

Рассмотрим специфику институционально заданной реализации жанровой формы народной припевки в российском и украинском политическом дискурсе.

Цель политического дискурса – борьба за власть (Кашкин 2000; Шейгал 2000; Карасик 2002 и др.), в процессе которой его участники должны «внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и / или оценок» (Демьянков 2002: 37).

В основе специфики речевой составляющей политического дискурса – его манипулятивная установка, обеспеченная данной интенцией. Данная установка, в первую очередь, реализуется через ядерные жанры политического дискурса – политические дебаты, лозунги, выступления, инаугурационное обращение и др. (о жанрах политического дискурса см., напр.: Шейгал 2000).

Помимо ядерных жанров политического дискурса эта установка реализуется в жанровых формах его значимой периферии – *политических песнях, стихотворениях* и т.д., возникающих на пересечении с другими дискурсами. В жанровую периферию российского и украинского политического дискурса втягивается и народная припевка, активно используемая их агентами при реализации своих целей. При этом другие жанры современного славянского фольклора такой востребованностью в этой сфере не обладают в силу специфики жанровых свойств. Так, ограничения на использование жанров, ориентированных на передачу эмоционального состояния героя (лирическая песня, жестокий романс и т.п.), накладывает отсутствие, по Б.Н. Путилову, хроникальности, сиюминутности и злободневности (Путилов 1994). Другие – ориентированные «вовне» – жанры, например анекдот, не востребуются в силу жанровых ограничений другого типа: комический эффект в политическом анекдоте достигается за счет содержательного карнавального представления оппозиционной политической силы как жестко негативной, что не отвечает институциональным требованиям политкорректности.

Активное использование малых славянских песенных фольклорных жанров официальными политическими структурами определяется особым взаимодействием их формальных и содержательных свойств. Яркая внешняя стихотворная форма позволяет сохранять установку на раскованное, неофициальное общение, а также на трансляцию общекультурной (а не институционально заданной) нормативности при манипулятивной трансформации содержания. Кроме того, жанровая форма народной припевки фокусирует особое внимание клиентов дискурса на национально-культурной идентификации (частушка воспринимается как русский народный текст, коломийка – как украинский).

Так, от имени агентов российского политического дискурса, например политической партии «Единая Россия», активно организуются конкурсы частушек (например, Амурское, Рязанское и другие региональные отделения), причем их тематика – не политическая («*Тещу да зятя нельзя разъяти*» (о единстве семейных отношений) (название конкурса, проводимого Амурским региональным отделением²)). Такие частушки способствуют реализации идеи национального единения, определяемой спецификой политической позиции данной партии, основанной на политике национального единства (из программного обращения партии: *Россия не раз добивалась настоящих прорывов, достойных ее величия, достойных силы и таланта нашего народа, богатства нашей культуры, общих ценностей, которые скрепляют единую и неделимую российскую нацию, единую и неделимую Россию*³).

Частушки на политическую тематику также востребованы в официальных политических структурах. В деятельности политических партий они используются и в рамках народных конкурсов, проводимых от имени агентов дискурса. Участвуя в них, клиенты дискурса, отвечая на его манипулятивность, продуцируют частушечную форму, лишенную ряда значимых признаков жанровой организации. Свойственный данному жанру комический эффект, основанный на выражении антинормативного содержания, практически редуцируется. Большинство институционально востребованных политических частушек абсолютно утрачивают такие жанровые свойства, как комическое переосмысление действительности. Разрушается основной принцип жанрового миромоделирования, основанный на антинормативности: *Я России Справедливой Буду верен до конца. У ребят из Справедливой Очень чуткие сердца // У России Справедливой Вышел первый юбилей. Каждый честный избиратель За дела ее болей!*⁴).

В приведенных текстах реализуется нормативное – с позиций данной политической партии – представление действительности. Она проявляется не только в особом содержании, но и в привлечении особых текстовых средств высоких стилей, не характерных для частушки (*Буду верен до конца; чуткие сердца*). Кроме того, жанровый текст частушки трансформируется под влиянием дискурсивных интенций, по форме приближается к лозунгу, который отличает оформление в виде призыва, долженствования (Стексова 2011), особое взаимодействие директивности и декларативности (Шмелева 2003): *Ты не слушай наставленья Ни начальства, ни друзей. Выбери сам президента, Чтоб работал на людей // Избиратель, ты реши И на выборы спеш. Чтоб в Госдуму лишь попали Мальчиши-кибальчиши!* Даже анормативность в таких частушках оформляется не на основании жанрового «переворачивания нормы», а в форме прямого предупреждения: *Равно-*

душе людское До добра не доведет. Придут к власти мародеры, Статус жизни упадет. В результате создается эффект представления их ценностно ориентированного содержания от имени клиента политического дискурса.

Среди единичных примеров сохранения частушечных признаков – отдельные тексты, востребованные в рамках мероприятий, проводимых оппозиционными партиями России: *За парламент голосуют, Всех надуруют как хотят. Бюллетени подтасуют, Изберут кого хотят*⁵). Конкретные субъекты частушечного оценивания при этом не называются, негативные характеристики (*надуруют, подтасуют*) связаны с народным восприятием общих проблем всех избирательных кампаний.

Таким образом, среди институциональных дискурсов активностью использования припевки выделяется политический дискурс. Отвечая на манипулятивную интенцию социального института, припевка испытывает значительные трансформации жанровых принципов миромоделирования. Утрачивается свойство карнавального иронического переворачивания нормы: норма реализуется прямо, выстраиваясь с позиций агентов политического дискурса. При этом русскую частушку жанровые трансформации приближают к ядерным жанрам политического дискурса.

Реализация в коммуникативной сфере, обладающая признаками институциональности и личностной ориентированности. Помимо личностно-ориентированного и институционального (официального) дискурсов реализации народных припевок существует еще одна значимая и отличная от вышеназванных коммуникативная сфера их социально значимой реализации – пространство информационных сайтов. Эта коммуникативная сфера обладает признаками институциональности (как внешне контролируемая среда) и личностной ориентированности (как среда с низким уровнем формальности общения). Присутствие припевок на сайтах такого типа в интернет-пространстве России и Украины – показатель активизации национально-культурного самосознания. Так, большое их количество обнаруживается на современных украинских сайтах⁶. Эти коломийки отличает сохранность не только жанровой формы, но и жанровых принципов миромоделирования, связанных с «переворачиванием» нормы: *Коломийку заспівати, коломийку грати, Як не маєш, кого копнуть, – Копни дупутата! // Українська Феміда Чесно заробляє – Хто покаже більше грошей Під того лягає.*

Помимо самостоятельного употребления, оформленного в виде отдельного жанрового текста, коломийки достаточно регулярно цитируются в полуофициальных текстах других жанров рассматриваемой коммуникативной сферы (отметим, что материалами личностно-ориентированных дискурсов Украины авторы статьи не располагают): *По-перше, хочемо відповідально заявити – у приватному спілкуванні між двома*

людьми жодного мовного питання не існує. Порозумітися можна навіть за рецептом відомої коломийки – **він усе, що йому треба, на мигах покаже**. Держава – от хто головна причина будь-яких мовних питань. Коли вживають слово «питання», завжди мають на увазі державну мову («Вопервых, хотим ответственно заявить – в общении между двумя людьми никакого языкового вопроса не существует. Объясниться можно даже по рецепту известной коломыйки – **он все, что ему нужно, на мигах покажет**. Государство – вот главная причина любых языковых вопросов. Когда употребляют слово «вопрос», всегда имеют в виду государственный язык»).

Это также можно рассматривать как форму проявления активности национально значимых интенций: на русскоязычных информационных сайтах факты цитирования частушек единичны.

Выводы. Частушка и коломийка демонстрируют общность принципов миромоделирования, обусловленную единством славянских традиционных фольклорных установок.

Такая жанровая специфика, а также ряд общих свойств современного социокультурного бытия славянских народов бывшего СССР определяют единство вектора изменений принципов функционирования славянских народных припевок.

Малые песенные фольклорные жанры в настоящее время практически утратили функцию организации устного фольклорного коммуникативного обмена в славянском социокультурном пространстве. При этом они оказались востребованы в других сферах коммуникации: на специальных интернет-сайтах – как лично-ориентированной коммуникативной сфере, в официальной политической коммуникации – как институциональной коммуникативной сфере, на официальных информационных порталах – как синтетичной коммуникативной сфере. В силу внешней ориентированности они обладают формально-содержательной мобильностью. Кроме того, сохранность данного жанра и удобство его использования для решения манипулятивных задач определяются его внешней привлекательностью для обывателя, обеспеченной комическим эффектом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Например, <http://www.chastushki.ru/>; <http://chastushka.yaxu.ru/> и др.
2. <http://portamur.ru/news/detail/edinaya-rossiya-sdelala-stavku-nachastushki/> и др.
3. <http://er.ru/party/program>

4. <http://www.verstov.info/news/society/16487-u-rebyat-iz-spravedlivoy-ochen-chutkie-serdca-magnitogorcy-priznayutsya-v-lyubvi-eseram.html>
5. <http://www.tv2.tomsk.ru/news/na-novo-sobornoj-lprozvuchalipoliticheskie-chastushkil>
6. Например, <http://tech.obozrevatel.com/news/2006/10/13/140061.htm>

ЛИТЕРАТУРА

Адоньева 2004 - *Адоньева С.Б.* Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во СПб. ун-та; ЗАО ТИД «Амфора», 2004. 312 с.

Богданов 2001 - *Богданов К.А.* Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство-СПб., 2001. 438 с.

Демьянков 2002 - *Демьянков В.З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М.: ИНИОН РАН, 2002. № 3. С. 32-43.

Карасик 2002 - *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Кашкин 2000 - *Кашкин В.Б.* Введение в теорию коммуникации. Воронеж: ВГТУ, 2000. 175 с.

Кулагина 2000 - *Кулагина А.В.* Поэтический мир частушки. М.: Наука, 2000. 303 с.

Лазутин 1987 - *Лазутин С.Г.* Частушка // Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 493.

Перевалова 2013 - *Перевалова Д.А.* Жанр загадки в дискурсе дошкольного образования: к вопросу трансформации жанра // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 32-36.

Путилов 1994 - *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 239 с.

Соколов 1925 - *Соколов Ю.* Частушка // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чехихина-Ветринского. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 2. С. 1090-1092.

Стексова 2011 - *Стексова Т.И.* Речевой жанр обещания в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 63-66.

Тубалова, Эмер 2005 - *Тубалова И.В., Эмер Ю.А.* Ценностная картина мира традиционного и современного фольклора. Картина русского мира: аксиология в языке и тексте / Отв. ред. З.И. Резанова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 257-296.

Шейгал 2000 - Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 440 с.

Шмелёва 2003 - Шмелёва Т.В. Лозунг // Культура русской речи: энцикл. словарь-справ. / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 313.

Эмер 2011 - Эмер Ю.А. Современный песенный фольклор: когниции и дискурсы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 266 с.

REFERENCES

Adoneva, S.B. (2004) *Pragmatika fol'klora* [Pragmatics of the folklore]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, Amfora.

Bogdanov, K.A. (2001) *Povsednevnost' i mifologiya: Issledovaniya po semiotike fol'klornoy deystvitel'nosti* [Daily life and mythology. Research on the semiotics of folk reality]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb.

Demyankov, V.Z. (2002) Politicheskii diskurs kak predmet politologicheskoy filologii [Political discourse as an object of political science]. In: Gerasimov, V.I. & Il'in, M.V. (eds) *Politicheskaya nauka. Politicheskii diskurs: Istoriya i sovremennye issledovaniya* [Political Science. Political Discourse: History and Current Research]. Issue 3. Moscow: INION RAS. pp. 32-43.

Karasik, V.I. (2002) *Zazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [The Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena.

Kashkin, V.B. (2000) *Vvedenie v teoriyu kommunikatsii* [Introduction to the theory of communication]. Voronezh: VSTU.

Kulagina, A.V. (2000) *Poeticheskii mir chastushki* [The poetic world of the chastushka]. Moscow: Nauka.

Lazutin, S.G. (1987) Chastushka [Chastushka]. In: Kozhevnikov, V.M., Nikolaev, P.A., Andreev, L.G. et al. *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [The Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

Perevalova, D.A. (2013) The riddle genre in preschool education discourse: on genre transformation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 374. pp. 32-36.

Putilov, B.N. (1994) *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and folk culture]. St. Petersburg: Nauka.

Sokolov, Yu. (1925) Chastushka [Chastushka]. In: Brodsky, N., Lavretsky, A., Lunin, E., L'vova-Rogachevsky, V. et al. *Literaturnaya entsiklopediya: Slovar' literaturnykh terminov: V 2 t.* [The Literary Encyclopedia: Dictionary of Literary Terms: In 2 vols.]. Vol. 2. Moscow, Leningrad: L.D. Frenkel. pp. 1090-1092.

Steksova, T.I. (2011) Speech genre of promise in political discourse. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics Journal*. 4 (38). pp. 63-66.

Tubalova, I.V. & Emer, Yu.A. (2005) *Tsennoznaya kartina mira traditsionnogo i sovremennogo fol'klora* [The axiological picture of the world of traditional and contemporary folklore]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartina russkogo mira: aksiologiya v yazyke i tekste* [The picture of the Russian world: axiology in language and text]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 257-296.

Sheygal, E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Philology Doc. Diss. Volgograd.

Shmeleva, T.V. (2003) *Lozung* [The Slogan]. In: Ivanov, L.Yu. Skovorodnikov, A.P. & Shiryaev, E.N. (eds). *Kul'tura russkoy rechi: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [The Culture of Russian discourse: the encyclopedic dictionary]. Moscow: Flinta; Nauka. p. 313.

Emer, Yu.A. (2011) *Sovremennyy pesenny fol'klor: kognitsii i diskursy* [Modern folk songs: cognitions and discourses]. Tomsk: Tomsk State University.

Тубалова Инна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.

Tubalova Inna – Tomsk State University (Russia).

E-mail: tina09@inbox.ru

Эмер Юлия Антоновна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.

Emer Yulia – Tomsk State University (Russia).

E-mail: julika71@mail.ru

УДК 81-112

UDC

DOI 10.17223/18572685/41/13

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СЛАВ. *ЇERDA: СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ*

Л.П. Дронова

Томский государственный университет
Россия, 634050 г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: lpdronova@mail.ru

Авторское резюме

В статье рассматривается этимологически спорное слав. **čerda*. Существующие гипотезы относят это праславянское образование к продолжениям и.-е. **ker-* 'резать': О.Н. Трубачев посчитал слав. **čerda* техническим скотоводческим термином отсчета времени и хозяйственных расчетов между пастухами и родовой общиной, О.Н. Топоров связывал это славянское образование с обозначением одной из особенностей ритуала жертвоприношения. Обращение к сопоставительному анализу семантического поля производных слав. **čerda* и его соответствий в родственных языках дает основание отнести слав. **čerda* в другое этимологическое гнездо (**k'erg-*: **k'irē-*), семантика производных которого преимущественно выражает идею *питания / роста и порождения / череды*, и рассматривать слав. **čerda* как отголосок в языке осмысления природной цикличности, упорядоченности (распространенного из сферы растениеводства в скотоводство?).

Ключевые слова: лексика, славянские языки, этимология, семантическая реконструкция.

GENETIC RELATIONSHIP OF *ЇERDA: SEMANTIC RECONSTRUCTION**

L.P. Dronova

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050, Russia
E-mail: lpdronova@mail.ru

Abstract

The article deals with the etymologically disputable Slav. **čerda*. Existing hypotheses argue that it is a derivative of I.-E. **ker-* 'to cut'. O.N. Trubachev considered Slav. **čerda* a technical stock-raising term meaning measure of time and accounting between herdsmen and a kinship community. O.N. Toporov thought this Slavic derivative to be connected with special features of offering sacrifice. The comparative analysis of the

* Работа выполнена в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

** This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

lexical-semantic field of Slav. *čerda derivatives gives an opportunity to consider Slav. *čerda a derivative of another I-E. root (*k'ér-: *k'irē-). Its derivatives mostly mean nurture / growth and birth / interchange. Therefore, Slav. *čerda can be viewed as an interpretation of nature cyclicality and order (borrowed from plant-raising to stock-raising?).

Keywords: lexicon, Slavic languages, etymology, semantic reconstruction.

Постановка проблемы. Глубина памяти народов, закрепленная в мифах и преданиях, как известно, измеряется тысячелетиями, иногда и многими (ср. многие библейские легенды, греческие мифы о похищении Европы из Малой Азии, поход аргонавтов, война германских богов асов и ванов и многие другие, отразившие реальные исторические события расселения и древних контактов европейских народов). Какова глубина исторической памяти языка народа, одной языковой единицы, если попытаться выявить ее генетические связи, учитывая особенности ее функционирования в разные исторические периоды и пытаюсь найти то формально-семантическое основание (этимологическое лоно), которое могло бы объяснить логику сопряжения разных понятий в семантическом поле лексемы, ее словообразовательно-этимологического гнезда?

Славянское *čerda, его производные с XIX в. привлекали внимание этимологов (начиная с А. Фика, А. Мейе, Ф. Миклошича, А. Бернекера и др.). Но до сих пор этимолого-словообразовательный анализ, определение исходного значения (resp. производящего понятия) и направления его филиации остаются дискуссионными. Чем привлекательно это славянское образование? Дело в том, что семантическая структура его производных во всех славянских языках, семантика родственной лексики ряда других индоевропейских языков показывают исторически глубокое сопряжение понятий, значимых в истории духовной и материальной культуры европейцев: это сопряжение понятий «чередa, черед» как «упорядоченное движение, развитие (в пространстве и во времени)» и «стадо скота» (и его производные – «отряд», «толпа», «стая», «рой»).

Методы анализа, материалы, источники. На основании чего мы хотим вернуться к этому вопросу, что добавить в его рассмотрение? Во-первых, вне словарного формата эта лексическая группа (насколько известно) не рассматривалась, и поэтому можно привлечь сопоставительный анализ семантических полей лексики, генетически близкой слав. *čerda и в других родственных языках; во-вторых – учесть исторически меняющиеся пространственные характеристики этих языков, что позволит предположить историческую глубину формирования рассматриваемой лексической группы; в-третьих, добавить для анализа материал германских

языков (прежде всего древневерхненемецкого), ранее не учитывавшийся в анализируемой проблеме.

Материалы славянских языков. Семантическое поле производных слав. *čerda в южно- и западнославянских языках включает в себя достаточно разные значения – ‘стадо’, ‘отряд, разряд’, ‘смена, очередь’, ‘вереница’, а также ‘чистота, опрятность’: *ст.-слав.* чръда ‘чередa дней’, ‘разряд, отряд’, *болг.* черда́ (чередa, чръда, чръда́) ‘стадо (буйвол, коров)’, *с.-хорв.* чреда ‘очередь’, диал. čreda ‘стадо коров’ и ‘очередь’, ‘ряд’, *словен.* čréda ‘стадо’, ‘очередь’, диал. čéda также ‘чистота, опрятность’, čéden, čréden ‘чистый’, *чеш.* třída ‘ряд’, ‘разряд’, ‘смена, очередь’, ‘улица’, *стар.* tředa ‘смена’, *слви.* črieda ‘стадо’, *в.-луж.* črjóda ‘отряд, группа’, ‘очередь, вереница’, *польск.* trzoda, *стар.* czrzoda ‘стадо скота (особ. овец, коз, свиней)’ (ЭССЯ 1977: 60-61; Skok 1971: 337).

В восточнославянских языках в основном те же значения у аналогичного образования – ‘стадо’, ‘очередь, черед’, ‘вереница’: *др.-рус.* череда ‘очередь’, *рус.* череда́ ‘черед’, диал. ‘стадо крупного скота, в отличие от ватаги, стада мелкого скота’ (*новг., пск., курск., донск.*), *укр.* череда́ ‘стадо крупного рогатого скота’, диал. ‘косяк рыб’, блр. чарада́ ‘стадо’, ‘вереница’, ‘орава’, диал. чиріда́ ‘очередь, черед’. Кроме этих значений в восточнославянском ареале отмечено значение ‘пора, время’ (*рус. устар. обл.: пришел черед ягодам; жди свой черед*), ‘просо разных сортов’ (*укр.*), ‘растение череда, Bidents’ (*рус., укр.*) (ЭССЯ 1977: 60-61; Топоров 1980: 316-317).

Значение в словенском ‘чистота, опрятность’ не исключение в рассматриваемом семантическом поле *слав.* *čerda, об этом свидетельствует *рус. диал.* чередить ‘очищать, делать что-н. лучше обыкновенного’ (*перм.*), ‘наблюдать опрятность, чистоту’ (*пск.*), ‘учреждать, изготавливать, обиходить’ (Васнецов), ‘обрабатывать пашню’ (*тобол., тюмен.*) и под., а также чередник (*укр., рус. диал.*) ‘пастух’ и ‘порядок’. Однокорневые прилагательные в славянских языках указывают на похожий круг их семантики (‘очередной’ и ‘стадный’, ‘чистый, опрятный’) (ЭССЯ 1977: 63-64).

В славянских языках сохранились сведения о том, что понятия «чередa / черед» использовались как своего рода счетная единица в общинном стаде для расчета с пастухом (ср. Даль 1994: 1309-1310: «(влд.) У него четыре череды ходят: две коровы, лошадь, два телка и две овцы <...> (влд., кстр.) счет скота на пастве, для расчета с пастухом, ведется чередami: корова, или лошадь, или две овцы, или одна свинья, один черед или одна чередa; овца или теленок, полчереду, полчереды; местами: две коровы, или три теленка, или шесть овец; (*тульск.*) десять овец»).

Таким образом, анализ семантического поля производных *слав.* *čerda обнаруживает два основных семантических центра – ‘чередa, черед /

очередь' и 'скот, стадо'. Значение 'чистота, порядок' является производным от 'череда' ('приводить в череду' = 'приводить в порядок'). Иерархия значений 'череда, черед' и 'время', 'счетная единица в стаде' на фоне рассматриваемого семантического поля не ясна.

Материалы языков, родственных славянским. Обращение к родственным языкам обнаруживает соответствие локально представленному в семантическом поле славянских образований значению 'пора, время', которое соотносится с *др.-прусс.* *kērdan* 'время'. Для этой прусской лексемы (как и славянской) В.Н. Топоров считает исходным значение 'очередь, черед' (*прусс.* *prei swaian kērdan* = нем. *zu seiner Zeit*: «речь идет не просто о наступлении некоторого времени (поры), а именно того его отрезка, который следовал в предполагаемой известной очередности, в ряду других отрезков» (Топоров 1980: 316). Но ранее в балтийских языках, вероятно, были представлены и однокорневые образования со значением 'очередь, черед', свидетельством этому служат заимствования в прибалтийско-финских языках (*финск.* *kerta* 'раз, однажды', 'период времени', 'слой, этаж', *эст.* *kord* 'черед', 'очередь', 'порядок', 'строй', 'раз, однажды' и др. (Топоров 1980: 319).

Вышеназванные семантические центры неодинаково представлены (отразились? сохранились?) в семантике генетически близкой лексики других индоевропейских языков. С семантическим центром 'стадо' славянских языков соотносится широкий круг однокорневых образований: *литов.* *kerdžius* 'пастух', германские обозначения стада и пастуха (*гот.* *hairda, hairdeis*, *др.-англ.* *herd*, др.-в.-нем. *hertha* и др.), *кельт. ирл.* *crod* 'скот, богатство', ср.-кимп. *cordd* 'толпа, группа; семья' и *др.-инд.* *śārdha-* 'стадо, толпа', *авест.* *sarəda-* 'вид, род' (< и.-е. **k'erdho-*, **k'erdhā* 'Reihe, Herde'; Рок. 579). Балто-славянское нарушение сатемного рефлекса – явление не исключительное, в данном случае, возможно, возникло ввиду опасности омонимизации с **serda* 'середина' (ЭССЯ 1977: 62). Считается, что в славянских языках сохраняются производные этого же корня, но с другим вокализмом – **kъrd-*, **kъrd-el-*, **kъrd-ъn-*, *ср., с.-хорв.* *крд*, *крдо* 'стадо', *крдър* 'свинопас', *крдело*, *словен.* *krđelo*, *словц.* *krdel*, *укр.* *кирділь*, *кердель* (*карп.-укр. диал.*), *кирд* 'стадо овец' и т.п. (Топоров 1980: 318). Но это мнение дискуссионно: предположению об исконности этой лексики противостоит мнение о заимствовании «из какого-то языка – кентум» (ЭССЯ 1977: 61) или из германских (готского, древневерхненемецкого) языков, диалектов кельтских (Skok 1971: 337-338).

В то же время со значением 'очередь, черед' приводится обычно одно соответствие славянским – *др.-в.-нем.* *hertha* 'Wechsel, Änderung, перемена, смена, чередование'. Но, как показывает словарь древневерхненемецкого

Кёблера (Köbler), в этом языке зафиксировано больше десятка однокорневых слов, выражающих ту же идею очередности, (ожидаемой) переменности, такие как *hertida* '(Aus)tausch, Wechsel', 'exchange', *hertwechsal* 'Wechsel, Veränderung', 'change', *hertōn* 'wechselseitig, abwechselnd', 'mutual', *hertōn* '(ab)wechseln, ändern', 'change, alternate' и др. Употребление в том числе сложных слов *rindherta* 'чередa скота', 'herd of cattle', *skāfherta* 'стадо овец', 'flock of sheep' еще раз доказывает тесную связь понятий «скот» и «чередa» на глубоком историческом уровне. То есть это ранняя славяно-балто-германская изоглосса (возможно, и кельтская, учитывая, что континентальные кельтские не сохранились, а в островных кельтских родственные лексемы имеют значения 'скот, богатство', 'толпа, группа; семья', см. выше).

Этимологические версии. Такую тесную и исторически глубокую связь понятий «скот» и «чередa» О.Н. Трубачев объясняет тем, что это, вероятно, «один из технических (сельскохозяйственных, скотоводческих) терминов отсчета времени и хозяйственных расчетов между пастухами и родовой общиной, основанной на применении надрезов и зарубок» (ЭССЯ 1977: 62). Эта гипотеза основывается на том предположении, что данный термин является производным от и.-е. *ker- 'резать' с суффиксом -d(h)- (ЭССЯ 1977: 62). Убедительна ссылка при этом на культурные аналогии в развитой форме в быту карпатского отгонного скотоводства и на типологически похожее развитие значения у производных роман. *taliāre* 'разрезать' (*итал.* *taglia*, *см.-франц.* *taille* 'дощечка с зарубками', 'подать', сардинск. *tazu* 'стадо мелкого скота') (ЭССЯ 1977: 62). Отсюда следует вывод, что понятие «черты / резы (счетные)» сформировало абстрактное понятие «перемена, черед, чередa» и понятие «скот / стадо» (как «состоящий из счетных единиц»?). Типологически подобного развития семантики мы не встречали (в романских языках обозначения череды / очередности не возникло). Учитывая ареал распространения однокорневых образований, проработанность в языке связи понятий «скот, стадо» и «чередa, черед» из германских языков только в древневерхненемецком, можно предположить, что технический сельскохозяйственный (скотоводческий) термин – это вторичная функция этой языковой единицы, свойственная ей лишь в определенное время и на определенной территории расселения части индоевропейцев-скотоводов (Карпато-Дунайский регион).

В.Н. Топоров, как и О.Н. Трубачев, при объяснении в данном случае связи понятий «скот» и «чередa» полагал, что исходным мотивировочным признаком было 'разрезанное'. Он считал, что и.-е. *k'erdh- или *kerdh- указывало на некое множество, составные элементы которого упорядочены определенным образом построенным чередованием их.

И это, в свою очередь, «отсылает к соответствующему комплексу в практике древнего жертвоприношения (ср. расчленение жертвы на части, определение семантики частей и их последовательности при синтезировании, синтез целого как образа изобильной и космологически организованной /т.е. поддающейся анализу и, следовательно, предсказанию/ множественности)» (Топоров 1980: 320). Это предположение не кажется достаточно убедительным, поскольку речь идет об особом жреческом знании, вряд ли могущем подпитать народное знание, бытовую традицию. И доминирует здесь семантика последовательности, упорядоченной мены (хотя исходное расчленение на элементы предполагается – в пропозиции).

Предлагаемое этимологическое решение. Наше альтернативное решение вопроса связано с предположением, что и.-е. основа *k'erdh-; ее производные (соответственно, и *слав.* *čerda) формировались в этимологическом гнезде другого и.-е. корня (*k'er- : *k'rē-), семантика производных которого преимущественно выражает идею *питания / роста и порождения / череды*: *арм.* ser 'происхождение; род, поколение', serem 'произвожу, порождаю', *греч.* κορέω, κορέσκω, κορέννυμι 'насыщать', κόρος 'сытость', κῆρος 'юноша', κῶρα 'девушка', Κόρη, Κόρα – Кора, Дочь (Деметры), т.е. Персефона, литов. šėrti 'кормить', *алб.* thjer (*k'er-) 'желудь', thjerrë (*k'er-n-) 'чечевица', *герм. усл.* hirsī, *др.-в.-нем.* hirso 'просо', *лат.* Cerēs, Cereris (Cerus) – древнейшая италийская и римская хтоническая богиня производительных сил земли, произрастания и созревания злаков, а также подземного мира (ср. Cerus manus 'creator bonus'), впоследствии Церера считалась богиней злаков и урожая. Вариант в ступени продления корневой гласной представлен в латинском grosēgus 'высокий, рослый'. Другой вариант корня (*k'rē-) стал производящим для лат. creō, creāre 'творить, создавать, учреждать; порождать', crēscō, crēscere 'расти, вырастать, разрастаться, произрастать, превращаться' и для crēber (<*k'rē-dhro-s) 'частый, густо растущий' и 'часто повторяющийся; следующий друг за другом' (rosula crebra 'бокалы за бокалами'), crēbrō 'часто, многократно' (Рок. 1959, 577; W.-H. 1938-1954 I: 286, 288; Vaan 2008: 142, 144). То есть в этом этимологическом гнезде семантика роста / питания и растительной пищи сочетается с семантикой чередования, порождения (одно состояние / действие порождает другое). Синкретичность представления семантики роста / произрастания с семантикой чередования закономерно отразилась в имени и сферах влияния италийской богини Цереры и в греческом мифе о Персефоне: как известно, объединение функций божества производительных сил земли и подземного мира – мифотворческое представление природной цикличности.

Выводы. Таким образом, судя по генетическим связям, исторические корни *слав.* *čerda прослеживаются на тысячелетия, еще на индоевропейском уровне, где производные и.-е. *k'ér-dh-ā имеют значения 'череда; скот / стадо'. Если принять наше сближение основы *k'ér-dh- с корнем *k'ér-, производные которого связаны с понятиями «кормить, питать; растительный корм», «расти, возникать, произрастать, превращаться», «производить, создавать» и «Церера = производительная (создающая) сила земли, реализующаяся в смене, чередовании», то семантической «специализацией», исходным значением производных этимологического гнезда *k'erdhā (*слав.* *čerda) можно считать значение 'череда' как 'определенная последовательность, очередность' (в пространстве, во времени) – отголосок в языке осмысления природной цикличности, упорядоченности (распространенного из сферы растениеводства в скотоводство?). В этом случае обозначение множества, организованного в определенной последовательности ('стадо', 'отряд, группа', 'вид, род'), будет вторичным, конкретизацией исходного. Вторично и употребление «череда» в качестве счетной единицы в составе стада (возможно, именно в Прикарпато-Дунайском ареале, зоне исторических контактов славян, кельтов, западной части германцев).

По дошедшим разрозненным сведениям не представляется возможным установить единое основание для группировки стада на «череда», возможно, его и не было, если учитывались одновременно вид животных, возраст, особенности выпаса (коров, овец, свиней). Можно только напомнить, что и при выпасе животных, и при движении стада всегда сохранялись «естественные» череды, вереницы животных – животное-мать и ее молодой (нарушение такой череды всегда вызывает сумятицу в стаде).

ЛИТЕРАТУРА

Даль 1994 - *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 3-е изд., испр. и доп., под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: А/О Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. Т. 4.

Топоров 1980 - *Топоров В.Н.* Прусский язык. Словарь. М.: Наука, 1980. Т. 3 (I-K).

ЭССЯ 1977 - Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1977. Вып. 4.

Köbler 1995 - *Köbler G.* Althochdeutsches Wörterbuch, 1995. URL: <http://www.koeblergerhard.de> (Zugangsdatum: 03.09.2013).

Pok 1959 - *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.

Skok 1971 - *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971. Kn. 1.

Vaan 2008 - *Vaan de M.* Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages // Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series / Ed. by A. Lubotsky. Leiden, Boston, 2008. Vol. 7.

W.-H. 1938-1954 - *Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3-te, neubearb. Aufl. von Hofmann J.B. Heidelberg, 1938-1954. Bd. 1-2.

REFERENCES

Dal, V.I. (1994) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language. In 4 vols.]. 3rd ed. Vol. 4. Moscow: Progress, Univers.

Toporov, V.N. (1980) *Prusskiy yazyk. Slovar'* [The Prussian Language. A Dictionary]. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1977) *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic languages. The Proto-Slavic lexical fund]. Moscow: Nauka.

Köbler, G. (1995) *Althochdeutsches Wörterbuch* [The Dictionary of Old High German]. [Online] Available from: <http://www.koeblergerhard.de>. (Accessed: 3rd September 2013).

Pokorny, J. (1959) *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. Bern: Francke.

Skok, P. (1971) *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [The Etymological Dictionary of Croatian or Serbian language]. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.

Vaan, de M. (2008) Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. In: Lubotsky, A. (ed.) *Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series*. Vol. 7. Leiden, Boston.

Walde, A. (1938-1954) *Lateinisches Etymologisches Wörterbuch* [The Latin Etymological Dictionary]. 3rd ed. Heidelberg.

Дронова Любовь Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.

Dronova Liubov – Tomsk State University (Russia).

E-mail: lpdronova@mail.ru

УДК 81'0+81'37+81'42

UDC

DOI 10.17223/18572685/41/14

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОДЕРЖАНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ «ЗАВИСТЬ» И «РЕВНОСТЬ» В СЛАВЯНСКИХ И РОМАНО-ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Е.Ю. Булыгина¹, Т.А. Трипольская²

Новосибирский государственный педагогический университет
Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Выборная, 28

E-mail: ¹bulyginatena2010@mail.ru; ²tatianatripolskaya@gmail.com

Авторское резюме

Авторы исходят из положения Ю.С. Степанова о значимости древнейшего смыслового слоя в моделировании концепта. На материале славянских и романо-германских языков рассматриваются динамические процессы в содержании эмотивных концептов «зависть» и «ревность»: от слабо дифференцированного обозначения сильных негативных состояний одним словом (*invidia* – ненависть и зависть в латыни) до размежевания эмоций с помощью разных номинаций в одних языках и возможного смыслового совмещения эмотивной семантики в семантической структуре одного слова в других. Если связь с процессом зрительного восприятия в словах *зависть*, *zawiść*, *zazdrość*, *envy*, *envie* представляется очевидной, то происхождение лексемы *ревность* в русском языке не является окончательно установленным: этимологически слово соотносят то с *гневом* (**тъва*), то с *рвением*, *соревнованием*. Иной корень формирует французское и английское наименования ревности: *jealousie* и *jealousy* происходят от латинского *zelo*, *zelor* (древнегреч. ζήλος) со значением «пыл, рвение». Разные корни, лежащие в основе наименований ревности, характеризуются, однако, общей логикой развития и реализации семантики рвения, старания, соревнования. Процессы языковой категоризации, связанные с обозначением концептов «зависть» и «ревность» в славянских и романо-германских языках, коррелируют друг с другом по целому ряду позиций: эмотивная семантика, являясь производной, формируется на основе лексики со значением интенсивных физических действий или лексики зрительного восприятия; логика развития семантики слова – от физической сферы к эмоциональной – оказывается универсальной для индоевропейских языков. Однако интерпретация эмоций зависть, ревность и ненависть разными языками отражает собой различные смысловые конфигурации, демонстрирующие представления говорящих о каузальных связях между разными эмоциональными состояниями: для каждого чувства – специализированная эмотивная лексема в русском и английском языках, призванная дифференцировать смежные эмоции; напротив, в польском и французском языках эмоции ревности и зависти отражены одним словом (*jealousie*, *zazdrość*). Кроме того, связь с исторически родственным словом *ненависть* в современных языках оказывается в разной степени актуализированной.

Ключевые слова: языковая картина мира, этимология, динамические процессы в языке, языковая концептуализация эмоций.

DYNAMIC PROCESSES IN THE CONTENT OF EMOTIONAL CONCEPTS OF ENVY AND JEALOUSY IN SLAVIC AND ROMANCE-GERMANIC LANGUAGES

¹E.Yu. Bulygina, ²T.A. Tripolskaya

Novosibirsk State Pedagogical University
28 Vybornaya Street, Novosibirsk, 630126, Russia

E-mail: ¹bulyginalena2010@mail.ru; ²tatianatripolskaya@gmail.com

Abstract

The authors proceed from the position of Yu.S. Stepanov on the significance of the ancient semantic layer in a concept's modeling. In the article, the dynamic processes in the emotive content of "Envy" and "Jealousy" concepts are considered on the material of Slavic and Romanic-Germanic languages: from poorly differentiated indication of strong negative conditions in one word (*invidia* – hatred and envy in Latin) to the disengagement of emotions with different categories in some languages and possible semantic alignment of emotive semantics in the semantic structure of one word. If the connection with the process of visual perception in the words *zavist*, *zawiść*, *zazdrość*, *envy*, *envie* is clear, the origin of the lexeme *revnost* (*jealousy*) in the Russian language is not definitive: etymologically, in some cases the word is correlated with anger (ръва), but in the other with eagerness, tear and competition. Different root forms of French and English names of jealousy, jealousy and jealousy, came from Latin *zelozja* ← Greek ζήλος meaning "ardour, zeal". Different roots underlying the names of jealousy differ, however, in the general logic of the development and implementation of the semantics of zeal and competition. Processes of language categorization, associated with the designation of the concepts "envy" and "jealousy" in Slavic and Romanic-Germanic languages, are correlated with each other in a number of positions: emotive semantics, being a derivative, is formed on the basis of the lexicon with the meaning of intense physical action or vocabulary of visual perception; the logic of the development of the semantics of the word – from physical to emotional sphere – is universal for Indo-European languages. However, the language interpretation of the emotions of envy, jealousy and hatred represents different semantic configurations that demonstrate speakers' perception of the causal links between different emotional states: for each sense there is a specialized emotive word in Russian and English, created to differentiate related emotions; on the contrary, in Polish and French emotions of jealousy and envy are reflected in one word (*jealousie*, *zazdrość*). In addition, the link with historically related word *hatred* in modern languages is actualized to different degrees.

Keywords: language picture of the world, etymology, dynamic processes in languages, linguistic conceptualization of emotions.

Эмоции относятся к самым таинственным явлениям мира, все еще недостаточно изученным человеком, несмотря на их биопсихосоциальную значимость. В разных областях лингвистики эмоций сегодня осмысляются объективные причины, осложняющие исследование языка эмоций. К ним можно отнести следующие: абстрактность эмоций, которая является основной причиной сложной вербально-концептуальной организации эмоциональных концептов (Красавский 2001: 71, 102), и диффузность, размытость сегментов чувственной сферы человека, обуславливающая

трудность определения границ отдельных эмоций на концептуальной карте языка. Как отмечают исследователи, «чистых» эмоций в природе не бывает. Они в действительности тесно сплетены друг с другом; всякая эмоция комплексна, она подобна молекуле, состоящей из множества атомов (Рубинштейн 1984: 152-155). Не стоит забывать и о том, что, исследуя эмоции, человек выступает одновременно и объектом и субъектом познания (Бабенко 1989: 6).

В современной лингвистике сложилось два направления, ранее настойчиво разделяемых, а теперь осмысленных как взаимосвязанные: исследование языкового описания эмоций и изучение выражения эмоциональных состояний, связанных, как правило, с квалификативной деятельностью говорящих.

Оба направления небезынтересны для когнитивных и интерпретационных исследований.

Интерпретационный подход в изучении языка в целом (Бондарко 1992; Демьянков 1994; Кобозева, Лауфер 1994 и др.) и языка эмоций в частности рассматривается в современной науке в соотнесении с другими исследовательскими направлениями: когнитивным, коммуникативно-прагматическим, структурно-системным и сопоставительным.

Объектами языковой интерпретации являются: внеязыковая действительность, событие, которое человек воспринимает через призму своего языка и соответствующих ментальных структур, а также речевое произведение, построенное и считываемое с учетом его семантических, прагматических и жанровых особенностей. Результат интерпретации в существенной мере зависит от языковой системы и от концептуальной картины мира, включающей концепты, постоянно присутствующие в национально-культурном сознании.

Теория интерпретации, как видим, тесно связана с исследованиями вопросов о ментальных структурах: концептах, фреймах, сценариях, которые моделируют, интерпретируют и отражают внеязыковую действительность, т.е. в центре внимания оказывается интерпретационный потенциал единиц ментального лексикона.

В современной лингвистике представлены многочисленные исследования когнитивных моделей (на материале одного или нескольких языков), в которых осуществляется анализ концептов на основании средств естественного языка (Апресян 1995; Вежбицкая 1996; Арутюнова 1997; Вежбицкая 1999; Красавский 2001; Воркачёв 2002 и др.).

Национальная специфика выявляется при сопоставлении языков и предопределяется двумя факторами: объективным и субъективным. Объективный фактор предполагает естественные и культурные реалии,

характерные для жизни одного народа, но отсутствующие в жизни другого. Субъективный фактор состоит в факультативном выборе средств языковой концептуализации эмоционального события.

В современных лингвокогнитивных исследованиях складывается модель эмоциональной картины мира, включающей такие эмоциональные концепты, как «счастье» и «любовь» (Воркачѳв 2002), «стыд» (Арутюнова 1997), «страх» (Апресян 1995), «гнев, злость» (Крылов 2002; Лакофф 2004; Трипольская 2013) и др. Разноаспектный анализ концептов «зависть» и «ревность» представлен в работах С.Г. Воркачѳва (1998), И.В. Несветайловой (в сопоставлении с английским языком) (2010), И.И. Стефанского (в польской и чешской лингвокультурах) (2008).

Результаты сопоставительных исследований, касающиеся русского и чешского, русского и польского, русского и английского языков, дополненные данными романских языков, позволяют сформировать общее представление о категоризации определенного фрагмента эмоциональной картины мира в близкородственных (славянских) и неблизкородственных (романских и германских) языках.

Сопоставительный анализ русских концептов «зависть» и «ревность» и польских «*zawiść*», «*zazdrość*» дает возможность увидеть сходства и различия в «рисуемом» ими фрагменте национальных картин мира при всем их этимологическом, семантическом и ассоциативном сходстве. Второй сопоставительный вектор предполагает обращение к романогерманским языкам с тем, чтобы выявить индоевропейские корни, которые определяют (и до какой степени определяют?) общие и уникальные способы концептуализации эмотивного содержания.

По замечанию Ю.С. Степанова, концепт имеет сложную структуру. С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология): сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д. (Степанов 1997: 43). Именно поэтому в исследование эмотивной картины мира целесообразно включать этимологические изыскания, позволяющие выявить глубинные смысловые слои, связанные с древнейшими представлениями человека о проживании той или иной эмоции, и описать динамические процессы в языковом и ментальном лексиконах говорящих. Результаты этимологического анализа эмотивных лексем рассматриваются нами как основа дальнейшего исследования метафорической интерпретации эмоциональной жизни человека.

Следует учитывать, что пути, способы, средства и характер формирования того или иного фрагмента концептосферы современных языков в их

диахронии могут обнаруживать как универсальные, так и специфические черты. В частности, можно предположить, что эмоциональные значения слов (т.е. отдельные лексико-семантические варианты современных полисемантов) имеют не всегда совпадающие пути своего семантического развития даже внутри одного языка, тем более в разных языках (Воркачев 2002).

Мы, вслед за предшественниками (Рубинштейн 1984; Стефанский 2008), исходим из представлений об изначально нерасчлененном (или слабо расчлененном) эмоциональном комплексе в эмотивной картине мира человека. Дальнейшее развитие эмоциональной сферы предполагает дифференциацию эмоций.

Подобная нерасчлененность отрицательных эмоций (зависть, ревность, ненависть) наблюдается в латинском языке: названные эмоции концептуализируются как семантически связанные значения в структуре одного слова: *invidia* 1) зависть, ревность. Слово *invidia* употребляется в отношении не только к тому, который завидует, но и к тому, которому завидуют <...>; 2) недоброжелательство, ненависть, злоба: *in invidiam venire* – стать предметом ненависти; *invidia ardere* – быть предметом пламенной ненависти; *invidia esse* – быть предметом зависти (или ненависти) <...>; 3) зло, дурное качество, одиозность (Дворецкий 2002: 422-423).

Обратимся к «внутренней форме» рассматриваемых эмотивных лексем.

Как отмечают современные исследователи, этимология русского слова *ревность* представляется не совсем ясной и бесспорной. Так, например, Е.Е. Стефанский говорит о том, что лексема *ревность* восходит к *гъва - 'гнев'; а данный корень в другой огласовке – гуја – означает время спаривания животных (Стефанский 2008: 55). Возникает закономерный вопрос: каким образом семантически связаны разные варианты (огласовки) «одного корня»?

Чтобы уточнить этимологический «портрет» слова *ревность* (в его соотнесении с лексемой *зависть*), попытаемся учесть и другие исследовательские позиции.

По данным словаря М. Фасмера, слово *ревнивый* коррелирует с соответствующими лексемами во многих славянских языках: ре́вность, ревнова́ть, *укр.* ревнівий, *русск.-ислав.* рьвьнь ж. ζήλος (Григ. Наз.), *ст.-слав.* рьвьнивъ ζηλωτής (Супр.), *сербск.-ислав.* рьвение ёрис, рьвьновати ζηлоуѣн, *болг.* ревнів (Младенов 558), *чеш.* řevnivý «ревнивый», řevňovati «ревновать», *польск.* rzewniwy «растроганный, взволнованный», rzewnić «растрогать», -się «растрогаться», *в.-луж.* rjewnić «стремиться, становиться на чью-либо сторону, соревноваться», rjūt «сильный голод», возм., связано с реву́ (см.) (ср. Брюкнер 476; Маценауэр, LF 18, 247 и сл. см. также

рюен «сентябрь», т.е. время течи). Популярное прежде сближение с лат. *rivalis* «соперник» и **rīvinus* тоже отпадает ввиду того, что форма *rīvinus* не существовала <...> (Фасмер 1986-1987: 455).

Относительно связи с латинским языком существует и иное мнение: в семантической структуре лексемы *rivalis* II первичным является значение 'пользующийся водой из того же ручья', значение же 'соперник (в любви)' является производным (Дворецкий 2002: 674).

Подробный комментарий к латинскому *rivalis* присутствует и в словаре П.Я. Черных: автор полагает, что значение 'соперник в любви' возникло из значения 'соперник' вообще, которое появилось в условиях земельных отношений в римской деревне (Черных 2006: 104). В этом словаре лексема рассматривается начиная с индоевропейского периода. Индоевропейский корень **er-*: **or-*: **r-*, как указывает П.Я. Черных, имеет значение '**приходить в движение, находиться в движении, подниматься, стремиться**'. Таким образом, значение 'стремление', сформировавшееся в индоевропейскую эпоху, является первичным для слова *ревность*. Данное значение закрепляется в славянских языках: украинском, белорусском, болгарском, сербскохорватском, польском, верхнелужицком и др. Слово древнерусского языка *ревнив*, через свою старославянскую форму *ръвн-нив* (общеслав: **ръвьнѣнъ*), восходит к тому же корню, что и слова *рвение*, *ревностный*, *ревнитель*. *Иметь рвение* означает 'наличие силы, мощи, стремительности', что соотносится со значением индоевропейского корня **er*. Таким образом, значение 'рвение', 'усердие' прочно закрепляется в русском языке и дается как первичное, производящее значение в словарях до середины XX в. В словаре П.Я. Черных также сказано, что значение 'ревнивый (в любви)' развилось из значения 'ревностный', 'соревнующийся', 'соперничающий' <...> (Черных 2006: 104).

Такое представление о развитии эмотивной семантики из значения 'рвение, усердие' отражают и «Словарь русского языка XI-XVII вв.»: *ревнивый* (ръвн-), прил. 1. *Усердный, ревностный* (1156): Быс<ть> бо ревнивъ по божьственѣмь. Ипат. лет., 484. Феодоръ же ревнивъ гораздо былъ и зѣло о дѣле Божии болѣзненъ. Ав. Ж., 57.1673 г. II *Пылкий в стремлении к благородной цели* (зд. ирон.). 2. *Склонный к спору, ссорам; сварливый*. <...> 3. *Завистливый, злобный* <...>. 4. *Не терпящий соперничества, ревнивый* (Словарь русского языка XI-XVII вв.: 127), и «Словарь древнерусского языка» И.И. Срезневского: *ръвнивыи* – усердный, ревностный; *ръвновати* – заботиться; *ръвнование* – соревнование; *ръвность* – усердие, ревнование; *ръвности* (мнж.) – ревность, зависть (Срезневский 1989: 212-214).

Таким образом, в славянских языках при имеющихся различиях просматривается и общий смысловой стержень 'сильное переживание,

соревновательность, усердие / рвение, желание обладать. Эти смыслы в той или иной мере сохраняются в русском языке и отражаются в толковых словарях. Ср., напр.: *ревность* 1. **Страстная** недоверчивость, **мучительное** сомнение в чьей-н. верности, в любви, в полной преданности. **Муки** ревности. Ревность превращает человека в зверя. Даль. Убийство из ревности. А тут заботы любви, ревность, постоянный страх за маленького. Чехов. Он сначала с ума будет сходить от ревности, а потом охладет. Гончаров 2. **Боязнь чужого успеха, опасение, что другой сделает лучше, мучительное желание** безраздельно владеть чем-н. 3. *Усердие*, старательность, *рвение* (книжн. устар.). С ревностью принялся за дело (Толковый словарь 1935-1940: 1310).

В «Словаре эпитетов» к слову *ревность* приводятся следующие характеристики: *безрассудная, безумная, беспочвенная, беспричинная, бессильная, глухая, гнетущая, грубая, давящая, дикая (разг.), дьявольская, жгучая, жестокая, животная, затаенная, звериная, зверская, злая, злобная, мучительная, неистовая, неумная, острая, подозрительная, свирепая, скрытая, слепая, страшная, тайная, тираническая, томительная, тягостная, тяжелая, ужасная, унижительная, черная, яростная* (Горбачевич, Хабло 1979: 368).

Теперь обратимся к этимологии слова *зависть*. В отличие от слова *ревность*, *зависть* имеет однозначную интерпретацию в русских этимологических словарях. По происхождению данное слово является индоевропейским (ср.: *рус.* за-висть, *польск.* za-wiść, *итал.* in-vidia, *франц.* en-vie, *англ.* en-vy, en-vidia – *исп.*), т.е. имеет индоевропейский корень – **uei-d-* (**ui-d-*) (Черных 2001: 149-150). Этимологически лексема *зависть* мотивирована глаголом зрительного восприятия *видеть* (ср. *лат.* videre – видеть; общеславянское **viděti*). В сочетании с приставкой за- данные глаголы обозначали способность видеть то, что находится за каким-либо препятствием, т.е. нечто скрытое (*за-видеть*).

Таким образом, данная лексема, как и многие номинации эмоций, первоначально имела значение в индоевропейских языках, не относящееся к сфере эмоций. Переносные значения глаголов *зазрети* и *завидети*, а также их производных развивались под влиянием верований в «дурной глаз». Например, глагол *зазрети* мог иметь в древнерусском языке значения 'осуждать, порицать', субстантив *ззорь* обозначал 'грех, стыд, позор', 'укор, упрек'. Можно говорить о присутствии признака, характерного для субъекта зависти, – 'желание скрыть данную эмоцию', т.е. при публичном проявлении субъектом подобного чувства / переживания он может испытывать чувство стыда.

Обратимся к данным польского языка. Польское слово *zawiść* восходит к тому же историческому корню, что и русское *зависть*. По данным польских этимологических словарей, слово *zawiść* исторически образо-

вано от *widzieć* (Bruckner 1985: 613-614). Данная лексема, в свою очередь, коррелирует с праславянским *widai* 'widział', *ainawidny* 'jednego widu' ('równy'), *wejdulus* 'oko (galka)', также является родственным с греческим *eidon* 'widziałem', *a-eidelos* 'niewiedzialny', *eidomai* 'zjawiam się', готским *witan* 'uważać', *fair-wejtjan* 'baczyć', латинским *video, videre* 'widzieć' (Bruckner 1985: 613-614). Очевидно, лексема *zawiść* исторически мотивирована словами с семантикой зрительного восприятия, как и в русском языке.

Zawiść, как и русское *зависть*, исторически является родственным лексемам *ненависть* и *nienawiść*: *z zawiści nienawiść powstała* (*Ненависть* происходит от *зависту*) (*Słownik języka polskiego* 1900). *Nawidzieć* имеет значение 'chętnie wiedzieć', т.е. 'видеть с охотой', ему противопоставляется *nienawidzieć* – ненавидеть, т.е. 'не желать видеть', напротив, *zawidzieć* – 'patrzeć z podębła' (смотреть исподлобья) (Bruckner 1985: 614).

Zawiść также является семантически близкой лексеме *zazdrość* 'зависть; ревность', на что указывают польские этимологические и толковые словари (Bruckner 1985: 646; *Słownik języka polskiego* 1900). *Zawiść* имеет значение 'zazdrość, nienawiść, pochodząca z zazdrości; zawistny – 'podejrzliwy, zazdrosny o kogo' (подозрительный, ревнующий кого-либо). Слово *zazdrość* отсутствует в других славянских языках, но в малорусском существовало слово *zazdra* 'zazdrość, zazdryj' 'zazdrosny'. *Zazdrość* берет начало от *za-żreć, żreć* со значением 'смотреть' *patrzeć* (Bruckner 1985: 646). Ср. также: *укр. завидки* (чаще *завдрість*) (Черных 2001: 313). Таким образом, значения лексемы *zazdrość* – смотреть «patrzeć» и *zawiść* – видеть «widzieć» мотивируются семантически близкими глаголами зрительного восприятия.

Корень же *rzewniwy* в польском получил иное развитие, чем в русском или в чешском языках: *gzewni, gzewniejszy* – 'чувствительный, трогательный'; *rzewny uśmiech* – 'трогательная улыбка'; *rzewna melodia* – 'чувствительная мелодия' (*Słownik języka polskiego* 1900). В этих лексемах актуализировалась семантика эмоционального переживания, не связанного с боязнью потерять любимого / любимую.

Таким образом, русская лексема *зависть* и польская *zawiść* имеют исторически общий индоевропейский корень **uei-d-* с семантикой видения, зрения, который находим и в латыни (*video, videre*). Эмоциональное значение не является первичным для данных лексем, изначально глаголы *завидовать / zawidzieć* имели толкование 'видеть то, что находится за каким-либо препятствием'. Семантика слова *зависть* связана со значением 'видеть' и в европейских языках: ср. *англ. envy, умал. invidia, укр. envidia, франц. envie*.

Эмотивное значение для слов *ревность* и *zazdrość* также не является первичным, оно развивалось в языках постепенно. В русской лексеме *ревность* эмотивное значение появляется лишь к началу XVIII в.

Существенным различием интерпретации данного фрагмента эмотивной сферы является наличие двух специализированных эмотивов в современном русском языке *зависть* и *ревность* и двух не вполне соотносимых с ними по семантическому объему лексем в польском *zawiść* и *zazdrość*; второе слово является полисемантом, совмещающим в семантической структуре два значения 'зависть' и 'ревность'. Современное же русское слово *ревность* соотносится только с одной эмоцией, тогда как исторические словари дают *ревность* как многозначное слово, включающее в структуру лексико-семантический вариант 'завистливый, злобный' (Словарь русского языка XI-XVII вв.: 127).

Вторым существенным отличием в эмотивной картине мира является тот факт, что оба польских слова - *zawiść* и *zazdrość* - исторически связаны с процессом зрительного восприятия: именно поэтому в семантической структуре полисеманта *zazdrość* в качестве производящего значения словари отмечают 'зависть'. Затем у данной лексемы развивается значение 'ревность'.

В польской эмотивной картине мира недифференцированно отражен эмоциональный комплекс зависть + ревность, представленный лексемой *zazdrość*, и сильное чувство зависти, обозначаемое как *zawiść* (Стефанский 2008). Таким образом, актуальным для говорящих оказывается зафиксировать каузальную связь между эмоциями зависть и ревность и сформировать представление об эмоциях, проявляемых с разной степенью интенсивности. Польское слово *zawiść* и в современном языке связано с эмоцией ненависти и вражды. В польских словарях присутствует такой признак, как 'желание отомстить'. Кроме того, в выражении *польская зависть* (*polska zawiść*) используется именно слово *zawiść*, выражающее эмоциональное переживание в высокой степени его проявления.

Подобным образом формируется система значений у соответствующей лексемы и в других языках индоевропейской семьи (*фр. jalousie, англ. jealousy, ум. gelosia*). Слова рассматриваемых языков заимствованы из латинского: *zelo* <...>, чаще *zelor* <...> (*греч.*) – 1) горячо любить; 2) возревновать (Дворецкий 2002: 836), которое в свою очередь восходит к греческому *ζήλος*, имеющему значение 'пыл, рвение' (последовательность заимствования: греческий → латинский → французский → английский).

Следует также отметить, что во французском языке наблюдается дальнейшее развитие семантической структуры слова *jalousie* 1) зависть; 2) ревность; 3) жалюзи. Подобное соотношение эмотивных значений наблюдается и в дериватах: *jalouser*: 1) завидовать; 2) ревновать; *se*: 1) завидовать друг другу; 2) ревновать друг друга; *jaloux*, -se 1.1) завистливый; 2) ревнивый; 3) (de qch) дорожащий чем-л.; 4) ревностный, желающий чего-л., стремящийся к чему-л.; 2. 1) завистник, -ца; 2) рев-

нивец, -ца (Ганшина 1971: 473). Помимо эмотивных значений 'зависть' и 'ревность', в XVI в. появляется значение 'жалюзи', т.е. шторы или ставни из жестких поперечных пластинок, которое заимствуется в другие языки. Жалюзи – то, что ревновец вешает на окно, чтобы скрыть своих женщин от посторонних завистливых глаз. Ср. также: *jalousie* 1. (*envie*) зависть; *concevoir (avoir) de la jalousie contre* – испытывать зависть, ревновать к кому-л.; *завидовать / позавидовать кому-л.*; *être dévoré de jalousie* – быть страдаемым, завистью *inspirer de la jalousie* – внушать / внушить зависть. 2. (*sentiment douloureux*) ревность *exciter la jalousie de* – возбуждать / возбудить чью-л. ревность (ревность в ком-л.) *il est d'une folle jalousie* – он страшно ревнив[ый]. 3. (*persienne*) жалюзи *baisser les jalousies* – опускать / опустить жалюзи (Французско-русский словарь 2000: 568).

Во французском полисеманте *jalousie* произошла перегруппировка значений по степени актуальности: в современном языке отражается момент производности эмоции ревности от эмоции зависти.

Французское слово *jalousie* заимствуется в английский язык, сохраняя и развивая семантику ревности. По данным (Online Etymology Dictionary 2015), *jalousie* from Old French 'enthusiasm, love, longing, jealousy' (12c.), from *jalos* (see *jealous*). Meaning 'zeal, fervor, devotion' is late 14c.

Позднее заимствуется третье значение французского полисеманта *jalousie*: (*jalousie* (n.) 1766, French, literally 'jealousy' (see *jealousy*), from notion of looking through blinds without being seen, которое начинает функционировать как самостоятельная лексема, сохраняя французскую графику. Ср.: *jalousie* – a blind or shutter made with horizontal slats that can be adjusted to admit light and air but exclude rain and the rays of the sun.

В современных английских толковых словарях *jealousy* имеет следующие значения: 1. Jealous resentment against a rival, a person enjoying success or advantage, etc., or against another's success or advantage itself – ревновать, испытывать обиду на соперника, пользующегося успехом или имеющего преимущество в чем-либо <...>. 2. Mental uneasiness from suspicion or fear of rivalry, unfaithfulness etc., as in love or aims – состояние беспокойства, вызванное подозрительностью и боязнью соперничества, неверности как в любви, так и в достижении целей. 3. Vigilance in maintaining or guarding something – ревностное стремление к сохранению чего-либо <...> (Cambridge Dictionary Online 2015).

Третье значение, как видим, соотносится с русской лексемой *ревностный* – 'старательный и очень усердный', *ревнитель* – 'человек, который ревностно заботится о чем-либо' (Ожегов 1990: 671).

Лексема *jealousy*, войдя в активный словарь, вступает в семантические

отношения, по данным английских словарей, с ранее освоенным словом *envy*, обозначающим чувство недовольства и корысти («желание обладать тем, что принадлежит другому человеку»). Английский толковый словарь в статье *envy* дает комментарий, в котором сделана попытка найти общее и различное в этих смежных эмоциональных переживаниях, однако концептуализированных языком разными лексемами. Ср.: *Jealousy is the malign feeling which is often had toward a rival, or possible rival, for the possession of that which we greatly desire, as in love or ambition. Envy is a similar feeling toward one, whether rival or not, who already possesses that which we greatly desire. Jealousy is enmity prompted by fear; envy is enmity prompted by covetousness* (Cambridge Dictionary Online 2015). Видим, что и ревность, и зависть связаны с желанием обладать, однако ревность есть вражда, вызванная страхом потерять, а зависть провоцируется корыстью, желанием иметь то, что есть у другого.

Анализ эмотивных лексем со значением 'ревность' в славянских и неславянских языках, демонстрирующих разного рода пересечения и смысловые наложения в этом фрагменте эмоциональной картины мира, позволяет выявить тесную взаимосвязь эмоциональных состояний (психологи пишут о «промежуточных эмоциональных состояниях») и возможную историческую нерасчлененность, недифференцированность эмоций, связанных с желанием обладать кем-, чем-либо. Дальнейшее развитие семантики эмоций связывается с дифференциацией понятий «не отдать своего» и «получить для себя то, что есть у другого».

Рассмотрим, каким образом осуществляется дальнейшая дифференциация эмоций и сохраняется ли в современных языках каузальная связь между указанными эмоциональными состояниями.

Современный французский язык уже не демонстрирует синкретичность эмотивных значений 'зависть' и 'ненависть', оставляя, однако, компонент *haine* (ненависть) в словарной дефиниции слова *envie* (зависть): 1. *Sentiment de tristesse, d'irritation et de haine qui nous anime contre qui possède un bien que nous n'avons pas* – чувства уныния, раздражения, ненависти, направленные на того, кто обладает чем-то ценным, чего у нас нет. 2. 1155, «*rivalité*» *Désir de jouir d'un avantage, d'un plaisir égal à celui d'autrui* – желание обладать чем-то ценным (выгодным, дающим превосходство), равно привлекательным, что имеется у другого <...> (Le nouveau petit Robert 2002: 594). Сходная картина и в других языках – происходит сглаживание каузальной связи между этими негативными эмоциями.

Английский полисемант *envy* сохраняет в своей структуре значения зависти и злости / ненависти как устаревшее: 1) *a feeling of discontent or covetousness with regard to another's advantages, success, possessions etc.* –

чувство недовольства или корысти в отношении достижений, успехов или того, чем владеет другой <...>; 3) *obsolete. ill will.* – Устаревшее. Злая воля (Cambridge Dictionary Online 2015).

Исторически в русском языке полисемант *зависть* тоже синкретично представляет эмоциональную семантику 'зависть' и каузально связанную с ней семантику 'скупой, жадный', в отличие от западноевропейских языков, где совмещаются значения 'зависть' и 'ненависть'.

В разных европейских языках развитие семантической структуры слов *jealousy* (англ.), *jalousie* (франц.) происходит следующим образом: 'пыл, рвение' → 'соперничество' → 'подозрение в неверности' → 'зависть к сопернику'. В русском языке развитие семантической структуры слова *ревность* (не родственного *jealousy* (англ.), *jalousie* (франц.), *gelosia* (ит.)) происходило сходным образом: от усердия, стремления и рвения к сильному эмоциональному переживанию, связанному со страхом потери, с досадой и раздражением, вызванными превосходством другого.

В современном русском языке произошла перестройка семантической структуры слова, в результате которой эмотивное значение стало ведущим, а исходное значение переместилось на периферию, получив квалификацию «устарелое». В современном русском языке значение 'с рвением и усердием относящийся к чему-либо' связывается с прилагательным и наречием *ревностный* и *ревностно* (Словарь русского языка 1985-1988: 692).

Сопоставительный анализ позволяет выявить универсальные и национальные особенности в смысловой структуре смежных эмотивных концептов. Учитывая происхождение ключевых лексем, можно наметить пути развития данных эмотивов: в русском языке эмоциональная ситуация ревности и зависти интерпретируется с помощью двух этимологически не связанных лексем, одна из которых связана с семантикой 'видеть', вторая – со значением 'рвение и стремление'; в польском языке обе эмотивные лексемы *zawiść*, *zazdrość* восходят к корням видеть / зреть, причем лексема *zazdrość* совмещает в семантической структуре значения 'зависть' и 'ревность'.

В европейских неславянских языках смежные эмоции представлены двумя номинациями: *jalousie/envie* (франц.), *jealousy/envy* (англ.), одна из которых сохраняет семантику зрения / видения (лат. *invidia*), а вторая (*jalousie*, *gelosia*, *jealousy*) восходит в рвению, стремлению, старанию и является полисемантом, совмещая во французском языке лексико-семантические варианты 'зависть' и 'ревность', как лексема *zazdrość* в польском языке.

Отметим еще одну общую черту, характерную для концептуализации

этих эмоций в разных языках: зависть – чувство, обычно скрываемое (*тайная зависть, głęboko skrywana zawiść* (глубоко скрываемая зависть), ревность же может быть как скрываемой (выказывается лишь раздражение, причем происходит подмена каузатора эмоции), так и предъясняемой (*sceny ревности / sceny zazdrości*).

Таким образом, процессы языковой категоризации, связанные с обозначением концептов «зависть» и «ревность» в славянских и романо-германских языках, коррелируют друг с другом по целому ряду позиций: эмотивная семантика, являясь производной, формируется на основе лексики со значением интенсивных физических действий или лексики зрительного восприятия; логика развития семантики слова – от физической сферы к эмоциональной – оказывается универсальной для индоевропейских языков.

Однако языковая интерпретация эмоций зависти, ревности и ненависти отражает собой разные смысловые конфигурации, демонстрирующие представления говорящих о каузальных связях между разными эмоциональными состояниями: 1) для каждого чувства – специализированная эмотивная лексема в русском и английском языках, призванная дифференцировать смежные эмоции; 2) в польском и французском языках, напротив, эмоции ревности и зависти отражены одним словом (*jealousie, zazdrość*). Кроме того, связь с исторически родственным словом *ненависть* в современных языках оказывается в разной степени актуализированной, так же как и синкретичные отношения между завистью, скупостью и жадностью, характерные для русского языкового сознания XI-XVII вв.

Таким образом, этимологические данные позволяют увидеть вектор осмысления эмоциональной ситуации говорящих на разных языках. Напомним, что Ю.С. Степанов писал об этимологическом признаке, который раскрывается лишь при этимологическом анализе лексемы. Но это не значит, что для пользующихся данным языком данный слой содержания концепта вообще не существует. Он существует для них опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значения. Этимология есть предыстория, дописьменная история концепта (Степанов 1997: 7).

Этимологический анализ эмотивных концептов позволяет в дальнейшем вскрыть и объяснить образно-метафорическую составляющую концептов «зависть» и «ревность» в русском языке, «*zawiść*» и «*zazdrość*» – в польском, «*envie*» и «*jealousie*» – во французском и «*envy*» и «*jealousy*» – в английском.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова 1997 - *Арутюнова Н.Д.* О стыде и стуже // Вопросы языкознания. М., 1997. № 2. С. 59-70.

Апресян 1995 - *Апресян Ю.Д.* Избранные труды: В 2 т. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.

Бондарко 1992 - *Бондарко А.В.* К проблеме соотношения универсального и идиоэтнического аспектов семантики: интерпретационный компонент грамматических значений // Вопросы языкознания. М., 1992. № 3. С. 5-20.

Бабенко 1989 - *Бабенко Л.Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: УрГУ, 1989. 184 с.

Вежбицкая 1996 - *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / Пер. с англ., отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

Вежбицкая 1999 - *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелёва, под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 263-305.

Воркачѳв 1998 - *Воркачѳв С.Г.* Зависть и ревность: к семантическому представлению моральных чувств в естественном языке // Известия АН. Серия литературы и языка. М., 1998. Т. 57, № 3. С. 39-45.

Воркачѳв 2002 - *Воркачѳв С.Г.* Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: Кубан. гос. технол. ун-т, 2002. 142 с.

Ганшина 1971 - *Ганшина К.А.* Французско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1971. 911 с.

Горбачевич, Хабло 1979 - *Горбачевич К.С., Хабло Е.П.* Словарь эпитетов современного русского языка. Л.: Наука, 1979. 567 с.

Дворецкий 2002 - *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. 7-е изд., стереотипное. М.: Рус. яз., 2002. 1096 с.

Демьянков 1994 - *Демьянков В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. М., 1994. № 4. С. 17-33.

Кобозева, Лауфер 1994 - *Кобозева И.М., Лауфер Н.И.* Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 63-71.

Красавский 2001 - *Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. С. 40-59.

Крылов 2002 - *Крылов Ю.В.* Периферийные компоненты поля эмоции

злости с синкретичным значением эмоционального состояния // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении: материалы Третьих филологических чтений 28-29 ноября 2002 г. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2002. С. 32-38.

Лакофф 2004 - *Лакофф Дж.* Женщины. Огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

Несветайлова 2010 - *Несветайлова И.В.* «Зависть» и «ревность» как эмоциональные концепты русской и английской лингвокультур: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 24 с.

Ожегов 1990 - *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1990. 917 с.

Рубинштейн 1984 - *Рубинштейн С.Л.* Эмоции // Психология эмоций. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 152-161.

Словарь русского языка XI-XVII вв. / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Наука, 1997. Вып. 22 (Раскидаться – Рященко). 298 с.

Словарь русского языка 1985-1988 - Словарь русского языка: В 4 т. 3-е изд., стереотип. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985-1988.

Срезневский 1989 - *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка: В 3 т. Репринтное изд. М.: Книга, 1989. Т. 3, ч. 1. 910 с.

Степанов 1997 - *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Стефанский 2008 - *Стефанский Е.Е.* Эмоциональные концепты как фрагмент мифологической и современной языковых картин мира (на материале концептов, обозначающих негативные эмоции в русской, польской и чешской лингвокультурах). Самара: Самар. гуманитар. акад., 2008. 302 с.

Толковый словарь русского языка 1935-1940 - Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова М.: ГИЗ иностранных и национальных словарей, 1935-1940. Т. 3.

Трипольская 2013 - *Трипольская Т.А.* Ситуация эмоционального состояния и ее языковая категоризация (динамический аспект) // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике. Сборник посвящен 75-летию профессора В.И. Шаховского. Волгоград: Волгоград. научн. изд-во, 2013. С. 98-105.

Фасмер 1986-1987 - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986-1987. Т. 3.

Французско-русский словарь 2000 - Французско-русский словарь активного типа / Под ред. В.Г. Гака и Ж. Триумфа. М.: Рус. яз., 2000. 1040 с.

Черных 2001 - *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2001. Т. 1.

Черных 2006 - Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 7-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. Медиа, 2006. Т. II.

Bruckner 1985 - Bruckner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1985. 805 с.

Cambridge Dictionaries Online 2015 - Cambridge Dictionaries Online. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/envy> (дата обращения: 07.05.2015).

Le nouveau petit Robert 2002 - Le nouveau petit Robert. Nouvelle edition du Petit Robert de Paul Robert. Dictionnaires le Robert. Paris, 2002. 1970 с.

Online Etymology Dictionary 2015 - Online Etymology Dictionary. URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=jealousy&searchmode=none (дата обращения: 07.05.2015).

Słownik języka polskiego 1900 - Słownik języka polskiego. Kartowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. 1900-1927. URL: <http://yandex.ru/search/?text=S%C5%82ownik%20j%C4%99zyka%20polskiego%201900&lr=65> (дата обращения: 12.05.2015).

REFERENCES

Arutyunova, N.D. (1997) O styde i stuzhe [About shame and frost]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*. 2. pp. 59-70.

Apresyan, Yu.D. (1995) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Bondarko, A.V. (1992) K probleme sootnosheniya universal'nogo i idioetnicheskogo aspektov semantiki: interpretatsionnyy komponent grammaticeskikh znacheniy [On the relations between the universal and idioetnic aspects of semantics: interpretative component of grammatical meanings]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*. 3. pp. 5-20.

Babenko, L.G. (1989) *Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsiy v russkom yazyke* [Lexical means to designate emotions in Russian]. Sverdlovsk: Urals State University.

Wierzbicka, A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Semantics. Culture. cognition]. Translated from English by M.A. Krongauz. Moscow: Russkie slovari.

Wierzbicka, A. (1999) *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov* [Semantic Universals and Description of Languages]. Translated from English by A.D. Shmelev. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 263-305.

Vorkachev, S.G. (1998) Zavist' i revnost': k semanticheskomu predstavleniyu moral'nykh chuvstv v estestvennom yazyke [Envy and jealousy: to the semantic

representation of moral senses in the natural language]. *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka*. 57 (3). pp. 39-45.

Vorkachev, S.G. (2002) *Kontsept schast'ya v russkom yazykovom soznanii: opyt lingvokul'turologicheskogo analiza* [The concept of happiness in the Russian language consciousness: the experience of linguistic and cultural analysis]. Krasnodar: Kuban State Technological University.

Ganshina, K.A. (1971) *Frantsuzsko-russkiy slovar'* [The French-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.

Gorbachevich, K.S. & Khablo, E.P. (1979) *Slovar' epitetov sovremennogo russkogo yazyka* [The Dictionary of Epithets of the Modern Russian language]. Leningrad: Nauka.

Dvoretzkiy, I.Kh. (2002) *Latinsko-russkiy slovar'* [The Latin-Russian Dictionary]. 7th ed. Moscow: Russkiy yazyk.

Demyankov, V.Z. (1994) Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podkhoda [Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach]. *Voprosy yazykoznaniiya – Topics in the Study of Language*. 4. pp. 17-33.

Kobozeva, I.M. & Laufer, N.I. (1994) Interpretiruyushchie rechevye akty [Interpreting speech acts]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka: Yazyk rechevykh deystviy* [The logical analysis of the language. The language of speech acts]. Moscow: Nauka. pp. 63-71.

Krasavskiy, N.A. (2001) *Emotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh* [Emotional concepts in German and Russian linguocultures]. Volgograd: Peremena.

Krylov, Yu.V. (2002) [Peripheral components of the field of anger with the syncretic value of emotional state]. *Problemy interpretatsii v lingvistike i literaturovedenii* [Problems of interpretation in linguistics and literary studies]. Proc. of the 3rd Philological Readings. 28th to 29th November 2002. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 32-38.

Lakoff, G. (2004) *Zhenshchiny. Ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind]. Translated from English by I.B. Shatunovskiy. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Nesvetaylova, I.V. (2010) *"Zavist'" i "revnost'" kak emotsional'nye kontsepty russkoj i angliyskoj lingvokul'tur* ["Envy" and "jealousy" as emotional concepts of English and Russian linguistic cultures]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.

Ozhegov, S.I. (1990) *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.

Rubinstein, S.L. (1984) Emotsii [Emotions]. In: Vilyunas, V.K. & Gippenreiter, Yu.B. (eds) *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of emotions]. Moscow: Moscow State University. pp. 152-161.

Bogatova, G.A. (ed.) (1997) *Slovar' russkogo yazyka XI – XVII c. 1977 - Slovar' russkogo yazyka XI – XVII c.* [The Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th centuries]. Vol. 22. Moscow: Nauka.

Evgenyeva, A.P. (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian Language]. 3rd ed. Moscow: Russkiy yazyk.

Sreznevsky, I.I. (1989) *Slovar' drevnerusskogo yazyka* [The Dictionary of the Old Russian Language]. Moscow: Kniga.

Stepanov, Yu.S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. The Dictionary of Russian culture. Previous studies]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Stefansky, E.E. (2008) *Emotsional'nye kontsepty kak fragment mifologicheskoy i sovremennoy yazykovykh kartin mira (na materiale kontseptov, oboznachayushchikh negativnye emotsii v russkoy, pol'skoy i cheshskoy lingvokul'turakh)* [Emotional concepts as a fragment of mythological and contemporary language pictures of the world (based on the concepts denoting negative emotions in Russian, Polish and Czech language cultures)]. Samara: Samara Academy for the Humanities.

Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: The State Publishing House of Foreign and National Dictionaries.

Tripolskaya, T.A. (2013) *Situatsiya emotsional'nogo sostoyaniya i ee yazykovaya kategorizatsiya (dinamicheskiy aspekt)* [The situation of the emotional state and its linguistic categorization (the dynamic aspect)]. In: Panchenko, N.N. (ed.) *Chelovek v kommunikatsii: ot kategorizatsii emotsiy k emotivnoy lingvistike* [Man in the communication: from the categorization of emotions to the emotive linguistics]. Volgograd: Volgograd Scientific Publishing House. pp. 98-105.

Fasmer, M. (1986–1987) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [The Etimological Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Moscow: Progress.

Gak, V.G. & Triomf, G. (eds) (2000) *Frantsuzsko-russkiy slovar' aktivnogo tipa* [The French-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.

Chernykh, P.Ya. (2001) *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [The Historical and Etymological Dictionary of Modern Russian language]. In 2 vols. 4th ed. Moscow: Russkiy yazyk.

Chernykh, P.Ya. (2006) *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [The Historical and Etymological Dictionary of Modern Russian language]. In 2 vols. 7th ed. Moscow: Russkiy yazyk.

Bruckner, A. (1985) *Słownik etymologiczny języka polskiego* [The Etymological Dictionary of the Polish language]. Warsaw: Wiedza Powszechna.

Dictionary.cambridge.org. *Cambridge Dictionaries Online*. [Online] Available from: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/envy> (Accessed: 7th May 2015).

Ray, A. & Robert, P. (2002) *Le nouveau petit Robert* [The new Petit Robert]. Paris: Le Robert.

Etymonline.com. *Online Etymology Dictionary*. [Online] Available from: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=jealousy&searchmode=none (Accessed: 7th May 2015).

Karłowicz, J., Kryński, A. & Niedźwiedzki, W. (1900) *Słownik języka polskiego* [The Dictionary of the Polish Language]. [Online]. Available from: <http://yandex.ru/search/?text=S%C5%82ownik%20j%C4%99zyka%20polskiego%201900&lr=65> (Accessed: 12th May 2015).

Булыгина Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета.

Bulygina Elena – Novosibirsk State Pedagogical University (Russia).

E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

Трипольская Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета.

Tripolskaya Tatiana – Novosibirsk State Pedagogical University (Russia).

E-mail: tatianatripolskaya@gmail.com

УДК 811.112.28:811.16
UDC
DOI 10.17223/18572685/41/15

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ КАК ФАКТОР ГИБРИДИЗАЦИИ ИДИША*

К.А. Шишигин¹, Н.Б. Лебедева²

Кемеровский государственный университет
Россия, 650043, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6

E-mail: ¹schischigin-ka@rambler.ru; ²nlebedevab@yandex.ru

Авторское резюме

На примере идиша показан результат немецко-славянского взаимодействия на глагольно-словообразовательном уровне, которое выразилось в формировании гибридного языка. Значимость словообразования в гибридации языка, в том числе идиша на базе славянского адстрата, заключается в том, что словообразовательный уровень соединяет лексику, семантику и грамматику, затрагивает грамматические и семантические категории. Славянский адстрат в идише находит выражение в системных копиях: в совмещении славянского содержания с немецкой формой, в результате чего, в частности, произошла омонимизация некоторых префиксов, в передаче идишем славянского вида, в концептуализации ситуации по славянскому образцу и в славянской ситуации префиксальных глаголов. Гибридация – процесс такого развития языка L, при котором: 1) данный язык L является материнским для вторичного коллектива его носителей, этнически иного, чем исходные его носители; 2) язык L функционирует в среде вторичных носителей и контактирует с языками C, которыми данные носители также пользуются в условиях полилингвизма или полиглотсии; 3) с течением времени материнский язык L начинает испытывать влияние, а затем системное воздействие со стороны контактных языков C, в результате чего 4) развивается гибридный язык H, основа которого – исходный язык L, с которым на базе адстрата скрестились системные разноуровневые пласты языков C.

Ключевые слова: идиш, славянские языки, гибридация, словообразование, префиксальные глаголы, системная копия, адстрат, концепт ситуации, ситуатема.

THE SLAVIC LANGUAGES AS A FACTOR OF YIDDISH HYBRIDIZATION**

¹K.A. Shishigin, ²N.B. Lebedeva

Kemerovo State University

6 Krasnaya Street, Kemerovo, 650043, Russia

E-mail: ¹schischigin-ka@rambler.ru; ²nlebedevab@yandex.ru

Abstract

This article focuses on the German-Slavic interaction in the Yiddish verb derivation that led to the formation of a hybrid language. The derivation is significant for hybridization, including that of Yiddish on the Slavic

* Публикуется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ № 15-04-00311).

** This research is published with the financial support from the Russian Foundation for Humanities (RFH grant No. 15-04-00311).

adstratum basis, because derivation combines vocabulary, semantics and grammar, deals with grammatical and semantic categories. The Slavic adstratum in Yiddish finds expression in systemic copies: in a combination of Slavic content with the German form that led to the homonymization of some prefixes, in particular, in the expression of the Slavic aspect by the Yiddish verbs, in the Slavic conceptualization of situation and in the Slavic situation of the Yiddish prefixed verbs. Hybridization is development of a Language L when: 1) the Language L is the mother tongue of its secondary speakers being another ethnos than its native speakers; 2) secondary speakers speak this Language L being in contact with Languages C that these speakers also use under polylingualism or polyglottism conditions; 3) in the course of time the contact Languages C have influence and then a systemic impact upon the mother Language L; 4) it results in a hybrid Language H with the source Language L that crosses with the adstratum systemic formations of different levels of the Languages C.

Keywords: Yiddish, Slavic languages, hybridization, derivation, prefixed verbs, systemic copy, adstratum, concept of situation, situation.

Славянские языки на протяжении всей истории своего развития и существования никогда не были замкнуты сами в себе, как это имеет место в ряде других языков, например германском исландском, всегда противившемся и до сих пор не приемлющем иноязычное влияние, а также не влияющем на другие языки. Славянские же языки, географически находясь в соприкосновении с языками других этносов, постоянно испытывали иноязычное влияние и сами оказывали влияние на другие идиомы.

Так, в русинском языке «<...> от венгерского *haszon* – «польза» происходит «<...> глагол *хосновати* – «использоваться», а также все производные от него: *хоснованя*, *хоснований*, *хоснуючий* «<...> именно наличие большого количества мадьяризмов является одной из тех характерных черт, которые отличают лексику русинского языка от лексики остальных восточнославянских языков.

Из немецкого русинский язык заимствовал «<...> *шпаціровати* – «гулять», *муштрувати* – «муштровать», *шпиталь* – «больница, госпиталь» и мн. др. «<...>

«<...> интернациональная лексика также проникает в русинский через посредство немецкого языка, приобретая при этом свойственное немецкому языку фонетическое оформление: *штруктура* – «структура», *шпеціальний* – «специальный» «<...> *штіл* – «стиль» «<...> В немецком фонетическом оформлении представлены в русинском и названия месяцев: январь «<...> февруар «<...> март «<...>» (Мусорин).

Наиболее ярким примером воздействия славянских языков на неславянские идиомы – воздействия системного и практически всеобъемлющего – является генеалогически германский язык идиш.

В настоящей статье на примере идиша показан результат немецко-славянского взаимодействия на глагольно-словообразовательном уровне, которое выразилось в образовании гибридного языка. Исследование гибридизации как процесса, гибридности как черты языка и гибридного языка как феномена – результата гибридизации имеет свою специ-

фику и общетеоретическую значимость, поскольку словообразование соединяет лексический, семантический и грамматический уровни и тем самым отражает состояние языка в целом.

Новизна исследования состоит в том, что впервые феномен гибридизации исследуется на словообразовательном уровне, в то время как ранее он рассматривался на фонетическом, лексическом уровнях, в этимологическом аспекте и применительно к частным вопросам грамматики и семантики глагола (см., например: Bin-Nun 1973; Mark 1978; Timm 2005; Timm, Beckmann 2006; Beider 2013; Beider 2014).

Гибридизация являет собой процесс такого развития языка L, при котором: 1) данный язык L (в анализируемом случае – немецкий) является материнским для вторичного коллектива его носителей (ашкеназских евреев), этнически иного, чем исконные его носители (немцы); 2) язык L функционирует в среде вторичных носителей и контактирует с языками С (семитскими и славянскими), которыми данные носители также пользуются в условиях полилингвизма или полиглосии; 3) с течением времени материнский язык L начинает испытывать влияние, а затем системное воздействие со стороны контактных языков С, в результате чего 4) развивается гибридный язык Н (идиш), основа которого – исходный язык L (немецкий язык-основа), с которым на базе адстрата скрестились системные разноуровневые пласты языков С (семитских и славянских языков-доноров) (Шишигин 2015: 5).

Гибридность идиша обусловлена его развитием: язык прошел следующие исторические этапы (в скобках укажем черты формирования идишской глагольно-префиксальной системы).

1. *Древний идиш* – с X-XI вв. «<...> до примерно 1500 г. <...> следование образцу немецкого языка; соучастие в процессах, считающихся признаками перехода от средневерхненемецкого языка к нововержне-немецкому» (Weinreich 1993: 32) (в этот период идиш получает готовые немецкие глагольные префиксы).

2. *«Средний идиш* – 1500 – ок. 1700/1750 гг.; <...> отрыв от немецкого <...> проникновение древнееврейских компонентов, все большее следование образцу славянских языков» (Weinreich 1993: 32) (на данном этапе, который совпадает со среднепольским периодом (XVI-XVIII вв.), идишская глагольно-префиксальная система претерпевает значительную формальную и семантическую славянизацию).

3. *«Новый идиш* – примерно с 1750 г.» (Weinreich 1993: 32) (окончательное оформление глагольно-префиксальной системы идиша).

Произошедшая в идише гибридизация охватывает не только глагольно-префиксальную систему, на материале которой построено представ-

ленное в данной статье исследование, но и все уровни языка.

Гибридной является фонетика: «произносительная норма литературного идиша, по мнению большинства исследователей, наиболее близка к тому из его диалектов, который относится к северно-восточным и нередко называется литовским <...> Имеющиеся данные об этом произносительном стандарте позволяют увидеть в нем как типично германские, так и типично славянские <...> черты» (Светозарова 2007: 226).

Графическая гибридность проявляется в том, что генетически германский язык с примерно 10 % славянских (а также 20 % семитских) лексических заимствований исконно пользуется еврейским квадратным письмом с направлением справа налево:

<...> "בייס דיר אָפּ די צונג!" -- כאָפּט זיך אַרויס דער שווער מיט אַ וואָרט (1)

(Sholem-Aleykhem) «Откуси себе язык!» – вмешивается тещь <...>».

На лексическом уровне гибридикация выразилась в формировании в идише адстратно-славянского пласта, который включает существенную долю славянских заимствований и славянские копии типа таких производящих и префиксальных глаголов, как *tshepen (zikh) – tsutshepen (zikh)* ‘цеплять(ся) – прицепить(ся)’ (ср. польск. *czepiać (się) – przyczepiać (się)*, *strakhirn – farstrakhirn* ‘страховать – застраховать’ (ср. соответствующие русские глаголы), *derbiven zikh* ‘добиваться’ (ср. укр. *добиватися*) (здесь и далее транскрипция в соответствии с системой Еврейского научного института (Yiddish Alphabet)).

В XIV в. ашкеназские евреи начали селиться на территории Великого Княжества Литовского, которое включало в себя, в частности, территории современной Литвы, Белоруссии и Украины. Еврейская колонизация славянских территорий сыграла значительную роль в истории идиша, когда при усиленном проникновении в их язык так называемого славянского компонента начинается «отрыв от немецкого» (Weinreich 1993: 32).

Начало гибридикации немецкого идиома славянскими языками, из которых наибольшее влияние оказали польский, белорусский, украинский и (примерно с начала XX в.) русский языки, было положено калькированием, в результате которого в идише появились префиксальные глаголы типа:

– *bageyn zikh (mit/on)* ‘обходиться (с/без)’: *ba-geyn ~ zikh* < польск. *obchodzić ~ się* (ср. рус. *об-ходить-ся*), где каждый из идишских компонентов в плане содержания соответствует славянскому компоненту (при этом в немецком **sich begeben* отсутствует);

– *tseshishn* ‘расстреливать’: *tse-shishn* < польск. *roz-strzeliwać* (ср. русск. *рас-стреливать*), где каждый из идишских компонентов в плане содержания также соответствует славянскому компоненту (в немецком

**zerschießen* отсутствует);

– *unterkoyfn* ‘подкупать (взяткой)’: *unter-koyfn* < польск. *pod-kupywać* (ср. укр. *nið-kupamti*), где также наблюдается полное соответствие идишских компонентов славянским (при отсутствии в немецком **unterkaufen*).

Здесь речь идет, однако, не просто о кальках, но о **системных копиях** в понимании З. Голомба, который пишет: «Предположим <...> существуют два народа, которые соответственно говорят на языках А и Б, находящихся в тесном контакте <...> и обитают на общей территории. В этом случае может быть установлено, что определенные черты <...> структуры языка А были перенесены на язык Б <...> Такие черты <...> следует толковать как копии <...> как следствие заимствования из одного языка в другой <...>» (цит. по: Звегинцев 1962: 230).

При этом копирование в идише происходит не только на уровне лексики. Здесь следует отметить, в первую очередь: а) глагольные гибридные префиксы-омонимы и префиксы с гибридной полисемией, совмещающие немецкую форму и славянскую семантику; б) грамматикализованные одноактные конструкторы, формально образуемые аналитическими средствами по немецкой модели, но содержательно копирующие славянский совершенный вид; в) перфективные префиксальные глаголы, которые в плане выражения и содержания копируют славянский совершенный вид.

Например, префиксы-омонимы развились путем наложения содержания славянского префикса на немецкую форму на основе фонетического и / или семантического сходства. Так, префиксы *der₋₁*, *far₋₁* и *on₋₁* сохранили характеристики немецкого языка-основы, в то время как *der₋₂*, *far₋₂* и *on₋₂* адаптировали словообразовательные, семантические и морфосинтаксические черты славянских глаголов с *do-/да-*, *za-/за-* и *na-/на-* соответственно, ср.:

– *derlernen* ‘изучить’ (нем. *erlernen*) – *derlernen* ‘доучить’ (белорус. *да-вучыць*);

– *farshpiln* ‘проигрывать’ (нем. *verspielen*) – *farshpiln zikh* ‘заиграться’ (укр. *загратися*);

– *ongeyn* ‘касаться (иметь отношение)’ (нем. *angehen*) – *ongeyn zikh* ‘находиться (до усталости)’ (польск. *nachodzić się*).

Немецко-славянская гибридность проявляется в идише также в передаче славянского вида. Приведем словоформы таких идишских (И) глаголов, как производящие *geyn* ‘идти, ходить’ и *shpringen* ‘прыгать’ и префиксальный *tsugeyn* ‘подойти, подходить’, и сравним их с семантическими польскими (П), русскими (Р) и немецкими (Н) эквивалентами (ср.: Geller 1999: 14).

Аспектуальные формы идишских глаголов в сравнении с польскими, русскими и немецкими

		Инфинитив	Аспектуальные формы		
			Одноактный (И), совершенный (П, Р)	Множественно-прошедший	Длительный
И	1	<i>geyn</i>	<i>a gey gebn</i>	<i>fleg [tsu] geyn</i>	<i>haltn in [eyn] geyn</i>
	2	<i>shpringen</i>	<i>a shprung ton</i>	<i>fleg [tsu] shpringen</i>	<i>haltn in [eyn] shpringen</i>
	3	<i>tsugeyn</i>	<i>a gey tsu ton</i>	<i>fleg tsu[tsu]geyn</i>	–
П	1	<i>iść</i>	<i>pójść / dać chodu</i>	<i>chodziwał</i>	<i>chodzić</i>
	2	<i>skakać</i>	<i>skoczyć / zrobić skok</i>	–	<i>skakać</i>
	3	<i>podchodzić</i>	<i>podejść</i>	–	–
Р	1	<i>идти</i>	<i>пойти</i>	<i>хаживал</i>	<i>расхаживать</i>
	2	<i>прыгать</i>	<i>прыгнуть</i>	–	<i>прыгать</i>
	3	<i>подходить</i>	<i>подойти / дать ходу</i>	–	–
Н	1	<i>gehen</i>	–	<i>pflegte zu gehen</i>	<i>am Gehen sein</i>
	2	<i>springen</i>	<i>einen Sprung machen</i>	<i>pflegte zu springen</i>	<i>am Springen sein</i>
	3	<i>zugehen</i>	–	<i>(pflegte zuzugehen)</i>	<i>zugehen</i>
Букв.	1	идти	дать ходу	имел обыкновенное ходить	*держать в [одно] хождение
	2	прыгать	сделать прыжок	имел обыкновенное прыгать	*держать в [одно] прыгание
	3	подойти/подходить	*сделать ход под	имел обыкновенное подходить	*держать в [одно] подхаживание

В аспектуальной системе идиша его гибридность проявляется абсолютно отчетливо.

Во-первых, одноактные конструкции по форме повторяют немецкие полусвободные лексические сочетания «глагол со значением ‘делать’ + отглагольное корневое существительное», образуемые от ограниченного числа глаголов перемещения и прямого эффекта. По содержанию идишские конструкторы совпадают как с немецкими, так и со славянскими, причем если последние образуются путем суффиксации или префиксации или отсутствуют вообще, то идишские образуются ото всех акциональных и процессуальных глаголов (производящих и с отделяемыми префиксами): по немецкому образцу аналитическими средствами и с грамматикализацией по славянскому образцу.

Во-вторых, многократно-прошедший аспект соответствует не грамматикализованной, но лексикализованной немецкой конструкции; при этом он образуется в том числе там, где славянские глаголы не могут создавать соответствующих форм.

В-третьих, конструкции длительного действия не повторяют, однако, ни по форме, ни по концептуальному содержанию ни немецкие, ни славянские сочетания и представляют собой результат интралингвистического развития идиша.

Система префиксальных глаголов идиша, таким образом, во многом характеризуется адстратным славянским и в меньшей степени семитским влиянием, причем это влияние перешагнуло границы формального словообразования и системно изменило идишскую глагольно-префиксальную систему в целом.

Далее мы исследуем содержательную сторону глагольно-префиксального словообразования, которая проявляется во взаимодействии концепта ситуации и ситуатемы.

Концепт ситуации – это обобщенно-абстрагированный, наивно-языковой способ репрезентации ситуации префиксальным глаголом, обусловливаемый архисемой префикса, которая детерминируется его происхождением из языка-основы или из языков-доноров (Шишигин 2015: 5). **Ситуатема** – это единица плана содержания глагола, отражающая динамическую полиситуативную денотативную структуру открытого, нелимитируемого типа (Лебедева 1999: 30), определяющаяся принадлежностью префиксального глагола к лексическому пласту языка-основы или языков-доноров.

Концепт ситуации рассматривается нами как **макросемантический** уровень, так как он являет собой *обобщенный* смысл префиксальных глаголов. При этом «смысл» следует понимать как «способ обозначения вещи» (Frege 1892: 26) (т.е. ситуации) префиксальным глаголом. Ситуатема же – как уровень **микросемантический** – более *дробно* представляет компоненты семантики глаголов, в том числе имплицитные, пресуппозиционные, и понимается нами как то, что Г. Фреге именует представлением, то есть как «<...> внутренний образ, возникший <...> на основе <...> впечатлений об этой вещи, а также в результате <...> деятельности, физической и мыслительной, связанной с этой вещью» (Фреге). Таким образом, концепт ситуации – это **знаково-языковая** конвенция, а ситуатема представляет собой единицу **когнитивно-коммуникативную и функционально-семантическую** (подробнее см.: Шишигин 2014; Лебедева 2015).

Проиллюстрируем два данных уровня, а также другие – релевантные с точки зрения немецко-славянской гибридности – явления на примере идишских глаголов с префиксами-омонимами.

1. Концепт ситуации на примере глаголов с *far-*₂

Неотделяемый префикс-омоним *far-*₂ сформировался путем совмещения содержания славянского префикса *za-/za-* с немецкой формой *far-*. Это совмещение объясняется частичной семантической близостью

немецкого *ver-* и славянского *za-/za-*. Значения славянского по происхождению *far-*₂, однако, не сводимы ни к одному из значений немецкого по происхождению префикса *far-*₁, так как у *far-*₂ они полностью обусловлены контактом со славянскими языками и представляют собой, тем самым, адстратное явление в глагольно-префиксальной системе идиша.

М. Бартоли, введший термин «адстрат», определял его как «два слоя сосуществующих языков, из которых ни один не господствует над другим» (цит. по: Звегинцев 1962: 206). Именно такое положение дел имеет место в гибридном идише: гибридизация, с экстралингвистической точки зрения, произошла именно ввиду того, что его носители (ашкеназские евреи) – как этнически, так и в языковом плане – не ассимилировались (с) носителями исходного языка (немцами).

У глаголов с *far-*₂ четко обнаруживаются три адстратно-славянских семантических типа: это – глаголы, описывающие:

- 1) действие с оборотной стороны ориентира;
- 2) начало действия или процесса;
- 3) полное погружение субъекта в действие или процесс.

В среднепольском языке (1540 г. – первая половина XVIII в.) при глаголах перемещения «приставка *za-*, как и соответствующий предлог, обозначала движение, направленное за предмет <...>» (Стрекалова 1968: 99). В современном русском это значение ‘за предмет(ом)’ реализуется в таких частных значениях, свойственных также польскому, украинскому и белорусскому языкам и ставших адстратными для идиша, как: «<...> 1) обратная от наблюдателя сторона пространственного ориентира; 2) столь далекое место, что наблюдатель ничего о нем не знает <...>» (Волохина, Попова 1993: 56).

Оба значения сводимы к единой этимологически обусловленной архисеме <за ориентир(ом)>, и типовой концепт ситуации, который повторяют концепты каждого из типов префиксальных глаголов с *far-*₂, может быть условно представлен следующей схемой (рис. 1).

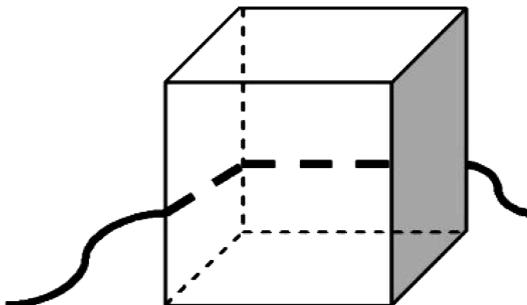

Рис. 1. Концептуализация ситуации глаголами с префиксом *far-*₂

Немецко-славянская гибридность идиша здесь проявляется в следующем:

а) в приобретении немецкой формой славянских значений и макро-семантических характеристик; так, глаголы *fargeyn* 'заходить', *farreykern* 'закуривать', *farfirn* 'заводить (начинать что-либо)' и т.п. по форме полностью соответствуют немецким *vergehen* 'проходить (исчезать)', *verrauchen* 'прокуривать' и *verführen* 'соблазнять', но имеют абсолютно иные – адстратные славянские – значения и концептуализуют ситуацию по славянскому образцу; при этом формально те же глаголы с префиксом *far-*₁ имеют такие же значения, что и их немецкие эквиваленты;

б) в широком применении идишем – по славянскому образцу – рефлексива *zikh* при префиксальных глаголах с *far-*₂, например: *farglustn zikh* 'захотеться', *farhustn zikh* 'закашляться' (ср. соответствующие русские глаголы); у идишских глаголов местоименный по своему происхождению рефлексив *zikh* утратил лексический характер (свойственный немецкому *sich*) и превратился в отдельно стоящий приглагольный рефлексивный постфикс (подобно польскому *się*);

в) в получении глаголами с данным префиксом славянских морфосинтаксических характеристик:

– управление прямым и косвенным дативным дополнением:

(2) *farglustn zikh* 'захотеться': *deriber koym iz khantse fun di kindershe shikhlekh aroys <...> hot shoyn yentlen* (Субъект/Дополнение_{датив}) *zikh shtark farglust a khosn* (Объект/Дополнение_{прямое}) *far ir <...>* (Mendele). 'Поэтому, едва Ханца успела вырасти из детских тубелек <...> Ентлу (Субъект/Дополнение_{датив}) сильно *захотелось* для нее жениха (Объект/Дополнение_{прямое}) <...>';

– управление косвенным дополнением (русский творительный падеж и его формальный идишский аналог «предлог *mit* 'с; посредством' + дополнение»):

(3) *farinteresirn zikh* 'заинтересоваться': *mir kenen nor hofn az andere – i yidn i nisht-yidn* (Субъект/Подлежащее) – *veln zikh vayter farinteresirn mit yidish* (Объект/Дополнение_{предложное}) <...> (Mendele-forum). 'Мы можем только надеяться, что другие – и евреи, и неевреи (Субъект/Подлежащее) – впредь заинтересуются идишем (Объект/Дополнение_{творительный}) <...>'.
2. Ситуатема на примере глаголов с префиксами-омонимами *far-*₂ и *unter-*₂

Ситуатема не равна лексическому значению префиксального глагола и обусловливаемому префиксом концепту ситуации. Объем информации, включенной в ситуатему, шире конвенционального способа обозначения ситуации посредством глагола с префиксом (концепта ситуации) и

закрепленного за ним содержания (лексического значения). Значение глагольной леммы включает лексикализованную ситуацию, но наряду с последней ситуатему конституируют еще и имплицативно связанные с ней микроситуации, т.е. смежные конситуации, которые вступают друг с другом в таксисные отношения проспекции, ретроспекции, интраспекции и / или синхронности (Лебедева 1999: 55, 88-90; Шишигин 2015: 24).

2.1. Корреляция значения, концепта ситуации и ситуатемы (на примере глаголов с *far-*)

Для иллюстрации соотношения значения, концепта ситуации и ситуатемы приведем пример с глаголами с префиксом *far-*₂:

(4) *farhustn zikh* 'закашливаться', *fartsien zikh* 'затягиваться': fun zint der tate iz geshtorbn, hot er ongehoybn reykhern. di ershte tsayt hot er (Субъект) zikh gemutshet, flegt zikh *farhustn*. itst *fartsit* er zikh shoyt <...> (Sholem-Aleykhem 1997: 33). 'С того момента, как папа умер, он начал курить. Первое время он (Субъект) мучился, *закашливался*. Теперь он уже *затягивается* <...>'.
(См. также: Шишигин 2015: 24)

За счет префикса *far-*₂ ситуации с данными глаголами, которые описывают полное погружение в действие или процесс, концептуально уподобляются «перемещению за ориентир». В русском языке, например, значение глаголов типа *затолкать в очереди* и *замучить(ся)*, которым с точки зрения словообразования, семантики и морфосинтаксиса аналогичны анализируемые идишские глаголы (соответственно *farshstupn* и *farmutshen (zikh)*), сводимо к семе <скрыть из поля зрения далеко, основательно>, из которой выводится сема <основательно/чрезмерно/слишком> (Волохина, Попова 1993: 169). Этому же образцу следуют представленные идишские глаголы с *far-*₂. В объективно-денотативной же ситуации перемещения за ориентир не происходит, отсутствует данный параметр и в значении глаголов, соответственно 'сильно кашлять' и 'глубоко вдыхать дым'. Но на уровне ситуатемы выявляются не только параметры «сильно» и «глубоко», но и смежные микроситуации, что иллюстрирует рис. 2.

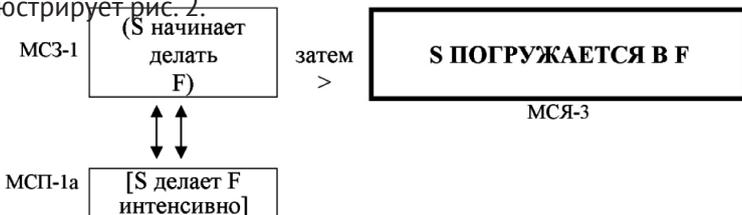

Рис. 2. Ретроспективная ситуатема глаголов с префиксом *far-*₂, описывающих ситуацию полного погружения субъекта в действие или процесс: S – субъект, F – действие / процесс

Ситуатему данных префиксальных глаголов мы полагаем ретроспективной, так как на ядерную микроситуацию направлены предшествующие ей синхронные периферийная и закадровая микроситуации:

– субъект *начинает* кашлять и вдыхать дым (закадровая микроситуация МСЗ-1) и

– синхронно делает это *интенсивно*, т.е. кашляет сильно и вдыхает дым глубоко (периферийная МСП-1а), и,

– тем самым, *погружается* в кашель и курение (ядерная МСЯ-3).

2.2. Ситуатема (на примере глаголов с *unter-*)

Префикс-омоним *unter-*₂ развился путем наложения значений славянского префикса *pod-/nad-/nid-* на семантически близкий немецкий *unter-* с тем же исконным конкретно-пространственным значением 'снизу', которое расширилось при обозначении абстрактно-пространственных и пространственных ситуаций за счет славянского адстрата. Они, в частности, описывают – по славянскому образцу – сопровождающее действие:

а) вспомогательное действие: *unterarbetn* 'под(за)рабатывать', *unterhelfn* 'помогать', *untermiskhern* 'приторговывать', *unterzogn* 'подсказывать' и др. (по типу, соответственно, рус. *подрабатывать*, укр. *підмагати*, блр. *надгандлёўваць*, польск. *podpowiedzieć*);

б) побочное действие: *unterfayfn* 'присвистывать (делая что-либо)', *unterkhlyoben* 'прихлебывать', *unterzingen* 'подпевать' (по типу, соответственно, укр. *підсвистувати*, рус. *прихлебывать*, блр. *падпяваць*).

Полиситуативность семантики глаголов сопровождающего действия с *unter-*₂ выражается, прежде всего, в реализации двух акциональных микроситуаций (рис. 3, 4). При этом ситуатемы глаголов вспомогательного и побочного действия отличаются друг от друга.

При очевидном отличии ситуатем общим компонентом у них является то, что ядерную микроситуацию конституирует действие сопровождающее (вспомогательное или побочное), что в триаде «идиш – немецкий – славянские языки» выявляют только идишские и славянские префиксальные глаголы.

Значимость словообразования в гибридизации языка, в том числе идиша на базе славянского адстрата, заключается в том, что словообразовательный уровень соединяет лексику, семантику и грамматику, затрагивает грамматические и семантические категории. Так, в идише развились акциональные значения: грамматикализованные одноактные и длительные глагольные конструкции, а также перфективный аспект, выражаемый посредством префиксальных глаголов.

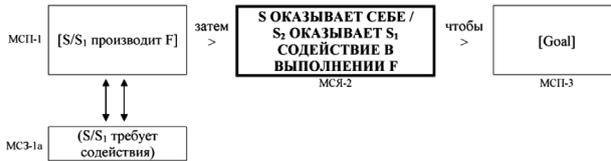

Рис. 3. Ретроспективно-проспективная типовая ситуатема глаголов с префиксом *unter-*₂, описывающих ситуации вспомогательного действия

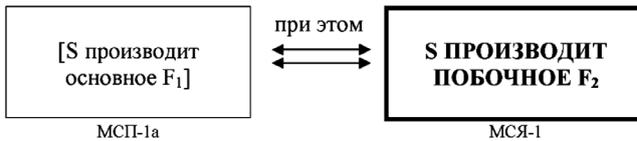

Рис. 4. Синхронная типовая ситуатема глаголов с префиксом *unter-*₂, описывающих ситуации побочного действия:

F – действие, S – субъект, Goal – цель

Глагольно-префиксальное словообразование значимо еще и потому, что аффиксы – единицы двусторонние, обладающие формой и содержанием. Отсюда – взаимосвязанная (но не линейная) цепочка: лексика – морфемы – грамматика – семантика. И эта связка охватывает, в сущности, весь язык: следовательно, системная гибридизация словообразования вызывает гибридизацию всего языка. Подобно тому как, например, формирование категории вида в славянских языках выделило их из ряда других индоевропейских, славянский системный адстрат способствовал обособлению идиша от немецкого.

Гибридизация, таким образом, являет собой системное, органическое скрещивание, но не механическое совмещение компонентов разных языков в одном – третьем – идиоме, который в результате этой гибридизации превращается в гибридный язык. Ярким примером тому служит идиш и, в частности, его гибридная – немецко-славянская – система глагольно-префиксального словообразования.

ЛИТЕРАТУРА

Волохина, Попова 1993 - Волохина Г.А., Попова З.Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. 196 с.

Звегинцев 1962 - Звегинцев В.А. Очерки по общему языкознанию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. 385 с.

Лебедева 1999 - *Лебедева Н.Б.* Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 262 с.

Лебедева 2015 - *Лебедева Н.Б.* Концепция полиситуативности: исследовательский потенциал (на примере анализа семантики русского глагола *навыписывать*) // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2015. № 1 (42). С. 122-132.

Мусорин – *Мусорин А.Ю.* Из наблюдений над лексикой русинского языка. URL: <http://www.philology.ru/linguistics3/musorin-06b.htm> (дата обращения 11.06.2015).

Светозарова 2007 - *Светозарова Н.Д.* Краткий очерк фонетики языка идиш в сравнении с русским и немецким // Общее и германское языкознание / Отв. ред. Н.Л. Сухачев. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 226-239. (Acta linguistica Petropolitana. Т. 3. Ч. 1).

Стрекалова 1968 - *Стрекалова З.Н.* Из истории польского глагольного вида. М.: Наука, 1968. 176 с.

Фреге - *Фреге Г.* Смысл и денотат. URL: http://lpcs.math.msu.su/~uspensky/journals/siio/35/35_15FREGE.pdf (дата обращения 11.06.2015).

Шишигин 2014 - *Шишигин К.А.* Полиситуативная семантика префиксальных глаголов языка идиш (на примере глагола *גען* с некоторыми префиксами) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 6 (32). С. 60-76.

Шишигин 2015 - *Шишигин К.А.* Словообразовательная система гибридного языка: формирование, развитие и функционирование (на материале префиксальных глаголов идиша): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2015. 56 с.

Beider 2013 - *Beider A.* Reapplying the language tree model to the history of Yiddish // Journal of Jewish Languages. Leiden: Koninklijke Brill NV, 2013. P. 77-121.

Beider 2014 - *Beider A.* Unity of the German component of Yiddish: myth or reality? // Jewish Language Contact. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014. P. 101-136.

Bin-Nun 1973 - *Bin-Nun J.* Jiddisch und die deutschen Mundarten: unter besonderer Berücksichtigung des ostgalizischen Jiddisch. Tübingen: Max Niemeyer, 2008. 415 s.

Frege 1892 - *Frege G.* Über Sinn und Bedeutung // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. 1892, NF 100. S. 25-50.

Geller 1999 - *Geller E.* Hidden Slavic structure in modern Yiddish // Jiddische Philologie: Festschrift für Erika Timm / Hrsg. W. Röhl u. S. Neuberg. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1999. S. 65-89.

Mark 1978 - *Mark Y.* Gramatik fun der yidisher klal-shprakh. Nyu-York: AL-

vettlekher yidisher kultur-kongres, 1978. 407 z.

Mendele - Mendele Moykher-Sforim. Dos vintsh-fingerl. URL: <http://www.uni-trier.de/index.php?id=31287> (дата обращения 11.06.2015).

Mendele-forum - Mendele-forum. URL: <http://mendele.commons.yale.edu/1996/12/01/yidish-un-yidishkayt-2> (дата обращения 11.06.2015).

Sholem-Aleykhem 1997 - Sholem-Aleykhem. Motl peyse dem khazns / ed. Kh. Shmeruk. Yerusholaim: Magnes pres, 1997. 366 z.

Sholem-Aleykhem - Sholem-Aleykhem. Oylem-habe. URL: <https://docs.google.com/viewer?a=v&pid=sites&srcid=ZGVmYXVsdGRvbWFpbntZlW5kZWxlZGVydmF5bGlrGd4OjU1NmIzYzRjMmU1MTc1MmU> (дата обращения 11.06.2015).

Timm 2005 - *Timm E.* Historische jiddische Semantik: Die Bibelübersetzungssprache als Faktor der Auseinanderentwicklung des jiddischen und des deutschen Wortschatzes / u. Mitarbeit v. G.A. Beckmann. Tübingen: Max Niemeyer, 2005. 744 s.

Timm, Beckmann 2006 - *Timm E., Beckmann G.A.* Etymologische Studien zum Jiddischen. Zugleich ein Beitrag zur Problematik der jiddischen Südost- und Ostflanke. Hamburg: Helmut Buske, 2006. 191 s.

Weinreich 1993 - *Weinreich M.* Geschichte der jiddischen Sprachforschung. University of South Florida, 1993. 551 s.

Yiddish Alphabet - Yiddish Alphabet/Alef-Beys. URL: http://www.yivo.org/max_weinreich/index.php?tid=57&aid=275 (дата обращения 11.06.2015).

REFERENCES

Volokhina, G.A. & Popova, Z.D. (1993) *Russkie glagol'nye pristavki: semanticheskoe ustroystvo, sistemnye otnosheniya* [Russian verb prefixes: semantic structure, systemic relations]. Voronezh: Voronezh State University.

Zvegintsev, V.A. (1962) *Ocherki po obshchemu yazykoznaniyu* [Essays on the general linguistics]. Moscow: Moscow State University.

Lebedeva, N.B. (1999) *Polisituativnost' glagol'noy semantiki (na materiale russkikh prefiksals'nykh glagolov)* [The polysituationality of the verb semantics (exemplified by Russian prefixed verbs)]. Tomsk: Tomsk State University.

Lebedeva, N.B. (2015) *Koncepciya polisituativnosti: issledovatel'skiy potentsial (na primere analiza semantiki russkogo glagola navypisyvat')* [The concept of polysituationality: potential for research (exemplified by the semantic analysis of the Russian verb "navypisyvat'")]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 1 (42), pp. 122-132.

Musorin, A.Yu. *Iz nablyudeniy nad leksikoy rusinskogo yazyka* [Some observation

of the Rusinian vocabulary]. [Online]. Available from: <http://www.philology.ru/linguistics3/musorin-06b.htm> (Accessed: 11th June 2015).

Svetozarova, N.D. (2007) *Kratkiy ocherk fonetiki yazyka idish v sravnenii s russkim i nemetskim* [A brief essay on the Yiddish phonetics compared to Russian and German]. In: Sukhachev, N.L. (ed.) *Obshchee i germanskoe yazykoznanie* [General and German linguistics]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 226-239.

Strekalova, Z.N. (1968) *Iz istorii pol'skogo glagol'nogo vida* [From the history of the Polish verb aspect]. Moscow: Nauka.

Frege, G. *Smysl i denotat* [Sense and denotation]. [Online]. Available from: http://lpcs.math.msu.su/~uspensky/journals/siio/35/35_15FREGE.pdf (Accessed: 11th June 2015).

Shishigin, K.A. (2014) Polysituational semantics of Yiddish prefixed verbs (exemplified by the verb "geyn" with some prefixes). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (32). pp. 60-76.

Shishigin, K.A. (2015) *Slovoobrazovatel'naya sistema gibridnogo yazyka: formirovanie, razvitiye i funktsionirovanie (na materiale prefiksallykh glagolov idisha)* [Derivation system of the hybrid language: formation, development, and functioning]. Abstract of Philology Doc. Diss. Kemerovo.

Beider, A. (2013) Reapplying the language tree model to the history of Yiddish. *Journal of Jewish Languages*. 1 (1). pp. 77-121. DOI: 10.1163/22134638-12340003

Beider, A. (2014) Unity of the German component of Yiddish: myth or reality? *International Journal of the Sociology of Language*. 226. pp. 101-136. DOI: 10.1515/ijsl-2013-0077

Bin-Nun, J. (1973) *Jiddisch und die deutschen Mundarten: unter besonderer Berücksichtigung des ostgalizischen Jiddisch* [Yiddish and German dialects: with special reference to eastern Galician Yiddish]. Tübingen: Max Niemeyer.

Frege, G. (1892) Über Sinn und Bedeutung [About the sense and meaning]. *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*. 100. pp. 25-50.

Geller, E. (1999) Hidden Slavic structure in modern Yiddish. In: Röhl, W. & Neuberg, S. (eds) *Jiddische Philologie: Festschrift für Erika Timm* [Yiddish Philology]. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. pp. 65-89.

Mark, Y. (1978) *Gramatik fun der yidisher klal-shprakh* [Grammar of the Yiddish standard language]. New York: Yiddish Culture World Congress.

Mendele, M.S. *Dos vintsh-fingerl* [The wishing ring]. [Online]. Available from: <http://www.uni-trier.de/index.php?id=31287> (Accessed: 11th June 2015).

Mendele-forum [Mendele forum]. [Online]. Available from: <http://mendele.commons.yale.edu/1996/12/01/yidish-un-yidishkayt-2> (Accessed: 11th June 2015).

Sholem-Aleykhem. (1997) *Motl peyse dem khazns* [Motl, the cantor's son]. Jerusalem: Magnes press.

Sholem-Aleykhem. *Oylem-habe* [World to come]. [Online] Available from: <https://docs.google.com/viewer?a=v&pid=sites&srcid=ZGVmYXVsdGRvbWFPbnxtZW5kZWxlZGVydmF5bGlrfGd4OjU1NmIzYzRjMmU1MTc1MmU> (Accessed: 11th June 2015).

Timm, E. (2005) *Historische jiddische Semantik: Die Bibelübersetzungssprache als Faktor der Auseinanderentwicklung des jiddischen und des deutschen Wortschatzes* [Past Yiddish semantics: The Bible translation language as a factor of divergence of Yiddish and German vocabulary]. Tübingen: Max Niemeyer.

Timm, E. & Beckmann, G.A. (2006) *Etymologische Studien zum Jiddischen. Zugleich ein Beitrag zur Problematik der jiddischen Südost- und Ostflanke* [Etymological studies of Yiddish. A contribution to the problem of the south-eastern and eastern flank Yiddish]. Hamburg: Helmut Buske.

Weinreich, M. (1993) *Geschichte der jiddischen Sprachforschung* [History of the Yiddish language research]. University of South Florida.

Yivo.org. *Yiddish Alphabet/Alef-Beys*. [Online] Available from: http://www.yivo.org/max_weinreich/index.php?tid=57&aid=275 (Accessed: 11th June 2015).

Шишигин Кирилл Александрович – кандидат филологических наук, зав. кафедрой немецкой филологии Кемеровского государственного университета.

Shishigin Kirill – Kemerovo State University (Russia).

E-mail: schischigin-ka@rambler.ru

Лебедева Наталья Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета.

Lebedeva Natalia – Kemerovo State University (Russia).

E-mail: nlebedevab@yandex.ru

УДК 81'27

UDC

DOI 10.17223/18572685/41/16

ДЕРИВАЦИОННАЯ СПЕЦИФИКА НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ПОДКОРПУСА НКРЯ)*

О.В. Нагель

Томский государственный университет,

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: olga.nagel2012@yandex.ru

Авторское резюме

В статье представлены результаты анализа формальной репрезентации наименований лица в славянских (русском, польском, украинском, белорусском, болгарском) и английском языках на материале данных из параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка. В исследовании обсуждается гипотеза о том, что словообразовательная система славянских языков может рассматриваться как национально специфический код языковой объективации концептуальных структур на примере языковой реализации межличностной оценки. На примере производных имен «толстяк» (русский), «gubas» (польский), «товстун» (украинский), «таўстун» (белорусский) и «дебелак» (болгарский) выявлено, что в рассматриваемых славянских языках активно используются суффиксальные модели для передачи отношения к лицу на основе оценки его признака, что позволяет говорящему выразить отношение к признаку посредством свернутой, но семантически насыщенной пропозиции. В английском языке, несмотря на потенциально существующую возможность выразить оценку производным именем, отмечается значительный перевес предикативных конструкций для передачи оценки лица по признаку, которые выражают все заложенные смыслы в семантике языковых единиц эксплицитно.

Ключевые слова: славянские языки, производное имя, культурный код, межличностная оценка, Национальный корпус русского языка.

DERIVATION PECULIARITIES OF NOMINAL NOUNS IN SLAVIC LANGUAGES (BASED ON THE PARALLEL SUBCORPUS OF THE NATIONAL RUSSIAN CORPUS)**

O.V. Nagel

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: olga.nagel2012@yandex.ru

Abstract

The article presents the results of the analysis of formal representation of the derivative nominal nouns in the Slavic (Polish, Ukrainian, Belorussian and Bulgarian) as well as English languages. The data

* Данное научное исследование (№ проекта 8.1.37.2015) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд Томского государственного университета им. Д.И. Менделеева» в 2015 г.

** This study (research grant No 8.1.37.2015) was supported by The Tomsk State University Academic D.I. Mendeleev Fund Program in 2015.

for the analysis were collected from the multilingual subcorpus of the National Russian Corpus. The study brings into discussion the idea that the Slavic language derivational system might be regarded as a cultural linguistic code for conceptual structures. Linguistic realization of interpersonal evaluation by means of derivative nouns “*tolstyak*”, “*grubas*”, “*tovstun*”, “*tawstun*”, “*debelak*” is presented as a case study for the above hypothesis. The analysis revealed that the Slavic languages under study do exploit their derivational system (suffixation) in the context of interpersonal evaluation. It is discussed that a derivative noun, being a compact but semantically loaded language unit, allows a speaker to express his attitude to another person implicitly. The English language on the contrary employs explicit predicative constructions to evaluate a quality of a person.

Keywords: Slavic languages, derivative nouns, cultural code, interpersonal evaluation, Parallel Russian National Corpus.

Постановка проблемы. Когнитивно-дискурсивный подход к языку определил новый взгляд на функциональную направленность словообразовательной системы, присвоив словообразовательным моделям статус культурного кода, вмещающего в себя обширный пласт когнитивного наследия народа. В результате актуализировались вопросы о природе основных единиц словообразовательной системы, их взаимодействии в процессе словообразовательного акта и функционировании в тексте, как в лингвистическом, так и когнитивно-дискурсивном аспекте. Как утверждает Е.С. Кубрякова, «словообразование следует рассматривать как систему обеспечения потребностей в выделении и фиксации особых структур знания, в объективации и экстерииоризации интериоризованных концептуальных структур (ментальных репрезентаций опыта и знаний человека), т.е. их «упаковки» в языковые формы, отвечающие определенным формальным и содержательным требованиям» (Кубрякова 2004: 393).

В данном ключе исследование славянских языков, имеющих разветвленную словообразовательную систему, представляется наиболее интересным. Изыскания в области семантического словообразования сфокусированы на изучении образа мышления и способов его вербализации посредством производной единицы. Существующие словообразовательные категории и модели рассматриваются как языковые объективации того, как человек воспринимает и членит информацию, как выделяет в ней наиболее важные для социального взаимодействия смыслы. В результате высказывается предположение о том, что в словообразовательной системе, наряду с другими языковыми феноменами, объективированы прототипические для каждой культуры формы представления информации.

В данном исследовании утверждается, что в славянских языках суффиксальные словообразовательные модели являются своего рода инструментом для выражения межличностной оценки, который удовлетворяет потребности носителя языка имплицитно, но позволяет семантически насыщенно выразить его отношение к другому лицу.

Современный человек существует в условиях, характеризующихся активным социальным взаимодействием как на уровне внутрикультурного, так и на уровне межкультурного диалога. В задачи современных лингвистов входит исследование современных вербальных кодов межличностных взаимоотношений, определяющих успешное осуществление этого диалога. В исследованиях такого рода человек рассматривается как порождающая среда языковых законов.

В специальных словарях регистрируется языковое отображение внешнего облика человека (идеографических, тематических, словарях оценок, словарях жестов) (В.В. Морковкин, О.С. Баранов, Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова, В.М. Богуславский, Т.В. Бахвалова, Г.Е. Крейдлин, А.А. Акишина, Х. Кано, Т.Е. Акишина, В.Н. Телия и др.). Исследуется вербализация концепта «человек телесный», где уделяется внимание вопросам связи внешнего человека с внутренним и целостным человеком (Клевцова 2007). Работы на стыке лингвистики, культурологии и психологии иллюстрируют на конкретном языковом материале, как когнитивные структуры отражаются в лексической семантике и как создается специфическое видение мира, присущее культуре и культурной общности (А.И. Варшавская, Э. Кассирер, Г.В. Колшанский, А.В. Кравченко, Е.С. Кубрякова, Е. Курилович, Р. Лангакер, Е.Г. Хомякова, С.Н. Яременко, С.С. Степанов, А. Пиз, М.М. Бахтин, Б.В. Марков и др.). При этом в работах по объективации когнитивных структур констатируются как универсальность, так и уникальность языковых систем при выражении межличностной оценки.

Актуальность межличностных отношений стимулирует исследование способов именованности лица, а именно прототипических языковых моделей, как в рамках родственных, так и в рамках разносистемных языков в различных культурах в сопоставительном аспекте. М.Л. Кулешова, например, анализирует пейротивные названия лиц как компонент лексико-семантической категории персональности в словенском и сербском языках и разграничивает идентифицирующие, частнооценочные и общеоценочные пейротивы. При этом автор показывает системные, как внутриязыковые, так и межязыковые, отличия в способах вербализации данных типов пейротивов (Кулешова 2015).

Концептуализация прекрасного и безобразного в английском, русском и кабардино-черкесском языках является объектом исследования М.А. Шардановой. Автор отмечает, что обозначение эстетических категорий «прекрасное / безобразное vs красивое / некрасивое» в английском и русском языковом сознании характеризуется более высокой номинативной плотностью по сравнению с адыгейским. М.А. Шарданова также заявляет, что наблюдается значительное сходство в стереотипах оценки

красивой внешности людей, причем очевидно наибольшее сходство в английской и русской лингвокультурах при относительной автономности адыгейской лингвокультуры, что объясняется особенностями культурно-исторического развития данных этносов (Шарданова 2006). Важно отметить, что многие авторы особо выделяют специфическую роль словообразовательных моделей при выражении оценки в славянских языках. Сравнивая русский и немецкий языки, Н.Н. Канашина приходит к выводу, что в немецком языке наблюдается частое окказиональное употребление диминутивных дериватов от имен собственных, передающих негативную оценочность. В русском языке диминутивные дериваты, образованные от одушевленных имен существительных, могут служить средствами выражения негативной оценки, вызванной незрелостью, несамостоятельностью, малозначительностью, жалостью называемого лица (Канашина 2011). Э.Р. Замалютдинова рассматривает особенности употребления слов – характеристик лица в переводах произведений Г. Манна на русский язык (на материале имен существительных и прилагательных) и приходит к выводу, что в качестве наиболее продуктивных словообразовательных средств в переводах выступают суффиксы **-ник, -щик, -тель, -ец, -к, -ан, -ун**, образующие наименования лица по социальному положению (**чиновник, преступник**), по роду деятельности (**воспитатель, исполнитель**), по внутреннему (**пакостник, охальник, распутник**) и внешнему признаку (**горбун, великан**) (Замалютдинова 2012).

Таким образом, словообразовательная система языка может быть рассмотрена в качестве закона или предписания, определяющего форму выражения межличностной оценки в определенной культуре.

Целью данного исследования является представление словообразовательной специфики именованного лица в славянской культуре. В работе предлагается сопоставить языковую реализацию межличностной оценки по физическому признаку в ряде славянских языков (болгарский, польский, украинский и белорусский) и английском языке на предмет использования производных именованных. Выбор одного слова для анализа мотивирован, во-первых, тем, что данное производное является прототипическим примером оценочных производных именованных синкретичной сферы русского словообразования (см. ниже) и выводы, полученные при анализе этого производного, могут быть распространены на другие производные данной сферы (Нагель 2011а, 2011б). Кроме этого, в данном исследовании акцент делается на использование корпусных данных, которые компенсируют выбор одного слова для анализа множественностью его контекстных реализаций на пяти языках.

Для того чтобы выявить и правильно прочитать данные коды, требуется огромный массив данных об использовании языковой единицы в речи носителей языка, что определило обращение к материалам Национального корпуса русского языка (НКРЯ 2015).

Методы анализа. Современные корпусные технологии позволяют на богатом фактическом материале исследовать словообразовательные законы номинации (идентификации и характеристики) во всем их многообразии и динамичном проявлении в функционировании производной единицы. Активно создаваемые подкорпуса (газетный подкорпус, разговорный подкорпус) национальных корпусов различных языков позволяют изучать не только внутриязыковые системные явления, но и сопоставлять языковые явления разносистемных языков с привлечением данных о языковой личности (параллельный подкорпус). Так, например, параллельный подкорпус не только способен представить богатый эмпирический материал функционирования производного имени в тексте оригинала, но и содержит материал по результату интерпретационной деятельности переводчика, выступающего экспертом семантического прочтения глубинной семантики производного имени.

Процедура исследования представлена двумя основными этапами:

1. В рамках пропозиционального анализа анализируется словообразовательное, лексическое и грамматическое значение производного имени, выявляются актуальные и потенциальные смыслы семантики для доказательства национальной специфики кодировки межличностной оценки.

2. На базе параллельного подкорпуса НКРЯ анализируются переводные соответствия контекстов, содержащих производное имя *«толстяк»*. Выявляются и анализируются его контекстные переводные эквиваленты на предмет их словообразовательной структуры.

Материалом для данного исследования послужили славянские производные имена лица, характеризующие лицо по определенному признаку. Так, русское производное имя *«толстяк»* образовано в рамках синкретичной словообразовательной модели: основа прилагательного + суффикс *-як*. К данной группе относятся словообразовательные типы (СТ), имеющие общее словообразовательное значение: «лицо, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом». Типы продуктивны в разговорной речи и просторечии.

В семантическом плане производные отадективных синкретичных СТ характеризуются как структуры полипропозитивные. Основная пропозиция характеристики выражается прилагательным в предикативной позиции. Зависимая отражает факт отклонения от нормы, некую концен-

трацию признака: толстяк – тот, кто обладает ненормативным признаком «толстый». Словообразовательное значение моделей данного типа представляет собой пропозицию характеристики: S характеризуется P. В пропозицию включен модус оценки по качеству признака (M1ql), наследуемый от мотивирующей единицы и выражающий отклонение от нормы ($P \neq N$). Рациональная оценка (M2), выраженная семантикой словообразовательной модели и отражающая превышение нормы ($P > N$), т.е. «склонность» лица к обладанию данным признаком (M2qn), представляется как актуальная величина. Эмотивный модус (M3) отражает эмоции субъекта по поводу превышения нормы (т.е. обычного количества признака), его интенсивности и, следовательно, также является частью семантики словообразовательной модели, но оценочный знак эмотивного модуса актуализируется только в контексте. Спектр тематических групп признаков, выраженных мотивирующими прилагательными в рамках данной словообразовательной модели, ограничивается следующими: признаки человека, обозначающие интеллектуальные свойства и состояния личности, черты характера человека (**смелый, резвый**); признаки человека, обозначающие его социальный статус, образ жизни (**богатый, босой**); признаки человека, определяемые его физической природой (**толстый, рыжий**); прилагательные, которые выражают оценку (**милый, дорогой**). Данные мотивирующие прилагательные обозначают признаки человека и того, что непосредственно связано с человеком (части тела, общий вид, внутренние характеристики), того, что представляется социально значимым. Активное участие данных производящих в словообразовательных моделях синкретичного типа демонстрирует тот факт, что синкретичная сфера имеет номинативно-прагматическую направленность. Цель синкретичного производного – именовать человека во всем многообразии его характеристик и выразить отношение говорящего к тому, насколько данный человек вписывается в существующую нормативную картину и как на это реагирует говорящий. Характерными мотивирующими прилагательными выступают прилагательные, обозначающие признаки человека, определяемые его физической природой. Недостатки или какие-либо отклонения во внешности могут вызывать разные эмоции: это может быть реакция «сожаления», «снисхождения», «ласкательная», если это врожденное качество либо причина недостатка кроется в болезни или несчастном случае, а может вызывать и «пренебрежение с осуждением», если недостатки расцениваются как результат неправильного поведения, образа жизни»: **толстый «имеющий полную, тучную фигуру, тело» – толстяк «толстый мужчина», пухлый – пухляк, дохлый – дохляк, слабый – слабак.**

Особенности языковой объективации оценки лица в славянской культуре. У древних славян существовала традиция давать человеку прозвище в дополнение к имени, что не только позволяло легко выделить человека в соответствии с его происхождением, ролью в общественном устрое и занимаемым положением в обществе, но и характеризовало его как с внешней (физической стороны), так и с внутренней стороны, раскрывая его внутреннее содержание, особенность его характера. В качестве примера в табл. 1 представлены варианты славянских «говорящих» имен-прозвищ.

Примеры взяты из Славянского именослова А.В. Трехлебова (Трехлебов 2002) и для наглядности распределены по типу характеристики.

Таблица 1

Примеры славянских имен-прозвищ

Указание на род занятий	Особенности характера, внутреннего качества	Особенности внешности. Характеристика внешних данных (физические, одежда)	Особенности происхождения и проживания
<p>МЕНЬ – меняла. ДОВБУШ – долбун. НЕЗДА – несоздающий. БОТКО – стучащий, колотящий. ПОДПРЯТА – мощный. НЕМАТ – неимущий. НЯНКО – нянька, опекун. ПЕШКА (Пешек) – ходок. ЛЫНДА – бездельница. ПРОХН – попрошайка. ПОДПРЯТА – мощный</p>	<p>ВЕТРАН – ветренный. ВОРОШИЛА – копуша. ГЛУШАТА (Глушко) – тихоня. ГОДУН – медлительный. ГРЕЗЯ – мечтатель. ЖАДОК – жадный. КАТАЙ – гуляка мнительный. МОЛЧАН – молчаливый. САМОХА – самолюб. ТОМИЛО – утомляющий. ШУМИЛО – крикун. ЗУБАХА – зубастая, острословная. ЩЕПЕТУХА – нарядница, щеголиха</p>	<p>ВИТЧАК – кручёный. ВИЦА – гибкий. ВЛАС – волосатый. ВОРОНЕЦ – черноволосый. ГЛАЗКО – глазастый. ГРАБКО – рукастый. ДУБЕЦ – крепыш. ДУГИНЯ – гнуший в дугу, сильный. ЖМУРЁНОК – узкоглазый, прищуренный. ЗЕЛЕНЯ – молодой. ЗЫРЯЙ – смотрун, глазастый. КОСМЯТА – косматый, лохматый</p>	<p>ВЕЧЕРКО – родившийся вечером. ВЕШ (Вешняк) – весенний, рождённый весной. НАЙДЁН – найдёныш. НАМЕСТ – местный. НЕЖДАН – неожиданный, неожиданный. НЕНАШ – чужак. НЕУГОДА – неугодный. НЕЧАЙ – случайный. ПОЗДЕЙ – поздний. ПОЧИНОК – перенец. НАЙДЁНА (Найда) – найденная</p>

Как представлено в табл. 1, большинство имен являются производными мотивированными именованьями с прозрачной внутренней формой, понятной для носителя современного русского языка. Важно также отметить набор суффиксов, используемых для формирования имени: **-ах(а), -ок, -ун, -ан** и т.д. Большинство представленных в составе производных имен в табл. 1 суффиксов входит в состав словообразовательных моделей современного русского языка, играющих важную как идентификационную, так и характеризующую роль в современном русском языке: **бегун, неряха, знаток, голован** (Нагель 2011а). Несмотря на то что наблюдается расхождение в использовании конкретных словообразовательных формантов в древнеславянском и современном русском, факт предпочтения упаковки характеризующего суждения в производный знак остается явно выраженным. Кроме этого, представленная типология - указание на род занятий, особенности характера, особенности внешности (характеристика внешних данных (физические, одежда)) и особенности происхождения и проживания - соотносится с параметрами идентификации лица при языковой объективации производной единицей синкретичной семантики (Нагель 2011б): характеристика речи; характеристика взгляда; характеристика свой – чужой; характеристика совершаемых действий (работы); характеристика одежды; характеристика физических и внешних качеств; характеристика личности (социальное отношение / оценка). Как видим, основные ценностные ориентиры межличностных взаимодействий не потеряли своей актуальности. Более того, словообразовательная система славянских языков сохранила статус одного из главных инструментов для вербализации характеризующей оценки.

Славянские языки обладают богатым набором словообразовательных средств для придания оценочности межличностным отношениям: уменьшительно-ласкательные модели, усилительно-увеличительные модели в рамках модификационной сферы словообразования (Вежбицкая 1996; Резанова 1996, Резанова 2005; Протасова 2001; Канашина 2011).

В целом для большинства славянских языков характерно использовать словообразовательные средства для выражения оценки, причем большинство суффиксов являются универсальными. Например, для русского, словенского и сербского характерны суффиксы **-ун; -ец; -уш(а), -ан** при создании оценочного наименования лица. Суффиксация, наряду с метафоризацией, метонимией, заимствованиями, каламбуром и т.д., является самым продуктивным способом мелиоративности и пейоративности для русского, словенского и сербского

языков. Приведем пример производных наименований с суффиксом **-ун** в трех языках: *рус. болтун, слов. plahun (бояка); серб. багатун (багатеј)*.

Результаты анализа функциональных переводных эквивалентов производного имени «толстяк» на материале параллельного подкорпуса НКРЯ. Для подтверждения гипотезы о том, что для носителей славянских языков характерно использовать производные имена лица при оценочных именовании, более подробно предлагается рассмотреть функциональные соответствия русского производного имени «толстяк» в переводных контекстах на польском, украинском, белорусском и болгарском языках, а также сопоставить результаты с вариантами перевода на английский язык.

По материалам параллельного подкорпуса НКРЯ для польского языка из 52 вхождений производному имени «толстяк» соответствовало производное имя «*grubas*» с суффиксом **-as** в 48 случаях.

Пример 1

Ру. В кресле развалился огромный толстяк; две черноволосых, бледных молодых красоти, несомненно сестры, одна побольше, другая (почти ребенок) поменьше, скромно сидели рядышком на краю тахты [В.В. Набоков. Лолита (1967)].

Pl. W jednym z foteli siedział jakiś grubas; dwie młode piękności, ciemnowłose i blade, bez wątpienia siostry, starsza i młodsza (prawie dziecko), skromnie przycupnęły obok siebie na wersalce [Vladimir Nabokov. Lolita (Michał Kłobukowski, 1997)].

В польском языке суффикс **-as** является непродуктивным, но его использование характерно при необходимости привнесения оценки лица по характерному действию или признаку «*białas*» (белобрысый), «*brudas*» (грязнуля) (Юнаковская 2004: 155-156).

Из 42 вхождений на украинском языке производное имя «толстяк» в 40 случаях переводилось производным именем «товстун» с суффиксом **-ун**.

Пример 2

Ру. В кресле развалился огромный толстяк; две черноволосых, бледных молодых красоти, несомненно сестры, одна побольше, другая (почти ребенок) поменьше, скромно сидели рядышком на краю тахты [В.В. Набоков. Лолита (1967)].

Ук. В крісла розлігся великий товстун; дві чорноволосі, бліді молоді красочки, безсумнівно, сестри, одна більша, друга (майже дитина) менша, скромно сиділи близенько на скраю тахти [Володимир Набоков. Лоліта (К. Васюков, 2006)].

В украинском языке суффикс **-ун**, наряду с такими суффиксами как **-ар (-яр); -ец; -ник** т.д., используется для создания названий лиц по различным признакам (Современный украинский литературный язык).

Из 27 вхождений на белорусском языке производное имя **«толстяк»** в 23 случаях соотносится с производным именем **«таўстун»** с суффиксом **-ун** (см. выше).

Пример 3

Ру. *Увидев Маргариту, толстяк стал вглядываться, а потом радостно заорал.* [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 2) (1929-1940)].

Ве. *Таўстун убачыў Маргарыту, пачаў прыглядацца, а потым радасна закрычаў.* [Міхаіл Булгакаў. Майстар і Маргарыта (ч. 2) (А. Жук, 1994)].

Из 35 вхождений на болгарском языке производное имя **«толстяк»** в 31 случае переводилось производным именем **«дебелак»**.

Пример 4

Ру. *У ног вельможи примостился писец, а рядом свирепо ухмылялся угрюмый толстяк, для которого каждый допрос в этой башне был истинным праздником* [Л.В. Соловьёв. Очарованный принц. Вторая повесть о Ходже Насреддине (1954)].

Вг. *В краката на велможата се свивал, писар, а до него свирепо се хилел мрачният дебелак, за когото всеки разпит в тази кула бил истински празник* [Леонид Соловьов. Повест за Настрадаин Ходжа. Книга втора. Омагьосаният принц (Иван Костов, Райчо Русев, 1983)].

В болгарском языке суффикс **-ак (черед, с [-ац-])** присоединяется к основам имен прилагательных и образует существительные – названия лиц по их качествам или свойствам: **простак, глупак, строевак** и т.д. (Маслов 1956: 46).

Таким образом, наше утверждение о том, что в славянских языках отдается предпочтение использованию производных наименований при характеристике лица производным именем **«толстяк»**, подтверждается данными из пяти славянских языков. Далее предлагается рассмотреть способы перевода производного имени **«толстяк»** на английский язык. Необходимо отметить, что английский язык, будучи германским языком, также обладает словообразовательными средствами для выражения характеристики лица (например, производным аналогом **толстяка** может служить производное с суффиксом **-ster (chubster)** или с суффиксом **-y (fatty)**). Тем не менее более предпочтительной конструкцией в английском языке будет развернутое предикативное наименование, что, прежде всего, может быть продемонстрировано эквивалентами, взятыми из словарей (табл. 2).

Словарные эквиваленты производного имени «толстяк»

	Русско-английский словарь 1993	The Concise Oxford Russian-English Dictionary 1998	Русско-английский словарь 1985	Большой современный англо-русский русско-английский словарь 2009
Толстяк	<i>Fat / portly fellow</i>	<i>Fat man; fat boy</i>	<i>Stout / fat / corpulent man</i>	<i>Fat / stout man, fat boy</i>

Примеры из параллельного корпуса (НКРЯ 2015) также указывают на более распространенное использование предикативных конструкций.

Так, из 100 вхождений, содержащих производное имя «**толстяк**», 73 представлены развернутыми предикативными конструкциями (*a corpulent man, the fat man, the enormous man, a stout man, a well-fed man*).

Пример 5

En. There was a fat man in an easy chair; and two dark-haired pale young beauties, sisters no doubt, big one and small one (almost a child), demurely sat side by side on a davenport [Vladimir Nabokov. Lolita (1955)].

Ru. В кресле развалился огромный толстяк; две черноволосых, бледных молодых красотики, несомненно сестры, одна побольше, другая (почти ребенок) поменьше, скромно сидели рядышком на краю тахты [Владимир Набоков. Лолита (В. Набоков, 1967)].

Выводы. Анализ репрезентаций оценочных наименований лица в славянских языках продемонстрировал явное предпочтение в использовании суффиксальных производных для славянских языков, выявив лишь формальное расхождение суффиксов для конкретного оценочного наименования (-**як** (рус.) → -**ас** (пол.) → -**ун** (укр., блр.) → -**ак** (болг.)).

Результаты анализа материалов английского языка показали доминантное использование развернутых предикативных суждений при характеристике лица на основе его признака, что, в свою очередь, также подчеркивает словообразовательную специфику славянских языков при именовании лица производным именем «толстяк». Таким образом, мультязыковой материал Национального корпуса русского языка позволил получить репрезентативный материал для сопоставительного анализа конкретного языкового явления как в родственных, так и разноструктурных языках. Возможность проследить репрезентацию конкретной производной единицы во множестве мультязыковых контекстов позволяет сделать вывод о том, что действительно выбор производной

единицы для именованя лица на основе оценки его признака является характерной чертой славянских языков. Данное наблюдение открывает дискуссию о том, что словообразование славянских языков может рассматриваться как национально-культурный код языковой объективации действительности, а материалы параллельного подкорпуса НКРЯ представляют богатый эмпирический материал для дальнейшей проверки высказанного предположения.

ЛИТЕРАТУРА

Большой современный англо-русский русско-английский словарь 2009 - *Мюллер В.* Большой современный англо-русский русско-английский словарь. М.: Цитадель-трейд, Аделант, 2009. 580 с.

Вежбицкая 1996 - *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / Пер. с англ., отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

Замалютдинова 2012 - *Замалютдинова Э.Р.* Морфологически производные имена как средства характеристики человека в переводах произведений Г. Манна на русский язык // Ученые записки Казанского университета. Т. 154, кн. 5. URL: http://www.old.kpfu.ru/f10/publications/knigi/kn2/kn2_6.pdf (дата обращения: 10.05.2015).

Канашина 2011 - *Канашина Н.Н.* Субъективная оценка как компонент коннотации диминутивных дериватов в русском и немецком языке // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: Материалы междунар. науч. конф. Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 29-33.

Клевцова 2007 - *Клевцова О.Б.* Концепт «человек телесный»: когнитивное моделирование и переносы (на материале сопоставительного анализа древнерусского и древнеанглийского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2007. 30 с.

Кубрякова 2004 - *Кубрякова Е.С.* Язык и культура. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. 560 с.

Кулешова 2015 - *Кулешова М.Л.* Пейоративные названия лиц как компонент лексико-семантической категории персональности в словенском и сербском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 24 с.

Маслов 1956 - *Маслов Ю.С.* Очерк болгарской грамматики: учеб. пособие. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. 291 с.

Нагель 2011а - *Нагель О.В.* Фреймообразующий потенциал синкретичных производных // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 4. С. 48-56.

Нагель 2011б - *Нагель О.В.* Языковая реализация межличностного познания посредством производных наименований синкретичной природы // *Язык и культура*. 2011. № 1 (13). С. 70-85.

Национальный корпус русского языка 2015 - Национальный корпус русского языка / *Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН*. М., 2015. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 14.05.2015).

Протасова 2001 - *Протасова Е.Ю.* Роль диминутивов в современном русском языке // *Russian language: system and functioning*. Tartu. С. 72-88.

Резанова 1996 - *Резанова З.И.* Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 218 с.

Резанова 2005 - *Резанова З.И.* Именная деминутивная деривация в механизмах выражения оценки // *Картины русского мира: Аксиология в языке и тексте*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 194-231.

Русско-английский словарь 1985 - Русско-английский словарь / Под ред. А.И. Смирницкого, О.С. Ахмановой. М.: Рус. яз., 1985. 768 с.

Русско-английский словарь 1993 - *Таубе А.М., Литвинова А.В., Миллер А.Д., Даглиш Р.С.* Русско-английский словарь / *Russian-English Dictionary*. М.: Рус. яз., 1993. 528 с.

Современный украинский литературный язык 2015 - Современный украинский литературный язык. URL: http://www.studbooks.net/40522/dokumentovedenie/sovremen-nuu_ukrainskiy_literaturnyy_yazyk_6 (дата обращения: 16.05.2015).

Трехлебов 2002 - *Трехлебов А.В.* Славянский именослов. Пермь, 2002. 128 с.

Шарданова 2006 - *Шарданова М.А.* Эстетическая бинарная оппозиция «прекрасное / безобразное» в разносистемных языках: на материале английского, русского и кабардино-черкесского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2006. 26 с.

Юнаковская 2004 - *Юнаковская А.А.* Современный польский язык: учебное пособие. Омск, 2004. 200 с.

The Concise Oxford Russian-English Dictionary 1998 - The Concise Oxford Russian-English Dictionary / Ed. by Marcus Wheeler, Boris Unbegaun, and English-Russian Edited by Paul Falla. Oxford University Press, 1998.

REFERENCES

Müller, V.K. (2009) *Bol'shoy sovremennyy anglo-russkiy russko-angliyskiy slovar'* [Large Modern English-Russian dictionary]. Moscow: Tsitadel'-trejyd, Adelant.

Wierzbicka, A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition.]. Translated from English by M.A. Krongauz. Moscow: Russkie slovari.

Zamalyutdinova, E.R. (2012) Morfologicheski proizvodnye imena kak sredstva charakteristiki cheloveka v perevodach proizvedenii G. Manna na russkiy yazyk [Morphological derivatives as means of the person's characterization in the Russian translations of G. Mann's works]. *Zapiski kazanskogo universiteta*. 154 (5). [Online] Available from: http://www.old.kpfu.ru/f10/publications/knigi/kn2/kn2_6.pdf. (Accessed: 10th May 2015).

Kanashina, N.N. (2011) [Subjective evaluation as a diminutive connotational component in the Russian and German languages]. *Filologiya i lingvistika: problemy i perspektivy* [Philology and linguistics: problems and prospects]. Proc. of the International Research Conference. Chelyabinsk: Dva komsomol'za. pp. 29-33.

Klevzova, O.B. (2007) *Konzept "chelovek telesnyy": kognitivnoe modelirovanie i perenosy (na materiale sopostavitel'nogo analiza drevnerusskogo i drevneangliyskogo yazykov)* [The concept of "physical human being": cognitive modeling and mapping (based on the contrastive study of Old Russian and Old English)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tyumen'.

Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i kul'tura. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and culture. Getting knowledge about the language: cognitive view on parts of speech]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.

Kuleshova, M.L. (2015) *Peyorativnye nazvaniya liz kak komponent leksiko-semanticheskoy kategorii personal'nosti v slovenskom i serbskom yazykach* [Pejorative names as a component of the lexical and semantical category of personality in the Slovenian and Serbian languages]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

Maslov, Yu.S. (1956) *Ocherk bolgarskoj grammatiki* [An Essay on Bulgarian grammar]. Moscow: Foreign Literature Publishing House.

Nagel, O.V. (2011a) Frame construing potential of nominal syncretic derivatives. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 4. pp. 48-56.

Nagel, O.V. (2011b) Language realization of interpersonal cognition using derivatives of syncretic nature. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 1 (13). pp. 70-85.

Ruscorpora.ru. (2015) *Nazional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corps]. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru>. (Accessed: 14th May 2015).

Protasova, E.Yu. (2001) Rol' diminutivov v sovremennom russkom yazyke [The role of diminutives in the modern Russian language]. In: *Russian language: system and functioning*. Tartu. pp. 72-88.

Rezanova, Z.I. (1996) *Funktsional'nyy aspekt slovoobrazovaniya: Russkoe*

proizvodnoe imya [The functional aspect of word formation: Russian derivative names]. Tomsk: Tomsk State University.

Rezanova, Z.I. (2005) *Imennaya deminutivnaya derivatsiya v mekhanizmax vyrazheniya otsenki* [Nominal diminutive derivation in the mechanisms of evaluation expression]. In: Resanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: Aksiologiya v yazyke i tekste* [The pictures of the Russian world. Axiology in the language and text]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 194-231.

Smirnitkiy, A.I. & Akhmanova, O.S. (ed.) *Russko-angliyskiy slovar'* [The Russian-English dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.

Taube, A.M., Litvinova, A.V., Miller, A.D. & Daglish, R.S. (1993) *Russko-angliyskiy slovar'* [The Russian-English Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.

Studbooks.net. (2015) *Sovremennyy ukrainskiy literaturnyy yazyk* [Modern Literary Ukrainian Language]. [Online] Available from: http://www.studbooks.net/40522/dokumentovedenie/sovremennyy_ukrainskiy_literaturnyy_yazyk 6. (Accessed: 16th May 2015).

Trekhlebov, A.V. (2002) *Slavyanskiy imenoslov* [Slavic Name Dictionary]. Perm: A.V. Trekhlebov.

Shardanova, M.A. (2006) *Esteticheskaya binarnaya oppozitsiya "prekrasnoe / bezobraznoe" v raznosistemnykh yazykakh: na materiale angliyskogo, russkogo i kabardino-cherkesskogo yazykov* [Esthetic binary opposition "beautiful/ugly" in unrelated languages: based on the English, Russian and Cabardino-Cherkessian languages]. Abstract of Philology Cand. Diss. Nalchik.

Yunakovskaya, A.A. (2004) *Sovremennyy pol'skiy yazyk* [The Modern Polish language]. Omsk: Omsk State University.

Wheeler, M., Unbegaun, B. & Falla, P. (1998) *The Concise Oxford Russian-English and English-Russian Dictionary*. Oxford University Press.

Нагель Ольга Васильевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии, доцент кафедры английской филологии Томского государственного университета.

Nagel Olga – Tomsk State University (Russia).

E-mail: olga.nagel2012@yandex.ru

УДК 81'23

UDC

DOI 10.17223/18572685/41/17

ВЛИЯНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ РОДА НА БИМОДАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА*

З.И. Резанова¹, Е.Д. Некрасова²

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: ¹rezanovazi@mail.ru; ²nekrasovaed@yandex.ru

Авторское резюме

Статья посвящена решению проблемы бимодального (аудиального и визуального) восприятия категории грамматического рода существительных болгарского языка, отличающегося значительной степенью формализации представления категориальной оппозиции. Исследование выполнено в русле когнитивной парадигмы. Экспериментально проверена гипотеза о том, что категория рода, имеющая высокую степень формальной выраженности в языке, оказывает влияние на процесс полимодального восприятия. Результаты проведенного эксперимента позволили сделать вывод о наличии различий в схеме когнитивной обработки значений слов мужского и женского рода болгарского языка, что подтверждает сделанные на другом материале выводы о сравнимо более высокой степени автоматизма восприятия немаркированных членов семантических оппозиций (в данном случае – существительные мужского рода). Полученные результаты также согласуются с теорией о влиянии типа информации на когнитивную обработку знака при полимодальном восприятии, даже в условиях, когда эта информация не находится в фокусе произвольного внимания.

Ключевые слова: болгарский язык, категория рода, аудиальная модальность, визуальная модальность, бимодальное восприятие.

THE INFLUENCE OF GRAMMATICAL GENDER ON THE BIMODAL PERCEPTION OF BULGARIAN NOUNS**

Z.I. Rezanova¹, E.D. Nekrasova²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: ¹rezanovazi@mail.ru; ²nekrasovaed@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the issue of the bimodal (audial and visual) perception of the category of

* Данное научное исследование (№ проекта 8.1.37.2015) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд Томского государственного университета им. Д.И. Менделеева» в 2015 г.

** This study (research grant No 8.1.37.2015) was supported by The Tomsk State University Academic D.I. Mendeleev Fund Program in 2015.

grammatical gender of nouns in Bulgarian language. The category of grammatical gender has a high degree of formalization representation of the categorial opposition. The study was performed in line with the cognitive paradigm. The authors experimentally tested the hypothesis about the category of gender. It is assumed that the category of gender, which has a high degree of formal expression in the language, influences the process of multimodal perception. On the basis of the experiment, the authors conclude that there are differences in the cognitive processing of the meanings of words of masculine and feminine gender in the Bulgarian language. This is confirmed by conclusions, made on a different material, about a higher degree of automatism of perception of unmarked members of semantic oppositions (in this case masculine nouns). The results are also consistent with the theory of the influence of the type of information on the cognitive processing of a sign in multimodal perception, even when this information is not in the focus of voluntary attention.

Keywords: Bulgarian language, category of gender, audial modality, visual modality, bimodal perception.

Постановка проблемы. Данная работа выполнена в русле когнитивной парадигмы исследования языковых и речевых феноменов. Когнитивная лингвистика актуализирует аспекты взаимных детерминаций языкового и ментального механизмов. При этом в качестве одной из наиболее актуальных выделяется проблема влияния формально-семантической структуры языковых единиц разных уровней на характер их когнитивной обработки и на осуществление смежных когнитивных процессов.

В представляемом исследовании в рамках данной общей проблемы мы решаем вопрос о характере влияния формально-семантических особенностей категории рода болгарского языка на восприятие имен существительных в условиях полимодального восприятия.

Под *полимодальным восприятием* понимается ситуация восприятия, при которой происходит одновременная актуализация двух или более перцептивных каналов. Частным случаем полимодального восприятия является бимодальное восприятие, предполагающее актуализацию двух сенсорных каналов, в частности аудиального и визуального. Термином *полимодальность* обозначается совокупность ощущений, поступающих путем разных модальностей при чувственном восприятии объекта действительности (Ананьев 1961).

В российской лингвистике этот термин используется и в другом значении: гетерогенность *семиотической природы* текста, воспринимаемого через один или разные сенсорные каналы, которое находится в отношении синонимии с термином «поликодовость» (Ейгер, Юхт 1974: 103-109; Сорокин, Тарасов 1990: 180). В настоящее время термин *полимодальность* может употребляться при обозначении явлений *поликодовости*, однако мы разводим эти термины на основании различий *предмета* обозначения и *аспектов* его изучения.

В качестве *поликодового* рассматривается текст, соединяющий в себе разные семиотические информационные *коды* (например, изображение и текст), в качестве *полимодального* – текст, воспринимаемый при помощи различных *модальностей*, т.е. каналов восприятия информации (в частности, зрительной и аудиальной).

В англоязычной традиции для обозначения понятий *полимодальности* и *поликодowości* принят термин «multimodality» (the mode – *модус*) (Kress 2009).

В лингвистических исследованиях как поликодовых (мультисемиотических), так и полимодальных (мультимодальных) текстов часто внимание направлено на выявление роли и смысловой нагрузки вербального компонента при восприятии целостного текста (первые – см.: Анисимова 2003; Сонин 2006; Веревкина 2010; Волоскович 2012 и др., вторые – см.: Большакова 2008: 48-51; Рогожникова 2011: 469-473; Никитина 2012: 72-76 и др.)

Однако такого типа анализ, на наш взгляд, необходимо сочетать с изучением восприятия в условиях конфликта модальностей собственно языковых единиц (моносемиотических), фокусируя внимание на их внутренних, формально-семантических особенностях, способных повлиять на восприятие и когнитивную обработку. Единицей анализа в таком случае является *слово*, имеющее смысловую целостность и завершенность и содержащее набор формальных маркеров семантики, т.е. характеризующееся также структурным своеобразием.

В теории полимодального восприятия информации существует «гипотеза модальной целесообразности», предполагающая, что *вклад «различных сенсорных модальностей в полимодальное восприятие связан с типом воспринимаемых стимулов»* (Danz 2011: 48-61). Мы предполагаем, что типом информации, влияющим на бимодальное восприятие, могут быть как формальные, так и семантические аспекты слова. Особенность обозначенного исследовательского подхода состоит в выделении в слове набора семантических компонентов и их формальных показателей и в последующем изучении влияния каждого показателя на восприятие вербальных стимулов в условиях конфликта модальностей.

Измерение влияния формально-семантических свойств слова проводится экспериментально в условиях контролируемого отбора стимулов по изучаемым параметрам. При планировании экспериментального исследования мы исходили из следующих теоретических постулатов:

- когнитивные законы полимодального восприятия, выявленные при анализе иных знаковых систем, могут быть применимы и к языку;
- язык обладает собственной внутренней системностью, поэтому

изучение особенностей восприятия языковых категорий может дать информацию об их собственно языковых особенностях.

В предыдущих исследованиях нами были получены результаты, свидетельствующие:

- о выделении визуальной модальности в качестве ведущей для восприятия;

- незначительной роли семантической информации в возникновении функциональной асимметрии сенсорных каналов;

- *неоднородности* влияния различных категорий на полимодальное восприятие вербальных стимулов;

- обусловленности характера влияния грамматической категории на процесс восприятия *степенью ее формализации* (Некрасова 2014а, 2014б, 2015).

При этом формализация может быть реализована семиотически разными способами: в *графике* (например, наиболее последовательное графическое выделение категории грамматического рода или числа происходит при помощи флексий) и / или в *звуке* (ударение как маркер различий грамматических форм) и восприниматься, соответственно, через аудиальный или визуальный сенсорный каналы.

В исследуемом нами случае грамматическая формализация категориальной семантики грамматического рода в болгарском языке репрезентирована и в графической, и в звуковой форме, воспринимаемой в аудиальной и визуальной модальностях.

Таким образом, мы преследуем две исследовательские цели, соотносимые с изложенными ранее теоретическими постулатами:

- изучить влияние формализованной категории грамматического рода на полимодальное восприятие вербальных стимулов;

- выявить специфические когнитивные особенности восприятия категории грамматического рода в болгарском языке.

Грамматическая справка. Категория рода болгарского языка в качестве объекта исследования была избрана как одна из наиболее формализованных категорий. Эта категория является трехчленной, включающей три незамкнутых ряда морфологических форм мужского, женского и среднего рода. Частные значения исследуемой категории находятся в отношениях привативной оппозиции, в которой мужской род является немаркированным членом. Эта категория в болгарском языке коррелирует с лексико-грамматическими разрядами личных и неличных существительных (ср., например, соотношение соответствующей категории русского языка с оппозицией «одушевленности» и «неодушевленности», выстраиваемой на других основаниях). В нелич-

ных существительных определяющим фактором отнесения слова к тому или иному роду является грамматическая форма слова, в личных – пол обозначаемого лица (Маслов 1956). Единицы того и другого классов – «личные» и «неличные» – имеют трехчленную парадигму, так как к группе «неличных» относятся названия различных видов животных и птиц (ср. *теле* «теленки», *пеле* «петух», относящиеся к среднему роду). При этом и в личных словах грамматический род не всегда соответствует полу, маркируясь формально: *момче* «мальчик», так же как и *момиче* «девочка» – грамматически среднего рода (Маслов 1956). Характер окончания определяет отнесенность *неличного* существительного к тому или иному грамматическому роду: *нос, вол, брех, морал, афиш, бронз, цитат* – м.р., *вода, земя, мечка* – ж.р., *око, ухо, село, куче, теле* – ср.р.

В личных существительных решающей является половая отнесенность обозначаемого существительным лица: *другар* «товарищ», *бащ-а* «отец», *дяд-о* «дед», *вуйч-о* «дядя», *Георги, Митре* – м.р., *сестра, другарка, майка* «мать» – ж.р.

При этом существительные *дете* «дитя» и *либе* «любимый(ая)», а также уменьшительные существительные на *-е, -че, -иче, -ле, -ение, -ченце*, независимо от обозначаемого лица, относятся к грамматическому среднему роду: *адвокатче* «адвокатик», *нашето Пете, нашето Анче* и др.

Таким образом, система флексий, с одной стороны, не является достаточной в смысле определения принадлежности к тому или иному грамматическому роду, когда речь идет о личных существительных, с другой – нивелирует половое различие, когда речь идет о существительных грамматического среднего рода.

Исследователи отмечают большую, в сравнении, например, с русским языком, формализацию категории рода, так как все наименования живых одушевленных существительных, относящихся к разряду неличных (например, наименования животных), категоризируются согласно формальному показателю, а не половому, а в русском языке более последовательно выражается зависимость категории рода от лексического значения слова (Мельникова 1996).

Мы задались целью экспериментально исследовать особенности восприятия категории рода в болгарском языке, а также степень влияния данной категории на процесс полимодального восприятия.

Эксперимент. Данную задачу мы решали при помощи эксперимента, проведенного с использованием пакета программ E-Prime 2.0 (Copyright 1996-2012 Psychology Software Tools).

Для решения задачи нами использовалось типовое экспериментальное задание *lexical decision* (лексическое решение), в котором

испытуемым предлагается определить, является ли предъявляемая единица реальным словом, в данном случае – словом болгарского языка. При этом грамматический род существительного болгарского языка в рамках экспериментальной сессии является характеристикой лексемы, напрямую никак не связанной с экспериментальным заданием. Это позволило нам изучать влияние на процесс полимодального восприятия формализованной категории, не находящейся в фокусе произвольного внимания испытуемых.

В рамках экспериментального стимульного материала мы использовали только тот набор слов, который по формальному и семантическому показателю *прозрачно относится к одному из двух родов – мужскому или женскому*.

Гипотезы, проверяемые в эксперименте.

Категория грамматического рода болгарского языка, имеющая высокую степень формальной выраженности в языке, будет оказывать влияние на процесс полимодального восприятия.

Характер полимодального восприятия коррелирует с формально-семантическими особенностями грамматической категории.

Иными словами, в рамках полимодального восприятия с установкой произвольного внимания на обе исследуемые модальности случаи с *конфликтной* формально маркированной грамматической информацией (слово мужского и слово женского рода) в сравнении со случаями соединения *идентичной* информации (оба слова мужского или женского рода) будут существенно различаться, даже если эти оппозиции не находятся в фокусе произвольного внимания респондентов.

Для проверки данной гипотезы нами был проведен эксперимент на материале болгарского языка с носителями языка, предполагавший параллельное бимодальное предъявление слов, содержащих *конфликтную* и *идентичную* по категории грамматического рода информацию.

Материал. Для подготовки стимульного материала нами было отобрано 120 неличных существительных мужского и женского грамматического рода, исключая случаи двоякого толкования или нехарактерные случаи употребления грамматического рода. Для всех пар слов контролировались следующие факторы:

– частотность употребления слова не отличалась для групп слов, использовавшихся в аудиальной и визуальной модальностях. Двусторонняя значимость (t-критерий для независимых выборок) составила $p = ,756$. Данные по объективной частотности брались из 72-миллионного словаря (Simov et al. 2004), в основу легли значения десятичного логарифма из параметра числа употребления на миллион слов корпуса;

– по длине слова в каждой аудиально-визуальной паре совпадали либо значимо не различались (учитывалось количество букв и количество слогов в каждой паре). Двусторонняя значимость (t-критерий для независимых выборок) составила $p = ,82$.

В дальнейшем из стимульного материала были сформированы пары слов (по слову для аудиальной и визуальной модальностей) с учетом обоих критериев. В основу формирования была положена категория грамматического рода (М – мужской, Ж – женский): всего четыре типа пар, из которых две содержали идентичную информацию (М – М, Ж – Ж) и две – конфликтную (М – Ж, Ж – М) (таблица).

Поскольку в качестве основного задания к эксперименту был выбран процесс *лексического решения*, для стимульного материала также было сформировано еще 60 пар (120 единиц) квазислов, выстроенных согласно порождающим моделям грамматического мужского и женского рода в болгарском языке, т.е. все вымышленные слова могли быть отнесены к мужскому или женскому роду на основании формального грамматического показателя: (*астон, търп-а, иркам-а, акърест* и др.). Все пары, содержащие квазислова, относились к филлерам и исключались из итогового анализа.

Типы пар стимулов, содержащих конфликтную и идентичную по категории грамматического рода информацию

	Грамматическая информация (категория рода)	Визуальная модальность (экран)	Аудиальная модальность (наушники)
Пары стимулов	Идентичная	ДЕЛФИН (м)	БАЛАНС (м)
		АРЕНА (ж)	МАГИЯ (ж)
	Конфликтная	БАЛОН (м)	МАРКА (ж)
		РАКЕТА (ж)	БАЛКОН (м)

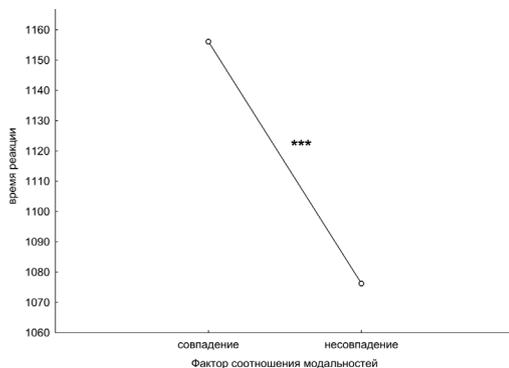

Рис. 1. Показатель времени реакции по фактору соотношения модальностей

Дизайн эксперимента представлял собой сочетание двух факторов с двумя уровнями в каждом (2 x 2), где в качестве зависимых переменных анализировались:

- соотношение модальностей: визуальная vs аудиальная,
- категория грамматического рода: мужской vs женский.

В качестве зависимых переменных собирались данные:

- времени реакции (Reaction Time),
- правильности выполнения задания на категоризацию (ACC).

Испытуемые: студенты различных факультетов Нового Болгарского университета (New Bulgarian University), преимущественно факультета когнитивных наук и психологии, в возрасте от 19 до 23 лет, с нормальными или скорректированными до нормального зрением и слухом. Все – носители болгарского языка как родного.

Процедура. Как отмечалось, задание не было напрямую связано с анализируемой категорией и предполагало осуществление *лексического решения* (lexical decision) с определением наличия существующих и несуществующих слов (квазислов, не-слов) в каждой аудиально-визуальной паре.

Согласно инструкции в ходе прохождения эксперимента испытуемым требовалось определить, обладают ли представленные слова смыслом в болгарском языке или нет:

Сейчас вам будут предлагаться пары слов: одно на экране, другое в наушниках.

Среди предлагаемых слов будут слова, обладающие смыслом в болгарском языке (например, ПОРТРЕТ, ОБЗОР) и слова, не обладающие смыслом в болгарском языке (типа АКЫР, ЛЯПИР).

И нажмите клавишу:

1. Если оба слова в паре существующие. Если два слова в паре имеют смысл в болгарском языке.

2. Если хотя бы одно слово в паре несуществующее. Если одно или оба слова в паре не имеют смысла в болгарском языке.

Респонденту, таким образом, необходимо было нажать клавишу 2, если в аудиально-визуальной паре он встречает хотя бы одно слово, не обладающее смыслом, и 1 - если оба слова в паре имеют смысл.

После фиксационного креста (500 мс) в случайном порядке предъявлялись пары стимулов, один из которых появлялся на экране в течение максимум 5 000 мс до нажатия клавиши 2 (*наличие в паре хотя бы одного квазислова*) или 1 (*оба слова имеют смысл*). Другой вербальный стимул одновременно с появлением слова на экране звучал в наушниках, имеющих перекрывающую поверхность. Перед началом новой пробы

появлялся пустой экран (500 мс). Эксперимент предполагал наличие тренировки (15 пар стимулов), данные которой не учитывались при анализе.

Анализ и обсуждение. Анализ результатов (Repeated Measures ANOVA) проводился при помощи пакетов программ IBM SPSS Statistic 21 и STATISTICA. Сравнение данных по показателю времени реакции выявило наличие значимого эффекта третьей ступени ($F(1, 40) = 99,738, p = ,00000$) по фактору соотношения модальностей. Таким образом, несмотря на то, что категория рода намеренно не вводилась в фокус внимания респондента (экспериментальная задача никак не была связана с указанной категорией), при ее восприятии можно наблюдать явление интерференции: в случаях конфликта стимулов в аудиальной и визуальной модальностях время реакции сокращается (время реакции фиксируется в миллисекундах – рис. 1). То есть мы можем сделать вывод о том, что формальная выраженность категории рода влияет на восприятие вербальных стимулов даже в ненаблюдаемой ситуации (в ситуации, когда респондент не сосредоточен на этой категории).

Анализ (One-way ANOVA) по фактору процента выбора правильных ответов выявил схожий эффект (рис. 2). В случаях, когда попарно информация по фактору грамматического рода в предъявляемых стимулах *не совпадает*, процент выбора правильного ответа значимо ($p = ,00007$) повышается в сравнении со случаями *идентичной* по фактору

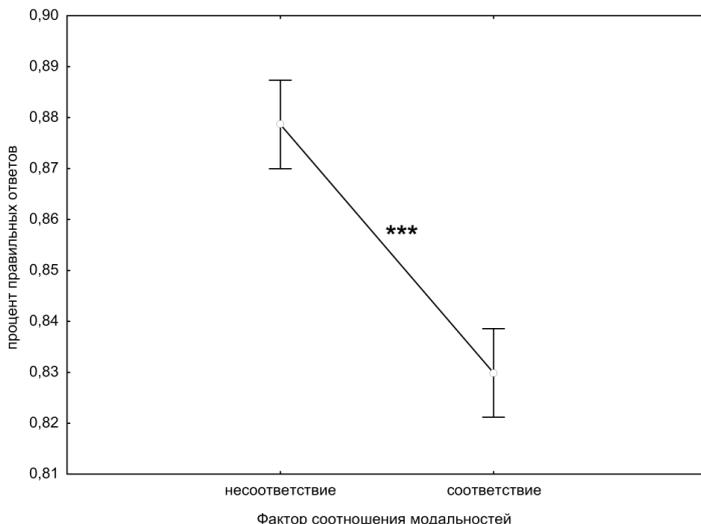

Рис. 2. Показатель процента правильных ответов по фактору соотношения модальностей

грамматического рода информации, т.е. при появлении дистракторной (различающейся) информации респонденты быстрее производят ментальную категоризацию, а также снижают вероятность сделать ошибочную лексическую категоризацию.

Факторный дисперсионный анализ (ANOVA) позволил выявить следующую когнитивную закономерность при восприятии *собственно категории рода* (рис. 3): слова мужского рода воспринимаются респондентами значительно быстрее в сравнении со словами женского рода ($F(1, 40) = 5,4748, p = ,02437$).

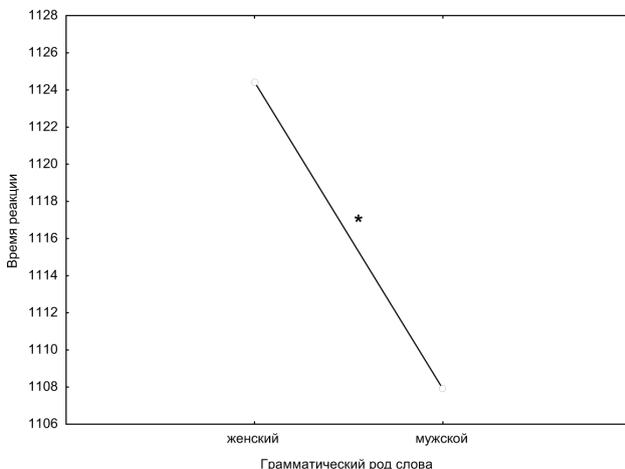

Рис. 3. Показатель времени реакции ответов по фактору грамматического рода слова

Заключение. Проведенный анализ результатов позволил сделать два основных вывода, отражающих две основные исследовательские задачи: изучить влияние формализованной категории грамматического рода на полимодальное восприятие вербальных стимулов, а также выявить когнитивные особенности восприятия самой категории грамматического рода.

1. Выявленный эффект значимо более быстрой обработки имен существительных мужского грамматического рода в сравнении с существительными женского рода позволяет нам сделать предположение о наличии различий в схеме когнитивной обработки значений слов мужского и женского родов. Поскольку в основе категории грамматического рода болгарского языка лежит привативная оппозиция и именно мужской род является немаркированным членом оппозиции (на основании

формальной невыраженности), данный вывод согласуется с отмеченными нами подобными эффектами при решении других когнитивных задач (Rezanova et al., 2014: 280-285) и в целом – с общей когнитивной идеей о сравнимо более высокой степени автоматизма восприятия немаркированных членов семантических оппозиций.

2. Наблюдаемый эффект значительного сокращения времени реакции в случаях конфликта стимулов позволяет нам говорить о существенном влиянии типа информации (в частности, формально выраженной категории) на восприятие даже в условиях, когда эта категория скрыта от внимания испытуемых, так как именно грамматический род существительных лег в основу дифференциации стимулов, выступив ведущим типом заложенной в стимулы информации.

3. Славянские языки как синтетические флективные языки характеризуются значительной степенью формализации грамматических смыслов, что, по данным проведенного эксперимента, влияет на характер их восприятия в разных модальностях. Выявленные в экспериментах корреляции типа информации и характера ее предъявления в аудиальной или визуальной вербальной форме могут и должны учитываться в практике преподавания славянских языков, в том числе преподаваемых в качестве иностранных.

ЛИТЕРАТУРА

Andonova 2004 - *Andonova et al.* Gender and lexical access in Bulgarian // *Perception & Psychophysics*. 2004. № 66 (3). P. 496-507.

Clark, Paivio 2006 - *Clark J.M., Paivio A.* Extensions of the Paivio, Yuille, and Madigan (1968) norms // *Behavior Research Methods, Instruments, Computers*. 2006. № 36 (3). P. 371-383.

Cortese, Fugett 2004 - *Cortese M.J., Fugett A.* Imageability ratings for 3,000 monosyllabic words // *Behavior Research Methods, Instruments, Computers*. 2004. № 36 (3). P. 384-387.

Danz 2011 - *Danz A.D.* Visual and audial impact on the determination of changes in the temporal frequency // *Experimental psychology*. 2011. Vol. 4, № 2. P. 48-61.

Kress 2009 - *Kress G.* Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. 2009. 236 p.

Rezanova, Nekrasova, Shilyaev 2014 - *Rezanova Z.I., Nekrasova E.D., Shilyaev K.S.* Gender-marked Metaphors: Influence of Grammatical Gender and Animateness on Referential Choice of Metaphorical Name of the Person

in the Russian language. *Procedia // Social and Behavioral Sciences*. 2014. № 154. P. 280-285.

Simov et al. 2004 - *Simov K., Osenova P., Kolkovska S., Balabanova E., Doikoff D.* A language resources infrastructure for Bulgarian. *Proceedings of Language Resources and Evaluation Conference*. Lisbon, Portugal, 2004. P. 1685-1688.

Ананьев 1961 - *Ананьев Б.Г.* Теория ощущений. Л.: ЛГУ, 1961. 456 с.

Анисимова 2003 - *Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003. 128 с.

Большакова 2008 - *Большакова Л.С.* О содержании понятия «Поликодовый текст» // *Вестник Новгородского государственного университета*. 2008. № 49. С. 48-51.

Веревкина 2010 - *Веревкина Ю.О.* Немецкие рекламные поликодовые тексты: герменевтический подход: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2010. 25 с.

Волоскович 2012 - *Волоскович А.М.* Когнитивные и семиотические аспекты взаимодействия компонентов полимодального текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 32 с.

Гальперин 2006 - *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.

Ейгер, Юхт 1974 - *Ейгер Г.В., Юхт В.Л.* К построению типологии текстов // *Лингвистика текста: материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореза*. М., 1974. Ч. I. С. 103-109.

Маслов 1956 - *Маслов Ю.С.* Очерк болгарской грамматики. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. 292 с.

Мельникова 1996 - *Мельникова Л.В.* Категория рода в современном болгарском и русском языках: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996. 174 с.

Некрасова 2014а - *Некрасова Е.Д.* К вопросу о восприятии полимодальных текстов // *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 378. С. 45-48.

Некрасова 2015 - *Некрасова Е.Д.* Влияние межмодального конфликта на восприятие вербальных стимулов // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 392. С. 21-26.

Некрасова 2014б - *Некрасова Е.Д.* Полимодальное восприятие вербальных стимулов в условиях конфликта модальностей (экспериментальное исследование) // *Шестая международная конференция по когнитивной науке: Сб. докл.* Калининград, 23-27 июня 2014 г. Калининград: БФУ, 2014. С. 441-443.

Никитина 2012 - *Никитина Э.Г.* Экспериментальное исследование восприятия телевизионных спортивных репортажей // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2012. № 4. С. 72-76.

Рогожникова, Навалихина, 2011 - *Рогожникова Т.М., Навалихина А.И.* Доминантные модальности восприятия и их динамика // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16, № 2. С. 469-473.

Русская грамматика 1980 - Русская грамматика / Академия наук СССР. Институт русского языка. М.: Наука, 1980. Т. 1. 784 с.

Сонин 2006 - *Сонин А.Г.* Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 323 с.

Сорокин, Тарасов 1990 - *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. 240 с.

Тимофеева 2010 - *Тимофеева М.К.* Введение в экспериментальную когнитивную лингвистику. Новосибирск, 2010. 101 с.

REFERENCES

Andonova et al. (2004) Gender and lexical access in Bulgarian. *Perception & Psychophysics*. 66(3). pp. 496-507. DOI: 10.3758/BF03194896

Clark, J.M. & Paivio, A. (2006) Extensions of the Paivio, Yuille, and Madigan (1968) norms. *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*. 36(3). pp. 371-383. DOI: 10.3758/BF03195584

Cortese, M.J. & Fugett, A. (2004) Imageability ratings for 3,000 monosyllabic words. *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*. 36(3). pp. 384-387. DOI: 10.3758/BF03195585

Danz, A.D. (2011) Visual and audial impact on the determination of changes in the temporal frequency. *Experimental psychology*. 4 (2). pp. 48-61.

Kress, G. (2009) *Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. Taylor & Francis

Rezanova, Z.I., Nekrasova, E.D. & Shilyaev, K.S. (2014) Gender-marked Metaphors: Influence of Grammatical Gender and Animateness on Referential Choice of Metaphorical Name of the Person in the Russian language. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. 154. pp. 280-285. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.10.152

Simov, K., Osenova, P., Kolkovska, S., Balabanova, E. & Doikoff, D. (2004) A language resources infrastructure for Bulgarian. *Proceedings of Language Resources and Evaluation Conference*. Lisbon. pp.1685-1688.

Ananyev, B.G. (1961) *Teoriya oshchushcheniy* [The theory of sensations]. Leningrad: Leningrad State University.

Anisimova, E.E. (2003) *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov)* [Text linguistics and intercultural communication (on the material of creolized texts)]. Moscow: Akademiya.

Bolshakova, L.S. (2008) O sodержanii ponyatiya "Polikodovyy tekst" [About the content of the term "polycode text"]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University*. 49. pp. 48-51.

Verevkina, Yu.O. (2010) *Nemetskie reklamnye polikodovye teksty: germenevticheskiy podkhod* [German advertising polycode texts: a hermeneutic approach]. Abstract of Philology Cand. Diss. Samara.

Voloskovich, A.M. (2012) *Kognitivnye i semioticheskie aspekty vzaimodeystviya komponentov polimodal'nogo teksta* [Cognitive and semiotic aspects of interaction of components of multimodal text]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

Galperin, I.R. (2006) *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow: KomKniga.

Eiger, G.V. & Juht, V.L. (1974) [To the typology of texts]. *Lingvistika teksta* [Text linguistics]. Proc. of the Conference at Moscow State Pedagogic Institute of Foreign Languages named after M. Torez. Moscow. pp. 103-109.

Maslov, Yu.S. *Ocherk bolgarskoy grammatiki* [An Essay on Bulgarian grammar]. Moscow: Foreign Literature Publ.

Melnikova, L.V. (1996) *Kategoriya roda v sovremennom bolgarskom i russkom yazykakh* [The category of gender in modern Bulgarian and Russian]. History Cand. Diss. St. Petersburg.

Nekrasova, Ye.D. (2014a) On multimodal perception of the text (a psycholinguistic experiment). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 378. pp. 45-48.

Nekrasova, Ye.D. (2015) The influence of intermodal conflict on perception of verbal stimuli. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 392. pp. 21-26.

Nekrasova, Ye.D. (2014b) [The multimodal perception of verbal stimuli in conflict modalities (experimental study)]. *Shestaya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoy nauke* [The 6th International Conference on Cognitive Research]. Kaliningrad. 23rd to 27th June 2014. Kaliningrad: BFU. pp. 441-443.

Nikitina, Ye.G. (2012) Eksperimental'noe issledovanie vos-priyatiya televizionnykh sportivnykh reportazhey [Experimental study of the perception of television sports reporting]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Cherepovets State University Bulletin*. 4. pp. 72-76.

Rogozhnikova, T.M. & Navalikhina, A.I. (2011) Dominantnye modal'nosti vospriyatiya i ikh dinamika [Dominant modality of perception and their dynamics]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*. 16(2). pp. 469-473.

Shvedova, N.Yu. (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow: Nauka.

Sonin, A.G. (2006) *Modelirovanie mekhanizmov ponimaniya polikodovykh tekstov* [Modeling of the mechanisms of understanding polycode texts]. Philology Doc. Diss. Moscow.

Sorokin, Yu.A. & Tarasov, E.F. (1990) *Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya* [Creolized texts and their communicative function]. In: Kotov, R.G. (ed.) *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya* [Optimization of linguistic manipulation]. Moscow: Nauka. p.180.

Timofeeva, M.K. (2010) *Vvedenie v eksperimental'nyu kognitivnyu lingvistiku* [Introduction to experimental cognitive linguistics]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

Резанова Зоя Ивановна – доктор филологических наук, зав. кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.

Rezanova Zoya – Tomsk State University (Russia).

E-mail: rezanovazi@mail.ru

Некрасова Елена Дмитриевна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.

Nekrasova Elena – Tomsk State University (Russia).

E-mail: NekrasovaED@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

2015, № 3 (41)

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинев, Молдавия)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

- 256 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.
E-mail: info@rusyn.md, journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>
Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»:
<http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 23.09.2015. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «PT Sans».
Тираж 400 экз.
Заказ 193.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:
г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР

В 2015 году международный исторический журнал «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».

МАНЯВСКИЙ СКИТ

Д.Н. Вергун

В Карпатских ущельях лесистой Манявы
Веками сиял монастырь,
Его основал в годы княжеской славы,
По древней молве, - богатырь.

Немало обитель в пучине столетий
Изведала лютых незгод,
Но бури и грозы крутых лихолетий
Отмаливал веры оплот.

Мадьяр и поляков, татар, печенегов
Видал златоверхий погост,
Но скит отражал все осады набегов,
Лелея живительный рост.

И слава скита по всему Прикарпатью
Блистала из века во век,
Покуда тевтон, истребляя всю братью,
Молений ея не пресек.

